

КРИСТИНА
ЮРАШ

КУСУЧИЙ
СЛУЧАЙ

Annotation

Таинственный красавец явился в мой дом и потребовал отдать ребенка. Детей у меня нет, но недавно у меня чудом появился... тигренок. Разбился обычный шарик из магазина. Прощай ремонт, да здравствует лоток!

Красавец был в таком восторге от лотка, мисок и имени, что слегка озверел. И чуть меня не прикончил!

Я бы рада отдать ему моего Титикаку и попрощаться с маленькой катастрофой, но пушистая задница вцепилась в халат когтями. Я вместе со всеми очутилась в новом мире, став няней для принца. Уже здесь я узнала, что это — не заботливый папа, а злой дядя! По дворцу ходят слухи, что он убил родителей принца. А еще есть страшное пророчество...

-
- [Пролог. Титикака](#)
 - [Глава первая. Белый, мягкий и пушистый](#)
 - [Глава вторая. Ути-пути!](#)
 - [Глава третья. Не поворачивайся к нему спиной...](#)
 - [Глава четвертая. Кот на крыше](#)
 - [Глава пятая. Внимание, смертельный номер!](#)
 - [Глава шестая. Няню приносят в жертву!](#)
 - [Глава седьмая. Доктор Айболит лечит только тех, кто не кусается!](#)
 - [Глава восьмая. Это не я!](#)
 - [Глава девятая. Зефир в шоколаде](#)
 - [Глава десятая. Ссанкции](#)
 - [Глава одиннадцатая. Пососать одеяло!](#)
 - [Глава двенадцатая. Символические подарки](#)
 - [Глава тринадцатая. Охотник и жертва](#)
 - [Глава четырнадцатая. Мышку бы...](#)
 - [1.1.](#)
 - [1.2](#)
 - [1.3](#)
 - [Глава пятнадцатая. Я откушу тебе голову!](#)
 - [1.1](#)

- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [Глава шестнадцатая. Постельная сцена](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [1.4](#)
- [Глава семнадцатая. Церемония Имянаречения](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3.](#)
- [Глава восемнадцатая. Нет, уж лучше тайной наложницей!](#)
- [1.1](#)
- [1.2.](#)
- [1.3.](#)
- [Глава девятнадцатая. Церемония Имянаречения](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [Глава двадцатая. Оракулом вас всех!](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [Глава двадцать первая. Горный лев и трепетная дань](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [Глава двадцать вторая. Короношاپочка](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.2](#)
- [Глава двадцать третья. Няня переписывает историю!](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [Глава двадцать четвертая. Няню вызвали на ковер!](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)

- [1.4](#)
- [1.5](#)
- [Глава двадцать пятая. Охота на дрыса!](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [1.4](#)
- [Глава двадцать шестая. Призрак в окне или охота по скидке](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3.](#)
- [1.4](#)
- [1.5](#)
- [Глава двадцать седьмая. Шкура неубитого мемедя!](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [1.4](#)
- [Глава двадцать восьмая. Тест на отцовство](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [1.4](#)
- [1.5](#)
- [1.6](#)
- [1.7](#)
- [1.8](#)
- [Глава двадцать девятая. За маму! За ногу!](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)
- [1.3](#)
- [1.4](#)
- [1.5](#)
- [1.6](#)
- [Глава тридцатая. Мамин мышелов](#)
- [1.1](#)
- [1.2](#)

- [1.3](#)
 - [1.4](#)
 - [1.5](#)
 - [1.6](#)
 - [1.7](#)
 - [1.8](#)
 - [Эпилог](#)
 - [1.1](#)
 - [1.2](#)
 - [Nota bene](#)
-

Пролог. Титикака

Пролог. Титикака

— Где ребенок?

Возле моей закрытой изнутри двери стоял мужчина неземной красоты. Серебристо белоснежные волосы и ярко-голубые глаза заставили меня на секунду пересмотреть свою любовь к роковым брүнетам с легкой небритостью. Он кутался в серебристо белые меха, на которых таяли огромные снежинки, превращаясь в капельки — бриллианты.

— Как вы вошли? — изумленно спросила я, глядя на закрытый изнутри замок. Даже цепочка висела.

Хлоп!

Рядом с ним появился еще один мужик. Потом еще один! Они были одеты в коврики из Икеи. Классные коврики! Я их, между прочим, в прошлый раз смотрела... Почти как настоящие... Но цены кусались, как живые! Чуть полкошелька мне не откусили!

— Здравствуйте, — схватилась я за дверной проем. И за сердце.

Впервые в моей жизни мужики стадами повалили в закрытую квартиру!

— Ваше величество, — слышались учтивые голоса обладателей ковриков. — Он здесь! Ошибки быть не может! Мы приложили много усилий, чтобы вычислить его в этом мире...

— Это кто? — спросило это неземное существо, смерив меня брезгливым взглядом.

От гостей веяло холодом. На мехах таяли снежинки. Брррр!

— Я, между прочим, здесь живу! — сощурилась я, на некое величество.

Тут сразу понятно, что величества хоть отбавляй!

Четко очерченные скулы, ледяной, пронизывающий взгляд и поджатые губы, вызывали у меня странные опасения. Белоснежные одежды серебрились красивым узором, похожим на изморозь. Серебряные кольца с огромными камнями унизывали каждый палец и сверкали льдинками.

Тот, кого называли Его Величеством, мягкими шагами подошел ко мне. Зато позади него «коврики» затопали, как слоны.

— Скажи мне, он у тебя? — услышался мягкий голос. Меня взяли за подбородок и приподняли так, что пришлось встать на цыпочки, как балерина.

Мне в глаза смотрели две красивые льдинки.

— Вы про кого? — спросила я удивленно. — Эм... Здесь нет никаких детей... Здесь только я и...

— И? — спросили у меня, заглядывая в глаза.

Я увидела тонкую полоску зрачка, разделяющую радужку на две равные части.

— Отвечай, простолюдинка!!! — зарычали мне в лицо. Волосы на голове зашевелились, когда я увидела острые клыки.

— И... — сглотнула я, пытаюсь убрать руку. — А не могли бы вы повежливей! Вы не у себя дома, между прочим! Это — моя квартира!

— Ваше Величество, — прошептал бородатый «коврик» справа. — Напоминаю вам. Это — другой мир. Постарайтесь ... дипломатичней, если можно так выразиться...

— Хорошо, — недовольно скривился красавец, продолжая держать меня на цыпочках. — Скажи....

— Пожалуйста, — подсказывали ему на ухо, тоже вставая на цыпочки. Только сейчас я заметила, что ростом он за два метра. И люстра в коридоре прозвенела и чуть не стала его короной!

— Пожалуйста, — муркнуло величество, пытаюсь изобразить вежливую улыбку. — Не у тебя ли находится маленький ... тигр?

— Может, отпустите для начала, — вцепилась я в его руку, чтобы не потерять равновесие. — Вот! Так намного лучше! Одну минуточку, я в себя приду!

— Помогите! Спасите! Воры!!! — закричала я, пытаюсь открыть дверь.

— Вы что делаете? — переполошились коврики, оттаскивая меня от двери. — Мы не воры!

— Вы воруете у меня нервные клетки! — возмутилась я, пытаюсь пробиться к двери.

— Простите, — поняла я, что к двери меня не пустят. — Чтобы прийти в себя, нужно для начала выйти из себя! Одну минутку!

Минуточки, чую, не хватит. Понадобится долгое комплексное лечение. У меня мужики в коридоре материализуются. Сами по себе!

— Не спорь с ним... — подсказывал тихий голос. Рядом со мной прошел один из ковриков. — Поверь, лучше не надо... Его величество очень скор на расправу...

От этих слов у меня мороз пробежал по коже.

— Да, он у меня, — вздохнула я, глядя на таинственных гостей, умеющих входить в закрытые двери.

— Скажи, что ты королева, — слышался тихий-тихий умоляющий голос одного из ковриков. — Умоляю... И это королевский дворец... Мы потом все объясним...

— Д-д-добро пожаловать в мой... к-к-королевский дворец! — запахнула я «королевский» халат в «королевский» цветочек и шоркнула королевскими тапочками. — Простите, что без... эм... короны... Просто у нас не самое богатое государство...

— Я уже заметил, — слышался недовольный голос, пока я с тревогой смотрела на притихшие в покорном ожидании «коврики».

— Туда не надо! — дернулась я, перекрывая вход в туалет. — Там... Тронный зал... Не убран немного... Там ничего интересного!

Но дверь открылась раньше, чем я успела.

— Ну да, — пожала я плечами, слегка смущаясь. — Я тут принимаю важные сообщения! Эти, как его, депеши! И решаю все дела ... эм... государственной важности!

— А эта штука зачем? — спросил пытливый коврик без бороды. Он показал пальцем на освежитель воздуха.

— Ой, вы знаете, — выкручивалась я. — В нашем королевстве, кто только не приходит... Вот... И я освежителем пользуюсь... Мало ли... Крестьяне всякие... Смерды...

— Нужно взять на заметку! — закивали коврики. — У нас тоже от крестьян вонь такая в тронном зале, что его величеству срочно нужен освежитель! Надо будет разработать!

— Значит, ты королева, — слышался пугающий меня голос. Он прозвучал с некоторым сомнением.

По мне скользнули острым лезвием взгляда, двигаясь вслед за мной абсолютно бесшумно.

— Ну да... На пол ставки. Утром я ... счетовод, а как сюда прихожу, то ... королева! Ой, туда не надо! Там у меня там...

свекровищница... Буду чьей-то свекровью, выдам! Сокровищница, — оправдывалась я, глядя на «коврики».

Моя рука захлопнула кладовку, опередив любопытных гостей. Еще бы, там стояли швабры, тряпки и прочая ерунда. Но пусть думают, что там еще три километра квадратных дворца.

«Коврики» округлили глаза и нервно закивали.

— Вот! Сюда! — пригласила я в студию.

— Вот! Титикака! — показала я рукой в сторону остатков дивана. Там, в подушках, что-то ерзало.

— Кто?! — хором выдали гости, глядя на меня, как на покойника.

— Эм... Я долго думала, как его назвать... И решила, что ... Титикака, — скромно заметила я. — Нет, вариантов было много! Мисипися, Чайник, Тунец... Как бы так...

— Имянаречение, — послышался умирающий голос одного из коврика. — Имянаречение состоялось... О, нет...

— Титикака! — игриво позвала я. — Смотри, кто пришел! А ну иди сюда, задница пушная! Иди к маме! Так, вредная Писядря! А ну отдал мой тапок! Потом стразами какать будешь! Смотри, кто пришел?

Его величество хранил молчание. Он был настолько бледен, что мне показалось, он явно нездоров. Может, простыл? От него все еще веяло холодом, поэтому я старалась держаться от него подальше.

— Титикака, — ласково позвала я пушистую задницу. Ко мне с рычанием бросился комок моих нервов.

— Это конец... Принца зовут ... Титикака... — простонал коврик, сползая по стене. Второй на всякий случай отошел в сторону.

— Принца? — спросила я, поднимая с уханьем на руки пушистый голубоглазый ком. — А! Тебя зовут Принц! Понятно! Просто я его как-то мальчиком по умолчанию считала! И глюком! Думала — глюк!

Ой, а вдруг они тоже... глюки?

— Надеюсь, вы оказали ему все почести? — послышался тихий голос одного из ковриков. — Все королевские почести?

— Ну да! Я купила ему лоток! — показала я на опилки. — Пора менять уже... Правда, это не совсем лоток, это поддон для обуви, но он как бы тоже... Справляется! А вот его мисочки на полу... Водичку меняла... Каждый день... А вот у нас ... эм... так сказать, папа... Кормилец наш!

Я показала на холодильник.

— Вот тут он у меня спал. Просто со шкафа он три раза падал. И мне пришлось поставить коробки, — показывала я, чувствуя, как меня жуют за ухо и урчат. — Вот здесь у нас когтеточка... Точнее, она везде... Но это кресло почему-то было любимым! Ели мы сегодня три окорочка, пельмени... Тапок... Тоже съели! О! А вот и часть тапка! Ждем вторую!

— Еще раз. Ты назвала кронпринца принца, моего племянника... Титикакой? — послышался доселе молчавший голос.

— Да, а что? — удивилась я, глядя на тигренка, который попал ко мне совершенно невероятным способом.

— Я ее сейчас разорву!!! — прорычало его величество, а его глаза вспыхнули.

— Ваше величество, пожалуйста! — умоляли коврики. — А вдруг война будет? А? Вдруг ее государство войну объявит!

— Да! — отходила я в сторону, прижав к себе белого пушистого тигренка. — У меня войско... эм... три тысячи!

«Тараканов!», — мысленно добавила я.

— Они придут и ... — убеждала я, но уже не очень уверенно.

«Будут у вас жить!», — мысленно добавила я, не зная, что сказать.

Его величество был похож на страшного дикого зверя. Из его тонких пальцев медленно появлялись когти. Все это напоминало дурной сон.

— Ваше величество! — коврики бросились наперерез. — Она спасла принцу жизнь! Заботилась о нем! Может...

Но договорить они не успели!

— Ой! — пискнула я, прикрывая собой тигренка.

Когти оставили росчерк перед моим лицом. Внезапно я почувствовала, как кто-то принюхивается. Причем так шумно. И ко мне...

— Это чем же ты пахнешь? — спросил подозрительный голос.

— К-к-как чем? — спросила я, открывая глаза. Все прошло так же быстро, как и началось. — Ду-духами... И валерьянкой... Просто тут без нее никак...

Маги показывали, что-то вроде: «Говори, говори!». И косились на его величество.

— Я могу все объяснить! — пролепетала я, чувствуя, как у меня пытаются вырвать тигренка из рук. Но он намертво вцепился в халат.

Один рывок, и я из приличной девушки превратилась в неприличную.

— Ой! — я попыталась запахнуть халат, краснея. Тигренок уже был на чужих руках, но когти его крепко держали халат.

И тут он ... укусил! Не меня, а его величество.

Алая кровь проступила на бледной руке, а тигренок воспользовался заминкой и чебурахнулся вниз, таща за собой меня и халат.

И вот он уже карабкался по мне, урча и открывая зубастую пасть. Я погладила его исцарапанной рукой, понимая, что он почему-то не очень хочет обратно. И это мне показалось странным.

— Понимаете... — начала я, вспоминая все с самого начала.

Все случилось три дня назад. Именно тогда я поняла, что моему кошельку срочно нужен телохранитель!

Чтобы ходил со мной солидный шкаф в магазин в черной одежде и в черных очках.

«Первый, первый! Обнаружена скидка!», — сурово бухтит он в приемник. — «Хватайте ее и тащите к кассе».

— Я просто купила шарик в магазине! Знаете, там много таких было. Новогодние! С тигром! — нервничала я, пытаюсь отвоевать халат. — Принесла домой, поставила, а потом ... я не помню, как это получилось, но ... он упал и разбился... И вот!

Попа усердно пыталась нащупать табуретку. Но пока что безуспешно. Наконец-то дрожащая попа нащупала уголок сидухи и крепко сжала ее. Чтобы та не убежала!

— У меня в квартире... ой, простите... в королевстве... Я забыла просто, — мяла я пояс от халата. — Появился Титикака! Садитесь на ди-диван... Только осторожней, а то он развалится!

На диване виднелись следы от когтей.

— И на окорочке не поскользнитесь! — предупредила я, выигрывая неравных бой за тигренка. — Он там, возле дивана! Так вот, он у нас рос в полной семье! Он, мама и папа — холодильник! Еще бы, кормит и урчит! Так что, ребенку было комфортно!

— Достаточно! — рявкнуло его величество. — Мне это уже не интересно!

Я шмыгнула, глядя на разорванные обои, лужу на ковре, разбросанные опилки, царапины на холодильнике «Папа, дай ням-ням!».

— Он жил в таком хлеву... — слышался брезгливый голос Его Величества. Он даже не подумал присесть на диван.

— Между прочим, до его появления здесь как бы был ремонт! — сообщила я, чувствуя, как жуют мой палец.

— Значит так, — слышался голос его величества. — Если все действительно так, как ты говоришь, то ты заслужила награду...

— Награду? — удивилась я, и тут же смутилась. — Ой, да ладно!

На пол упал звенящий мешок. Я даже не стала смотреть, что в нем. «Коврики» расстарались.

Его величество безотрывно смотрел на тигренка, который ловил прядь моих волос.

— Достаточно. Ребенка сюда! — произнесло его величество. — Неужели у меня дел нет, чтобы слушать всякий бред.

Я смотрела в глаза тигренку, которого вырвали у меня из рук вместе с куском халата. Он рычал, пытаясь дотянуться до меня лапой.

— Пока, малыш! — помахала я рукой. В душе вращалось странное чувство. Может, не стоило его отдавать? Может, ему там угрожает опасность? Или...

— Арррр! — выдало маленькое бедствие, пытаясь слезть с рук и броситься ко мне.

— Постойте, — запереживала я. — А вы ему точно ничего плохого не сделаете?

Сияние окутало и ковриков, и его величество, и тигренка. Как вдруг он выскользнул и ударил меня лапой, цепляя за халат.

— Что? Ой? Как это? — я почувствовала, что сияние окутывает теперь и меня. Я честно пыталась снять коготь, но было уже поздно.

Я очутилась в роскошном сверкающем ином тронном зале.

Глава первая. Белый, мягкий и пушистый

Глава первая. Белый, мягкий и пушистый

Бывает же такое, когда тебя ослепляет сияние и белизна.

Я попыталась прийти в себя, видя, как искрятся инеем стены, как огромная люстра сосульками застыла над огромным залом.

Среди роскошных нарядов в рваном халате я чувствовала себя как-то неуютно. Пока все присутствующие блистали бриллиантами, я блестела жирными пятнами от жареной картошки.

— Принц вернулся!!! — разразились радостными криками придворные. — Наследный принц вернулся!!! Ура!!! Он жив!!!

Все переглядывались, поздравляя друг друга с возвращением принца. Брови его величества недовольно съехались на переносице, заставив восторженные голоса стихнуть. Радость мгновенно померкла. Головы покорно опустились вниз.

Мужчины застыли в поклонах, женщины в реверансах. Весь зал стоял, словно статуи, разучившись дышать.

Мне казалось, что в такой тишине слышно было, как матерится муха, облетая сосульки люстры.

Его Величество шло нарочито плавно и медленно, глядя поверх склоненных голов. Он нес на руках невозмутимого Титикаку, который тащил меня за собой упорно не желая отпускать.

Я упиралась, но снять халат не могла! Здесь могли быть дети! А у меня под халатом из одежды только совесть.

Где-то на половине пути я потеряла тапок, но тормозить не стала.

— Пусти, — попыталась отцепить я лапу, семеня за его величеством незаметным хвостиком.

Позади нас топали те самые коврики, замыкая процессию. Если бы не их топание, меня бы быстро рассекретили, но его величество пока меня не замечал. А может, просто делал вид.

Придворные смотрели на меня смотрели с удивлением. Все перешептывались и переглядывались: «Кто это?».

— Если что, я — девочка, — мрачно прошипела я, пытаюсь снять лапу.

Его Величество резко повернул голову.

— Забыли, как выглядит ваш король? — зловещим голосом произнесло его величество.

С этой стороны придворные склонились еще ниже. Я видела, как дрожит рука какой-то дамы, растягивающей дорогую пышную юбку в реверансе. Как на носу блестит капелька пота немолодого мужчины, немигающим взглядом уставившимся нам под ноги.

— Слышишь, пушная попка, отпусти! — шипела я, чувствуя, что меня мало того, что держат, так еще и тянут к себе, пытаюсь укусить за прядь волос.

Видимо, я замешкалась, спасая последний тапок, слетевший с ноги. Его величество обернулся и увидел меня. Он посмотрел на меня такими глазами, словно в местном уголовном кодексе обзывание его величества «пушной попкой» является преступлением и карается до пяти дней спальни строгого режима и конфискацией девственности. Вне зависимости от пола.

Его величество попытался лично отцепить от меня пушистый «репейник», но стоило ему дернуть украдкой лапу, кивнув страже, как вдруг послышался рев Титикаки. Он тянул ко мне лапу, срочно требуя прицепить меня обратно.

— Принц ревет! — запереживали придворные.

Его величество посмотрел на орущего Титикаку. И тут же присобачил лапу обратно!

Стража по кивку вернулась на свои места.

Титикака тут же успокоился и снова стал пытаться достать меня второй лапой.

Меня дернуло вперед, увлекаемую вслед за его величеством. Титикака снова зевнул зубастой пастью, сладенько зажмурившись. Ой, чую, я сейчас тоже зажмурюсь!

Его величество грациозно уселся на трон, обведя высокомерным взглядом присутствующих. Я уже поняла, кто здесь самый мягкий белый, мягкий и пушистый!

Я стояла рядом с троном, склонившись буквой «зю». Лапа держала меня за халат, пока я тщетно пыталась ее снять с себя. Халат был распахнут, напрочь лишая мужскую фантазию непосильной работы.

— Может, отцепите? — прошептала я, глядя на красивый профиль его величества. — Мне и награды не надо! Верните меня домой!

— Стой, как стоишь, — послышался едва слышный голос. Он прошептал это почти не разжимая губ.

Я пыталась хотя бы стянуть халат руками, прикрыв двойную экспозицию, но Титикака решил, что я с ним играю. Поэтому раскрывал пасть, требуя отдать свободную руку для добровольного компостирования острыми зубами.

Его величество поглаживало моего Титикаку.

— Впервые в жизни они сидит тихо, — послышался голос за моей спиной. Я повернула голову, видя одного из «ковриков». — Раньше такого никогда не было. Он никогда так тихо не сидел.

И это вы называете тихо?!

— Ай-ай-ай! Маме больно, — прошептала я, пытаюсь спасти свои волосы, за которые меня тянули к себе.

Малыш уже перевернулся на спину и решил, что мои волосы уже достаточно натерпелись. Теперь он тянул в рот прядь пепельных волос.

— Прекрати! — сквозь зубы зловещим голосом произнесло его величество

— Ваше Величество, — послышался тихий голос слуги, пока я сражалась с Титикакой.

Он поспал, покушал и покакал. Поэтому был полон сил и энергии.

Хрустальный бокал на серебристом подносе с золотыми узорами ждал, когда его возьмет королевская рука. Слуга поспешил удалиться, напоследок сверкнув подносом прямо мне в глаза. Я уперлась руками в подлокотник, видя, что Титикака уже схватил чужие волосы. И теперь пережевывает их с задумчивым видом, словно пытается отыскать тонкие оттенки вкуса.

Всем видом он показывал, что не желает быть принцем. И в будущем мечтает стать парикмахером.

— Ай, маме больно, — сдавленно прошептала я, снимая когти свободной лапы с руки. Малыш одновременно умудрялся жевать волосы, бодаться, брыкаться, держать меня лапой и пытаться заехать второй мне по носу.

Я посмотрела на свои исцарапанные руки и ноги, обещая себе в следующий раз смотреть на тигров только по каналу «Живая природа».

— Сколько можно перед ним выстилаться! Ниже пасть уже некуда! Посмотрите, в кого мы превратились! Долой узурпатора! — внезапно выкрикнул кто-то из толпы, вызвав переполох. — Трон принадлежит принцу! Убийца! За мной, братья!

Толпа тут же расступилась, намекая, что в революционной семье он — единственный ребенок.

Его величество резко встал и жестом отдал приказ. Стража, сминая толпу, бросилась в сторону одинокого смутьяна.

— Твой брат был истинным королем! — кричал мужик, упираясь, когда стража волокла его в сторону дверей. — Ты всего — лишь узурпатор! Нас много, кто так считает! За принца! За истинного правителя! Помните мои слова! Боритесь! Сражайтесь! Не прекращайте борьбу!

Все так и поняли.

Его величество поднял бокал, придерживая его тонкую хрустальную ножку двумя пальцами и улыбнулся, глядя на придворных.

— За здоровье тех, кто последует его совету, — спокойно заметил он, осушая бокал до половины и ставя на подлокотник трона.

Так, а вот это мне уже не нравится! Теперь понятно, почему бедный малыш не хотел возвращаться сюда!

Я посмотрела с ужасом на его величество, а потом на бедного Титикаку. Где-то внутри меня что-то негодовало. Значит, трон принадлежит принцу, а дядя просто захватил власть! И бедного Титикаку здесь обижают!

Мне хотелось схватить малыша и унести его отсюда. Хотя мы и были с ним знакомы три дня и два дивана, но оставлять его на растерзание этому чудовищу я не собиралась!

Ледяной взгляд его величества скользнул по придворным.

— Напоминаю, что революции, мятежи проводятся строго в отведенное время, в строго отведенном месте. Если есть желание, вас немедленно туда отведут.

Все молчали, словно боялись проронить даже слово. Счастливые улыбки стерлись с их лиц... Словно невидимая тень опустилась на сверкающий зал.

Его Величество прижал к себе Титикаку, усаживая его на коленях. Я следила за рукой, которая гладит Титикаку и успокаивалась. Может,

здесь все не так плохо? Может, это я себя накручиваю?

Огромный белый пушистый котенок вертелся на чужих коленях, не обращая внимания ни на тишину, ни на хмурые лица.

Титикаку тискали, прижимали к себе, ловили на подлете к полу. Ему отдали королевские штаны на растерзание и кусочек плаща на «пожевание». Я выдохнула, успокоив себя окончательно.

— Теперь можно начинать? Благодарю. Наш любимый и драгоценный принц вернулся, — послышался тихий голос. Ледяной взгляд остановился на мне. — Во время церемонии именная церемония произошел пренеприятный инцидент. И принц попал в другой мир. Но теперь он вернулся. Вы можете в этом убедиться лично.

— Да здравствует король! Да здравствует принц! — кричали люди. А стража намекала, что посмотрели и хватит.

Когда зал опустел, я увидела, как Титикаку снимают с себя, рассматривая слюнявую прядь волос. Слуги уже спешили с салфетками.

Значит, все-таки я не ошиблась! Это была игра на публику!

Его величество встал и вышел.

Меня подтолкнули в спину.

— Быстрее! Пока его величество не вернулось! Вы видели, как он на вас смотрел? — засуетился бородатый «коврик», пока его товарищ водил руками над нарисованным на полу кругом.

— Как? — удивилась я.

— Скажем так, нехорошо! Так что послушайте совета! Просто уходите! — меня тащили к порталу. — Мы скажем, что ничего не видели. А куда делась — не знаем!

— А как же Титикака? — удивилась я. — С ним все будет хорошо?

— Все будет хорошо! Не переживайте! — бормотал бородатый, быстро ведя меня к кругу. — Как видите, у нас все хорошо. Принц вернулся. Вы в этом лично убедились!

Меня подталкивали в сторону вспыхнувшего синеватым светом круга. Но сердце было не на месте.

— Уррр! — послышалось жалобное за спиной. Я обернулась, видя, как ко мне бежит Титикака. Он схватил меня за полу халата.

— Малыш, — остановилась я, наклоняясь и глядя пушистую голову. — Я не могу здесь остаться... Мне домой пора...

— Аррр! — прихватили зубами мою руку.

— Ну что ты, в самом деле! — сглотнула я, отчаянно пытаюсь успокоить свое сердце. — Все будет хорошо! Ну, все, прекрати!

Хотя в душе я понимала, что не просто так Титикака просит меня не бросать его здесь. Душа рвалась на две части. Одна убеждала меня, что соседи будут у нас быстро меняться. Вторая уговаривала оставить его здесь и верить, что у него все хорошо. Пока они сражались, на меня смотрели жалобные глаза малыша.

Эх... Возможно, однажды я пожалею о своем решении, но...

— Я забираю его с собой! — твердо решила я, беря малыша на руки. — Нечего ему тут делать!

— Что?! — переглянулись маги. — Вы не можете! Это же принц! Ой!

И «коврики» тут же склонились. Передо мной выросла тень. Кто-то стоял за моей спиной.

— Принц остается здесь, — слышался голос его величества. — А ты — проваливай, куда хочешь!

— Я принца не брошу! — прижала я голову Титикаки к груди, не желая его отдавать.

— Заберите у нее принца, — махнуло рукой Его Величество.

Стража схватила меня, вырывая принца из рук и возвращая в руки дяде. Малыш рвался ко мне, а меня уже скрутили, вытаскивая из зала. Я бросила взгляд на «коврики».

— В ледяную тюрьму ее, — произнесло его величество. — За попытку похищения принца! Выполнять. Второго похищения не переживу.

По названию я поняла, что отопления в моих новых апартаментах нет и не будет.

— Ваше величество! — дернулся бородатый, догоняя удаляющегося короля. — Послушайте! Может, не надо в ледяную тюрьму. Вы посмотрите, как она ладит с ребенком... Если она хочет остаться с малышом, то почему бы не сделать ее... няней! И у вас забот меньше. И...

Бородатый замаялся, пока я смотрела на профиль его величества.

— Хорошо, — взмахнул плащом его величество. — Только если с наследником что-то случится, я на ленточки ее порву.

Ага, и заплету в косички! Вот так новости!

Глава вторая. Ути-пути!

Глава вторая. Ути-пути!

— Пойдем, пойдем! — спешно засуетились маги, вытаскивая меня вместе с наследником из зала.

— Вы на что меня подписали? — ужасалась я, поочередно пытаюсь найти взглядом бесстыжие глаза. — Какая няня?!

— Пока еще живая, — очень убедительно ответили мне, увлекая меня в недра замка. Подальше от глаз его величества.

— А что такое ледяная тюрьма? — спросила я, пытаюсь получить начальное юридическое образование.

— Это лабиринты изо льда. Туда отправляют узников. Они там благополучно замерзают, — пояснил бородатый, зевая.

Я передумала идти на местного юриста, специалиста по криминальному кодексу.

— У нас здесь все не так плохо! — подбодрили меня, все еще раздумывающую над перспективами замерзнуть насмерть.

Судя по размерам коридора здесь смело можно было кататься на мамонте. Проносась с диким воплем туда-сюда. Возможно, архитекторы так и задумывали. Но мамонты узнали, что на них собираются кататься по коридорам. И тихо вымерли. А коридоры остались.

Так что теперь коридоры скучны, готичны и украшены однообразным узором. Изредка попадались подсвечники, островками света пытаюсь снизить уровень преступности.

Здесь можно было петь как в туалете. Или на худой конец в опере. Каждый шаг уносило эхо превращая в марш целой армии. Если здесь и есть мыши, то бегают они, как стадо бизонов.

— Этому замку уже много тысяч лет, — заметил коврик с бородой. А я все стеснялась спросить его имя. Обычно я предпочитаю не узнавать имена людей, которых вижу в первый и последний раз. А тут, видимо, придется знакомиться.

— Его строили великаны, — вздохнул коврик без бороды. Только сейчас я заметила, что у них одинаковые глаза. Желтые. Из чего поняла, что они родственники.

— А потом их всех уничтожили, а замок остался, — продолжали мне экскурсию.

Я остановилась возле окна, видя снежные равнины. Титикака на руках зевнул. Я заметила, что нет в нем ничего сентиментального. И его любовь к природе проявилась только один раз, когда он уронил мою драцену и сожрал половину. Я помню этот задумчивый взгляд в пустоту, когда драцена возвращалась обратно, чтобы тут же переехать в мусорный пакет.

По застекленным окнам ползла изморозь, но в замке было тепло.

У меня в голове до сих пор не укладывались ни тигролюди, ни великаны.

— А он тоже может обернуться... эм... человеком. Раз его величество назвал его племянником? — спросила я, сопоставляя факты. Выводы уже просились наружу в грубой, нецензурной форме.

— Изначально он зверь. А потом, со временем он учится принимать облик человека, — заметил бородач, сворачивая за угол. За углом было темно. — Его величество тоже не совсем человек. Это зверь, принявший облик человека.

— Не могу поверить, — вздохнула я, глядя на Титикаку. — Хорошо, что вы люди... С вами хоть поговорить нормально можно! А не с тем припадочным узурпатором...

— Ты потише, — встрепнулся бородач, прижимая палец к губам. — Зря ты так о его величестве. Его брат был хорошим королем. При нем тут было вольготно! Правда, порядка не было совсем. И казну разбазаривал направо и налево. И титулы жаловал, и золотом осыпал. И народу золото с балкона кидал. Всякое было. Вот народ его и любил! И придворные любили. Говори, что хочешь, делай, что хочешь. Налоги можно не платить!

— Когда мы пришли сюда, в казне ничего не осталось! — перебил его безбородый. — Пусто!

— Зато теперь! — гордо усмехнулся бородач. — Не любят люди, когда их к порядку призывают. Вот и бунтуют! Когда принц исчез, у нас тут мятеж подавлять пришлось! Люди восстали! Кричат: «Дядя заточил принца в темницу!». Освободить пришли.

— А как он очутился в нашем мире? — спросила я, глядя непоседливую Титикаку.

— Все просто. Была церемония имянаречения. Обязательная для принца. И старый чародей перепутал заклинания, — усмехнулся бородач.

— Ему просто открыли не на той странице книгу, — добавил безбородый. — И прямо посреди церемонии принц исчезает! Что тут было! Долго искали...

— Принца? — спросила я, все еще не веря, что держу на руках маленького принца.

— Старого чародея. Принца нашли. А чародея до сих пор найти не можем. Только его величество загадочно улыбается. Говорит, что спрятал его в надежном месте, — заметил бородатый.

— Ой, — перепугалась я, прижав к себе большого котенка.

Огонек слетел с пальцев бородатого и повел меня по винтовой лестнице вверх. Я шла впереди, а «коврики» топали сзади.

— Мы почти дома, Тити, — прошептала я в пушистое ухо. «Сироти-и-инушка!», — ревела душа, обнимая малыша.

— Ты не заметил? — спросил позади меня тихий голос. Мне показалось, что разговор не предназначался для моих ушей. — Ты заметил, как он легко согласился?

— Заметил, — донесся до меня тихий ответ. — Как думаешь? Это то, что я думаю?

— Меня это смутило еще в том мире, — заметил озадаченный голос. — Думал, что все! Конец! Но нет... А потом в зале...

— Бедная девочка, — вздохнули мне вслед. — Будем надеяться, что это не то, о чем мы подумали.

— Вы о чем? — обернулась я, решив не церемониться, когда речь идет о моей судьбе.

— Да так, о своем! Удивляемся, почему его величество оказался к тебе столь великодушен, — заметил бородатый. — Обычно за ним такого не замечено!

— Ой! — столкнулась я с огромной дверью. — Ты живой? Тити?

На меня смотрели выразительные голубые глаза. Они скосились на мои волосы и решили, меня слегка постричь.

Я ожидала увидеть камеру с решетками и цементным полом. Но вместо нее я увидела очень странную комнату. Все острые углы были замотаны и обшиты пушистым мехом. Даже стулья укутали в меховые шубы.

— Это что за... — опешила я, пытаюсь понять, почему комната напоминает распродажу шуб.

— Его величество потребовал, чтобы комната принца была безопасной! — заметил бородатый. — Если что — зови! А пока что обживайся!

В такой огромной комнате на полу лежала жеваная игрушка. меховой кролик. Титикака тут же слез с рук и бросился к кролику, заставив меня выдохнуть от умиления. На стене висели портреты. Только лиц у них не было. Вместо лиц были росчерки когтей. Но по одежде было понятно, что это мужчина и женщина.

— Ку-ку! — позвала я в огромный камин. Я погладила пушистый стул, пробежалась пальцами по столешнице стола и подняла голову на потолок. Огромная люстра — сосульки висела аккурат над кроватью.

Внезапно дверь открылась. А в комнату вошел бородатый.

— Слушай внимательно, — прошептал он, осматриваясь по сторонам. Титикака терзал зайца. — Есть несколько вещей, которые тебе нужно знать! Его величество не любит, когда к нему прикасаются. Прямо терпеть не может. За это можно поплатиться головой.

— Отрубят? — удивилась я.

— Откусит, — мрачно ответили мне, зажигая камин. Очень кстати! А то здесь как-то прохладно.

— Вы за кого меня держите? — уперла я руки в боки. — Вы что? Думаете я сплю и вижу, как отловить в коридоре его величество, с целью погладить? С какой кстати я должна его гладить?

— Ну, мало ли, — заметил бородатый. — И второе. Если что, не пугайся, хорошо?

— Чего не пугаться? — испугалась я.

— Просто не пугайся, — заметил бородатый и ушел.

Я заглянула во вторую комнату, обнаруживая удобства. Кстати, я бы приняла ванну! О, а тут даже полотенца есть! И вода горячая! Даже пар идет! Ничего себе!

— Титикака, тебя можно оставить одного на пять минут? — спросила я у увлеченного принца, жующего заячье ухо. — Мама искупается. Быстренько!

Мне не ответили, самозабвенно вытаскивая из-под кровати жеваного крота. Следом за ним появился кожаный еж.

Я бросилась в ванну, лихорадочно снимая с себя одежду и нижнее белье. Не родился такой мужчина, при виде которого я буду раздеваться с такой скоростью! Все это полетело на пол, а я быстро забралась в горячую воду, намыливая себя мылом без запаха. Любая мама маленького ребенка идущая в душ — это стриптизерша на быстрой перемотке.

Воспоминания вернули меня в тот день, когда я вернулась из магазина. Сходила, называется, за хлебушком. Если где-то есть древняя наука фень-шуй, то я в совершенстве постигла науку хрень суй. Стоит мне попасть в магазин, как я уйду с тремя пакетами. Даже если я пришла за майонезиком.

В тот день я разбирала покупки.

— Шарик с тигром! — удивилась я, вертя шарик в руках. Он был небольшой, но тяжелый. Внутри поднялась целая метель из пенопласта, обдувая маленького белого тигренка.

Я поставила шарик на стол, пока не решив, что с ним делать.

— А это у нас хек! По скидке! Ну да, по запаху чую, что тут «кхек»! — дернулась я и услышала звон.

Это был шарик. Может, я толкнула его локтем. А может, поставила слишком близко к краю. Но только что шарик упал на пол и разбился.

— Прискорбненько, — вздохнула я, направляясь за веником. — Так, стекло вижу, пенопласт вижу, а где тигренок?

— Арррр! — послышалось за моей спиной. Я повернулась и увидела ... ти-ти-тигра. Настоящего!

Он был пушист до безобразия и смотрел на меня небесно голубыми глазами.

Пакет выпал у меня из рук прямо на ногу. Я смотрела на тигра, который расхаживает по кухне, присматриваясь к ножкам стола и диванчику.

Если где-то проводился конкурс на самые большие глаза, я только что взяла в нем первое место. Вместе с премией «самый быстрый инсульт»!

— Ох ты ж, Евпатий Коловрат! — икнула я, часто моргая.

Ноги прогнулись. — Это как так? — зажмурилась я, в надежде, что мне просто показалось.

Он исчез! Он действительно исчез... Вот только под столом.

— Arrrr! — слышалось грозное. А из пакета вылез мерзлый окорочок.

Через пять минут на меня смотрело абсолютно белое, чихающее нечто. Кулек муки был просыпан по полу. На нем виднелись следы лап. Остатки окорочка лежали на остатках дивана. Видимо, они решили умереть вместе. Почти в обнимку. Я тоже чувствовала, как меня обнимает бабушка — инсульт, когда смотрела на остатки покупок, скатерти и царапины на шкафчике.

Я уже экстренно вытиралась, вспоминая, как уже сходила в душ. Меня не было минут пять, но за это время квартира превратилась в руины.

Так быстро, как одевалась я, не одевались даже пожарные на вызов. Вырвавшись в комнату, я увидела груды одеял, из которых торчал белый мех.

— Спать лег? — умилилась я, глядя на мех с полосочками. — Ути-пути! Тык-тык-тык! Чья попка тут спряталась? Ути-пути! Мой пушистик!

Я почесала мех, а потом с умилением поковыряла его пальчиком, как вдруг с другого конца кровати ко мне побежал.... Титикака!

Одеяла зашевелились вместе с волосами на моей голове, когда из — под них появилась огромная белая морда.

Глава третья. Не поворачивайся к нему спиной...

На мгновенье я застыла, не веря своим глазам.

Я просто оцепенела от ужаса, видя, как сползают одеяла с огромного белого зверя. Он встает во весь рост. Мне показалось, что кровать сейчас захрустит под его тяжестью.

— Так что ты там сказала? — слышался знакомый голос.

«Падай и притворяйсядохлой!» — шептал инстинкт самосохранения, который недавно вместе со мной читал все о тиграх! «Делай же хоть что-нибудь! Он тебя сейчас прикончит!», — взывал инстинкт самосохранения.

«Да, но он не просто хищник!», — спорила я, замирая от страха. «Сначала он хищник, а потом уже человек! Падай!», — слышался голос разума.

Я покачнулась, чтобы все выглядело реалистично. Схватила за сердце и стала опускаться.

— А куда это мы собрались? — слышался знакомый голос.

— В обморок, — честно ответила я, понимая, что зря переключала канал о дикой природе.

— Когда вернешься? — произнес голос подозрительно похожий на голос его величества.

— Не знаю, — ответила я. — Ой, что-то мне как-то нехорошо мне! Сердце!

Я опустилась на ковер, в надежде, что учебники не врут.

— Так-так-так, — слышался вкрадчивый тихий голос. Мне показалось, что он обходит меня со всех сторон. — Решила притвориться мертвой? Неплохо.

Мне показалось, что по моему лицу скользнул хвост.

— Только ты не учла, что я не просто животное, — слышался усмешка. — И все прекрасно понимаю. Вставай, ня-ня...

Я лежала, стараясь не шевелиться.

— Хватит мне тут устраивать представление! — рыкнули на меня в лицо. — И так на тебя достаточно зол!

— Вставай! — рывкнули так внезапно, что я не помню, как очутилась на ногах в центре комнаты.

— Вот, так будет намного лучше, — слышался голос. Хвост его делал движения справа налево. — Если бы я хотел тебя убить, то сделал бы это внезапно. Ты бы даже опомниться не успела. Ты даже не узнала бы, что я крадусь за тобой....

Бррр! У меня мурашки побежали по коже от тихого и зловещего голоса хищника.

— Но, как видишь, я пришел поговорить. С миром, — слышался голос его величества.

«Тигры нападают сзади!», — пронеслось в голове. — «Не поворачивайся к ним спиной!». Я вспомнила, как в первую ночь Титикаки в доме направилась в сторону туалета. Ой, зря я это сделала!

— Я так и поняла, — заметила я, чувствуя, как мне как-то не по себе. Он пытался зайти мне за спину, но я вертелась, вспоминая, что к тиграм спиной лучше не поворачиваться!

«Тук-тук!», — постучалась вежливость, намекая на реверансы и прочие почести. «Тук-тук!», — постучалась я вежливости по голове, отгоняя ее подальше.

— И что же это ты так вертишься? — слышался замогильный голос, не предвещающий ничего хорошего для моего здоровья.

— Просто стоять спиной к его величеству не вежливо! — икнула я, не сводя глаз с морды, что придвинулась ко мне почти вплотную. Я видела его голубые глаза и огромные клыки. — Конечно! А что вы здесь делаете?

— Это мой дворец. Что хочу, то и делаю! — рывкнули на меня. — Где хочу, там и нахожусь! Я решил посмотреть, чем ты занимаешься...

Я чувствовала, как медленно отступаю. На мягких лапах в мою сторону двигалась смерть. У смерти был пушистый хвост. Он был похож на тигра только полосками. Его хвост напоминал хвост снежного барса.

— Я понимаю, что вам сразу не понравилась! — заметила я, упираясь в стену. Мои глаза искали хоть что-нибудь, чем я спасу себе жизнь. Пока что под категорию спасителя подходил увесистый подсвечник.

— А теперь рассказывай, — лапа с когтями ударила в стену. Аккурат туда, куда я собиралась двинуться. Лапа преградила мне путь,

заставив остаться на месте. — Кто ты.

— Я? — удивилась я тому факту, что со мной решили познакомиться. Это было самое странное из всех знакомств, которые только были в моей жизни! — Я?

И тут я вспомнила умоляющие глаза магов: «Скажи, что ты королева!».

— Я королева, — гордо ответила я. Когти на пушистой лапе втянулись. Я даже плечи расправила, изображая королевскую осанку.

— Королева, значит, — заметил огромный кот, сощурив глаза. — Куда пошла! Я не разрешал тебе двигаться с места!

Мне показалось, или чудовище улыбнулось. Я снова дернулась, видя, как вторая лапа перегородила мне путь. На стене остались следы от когтей.

— У меня процветающее государство, — заметила я, вспомнив плесень в холодильнике. — Да, оно небольшое, но очень процветающее.

«Особенно на подоконнике! У нас там и фиалочка, и вереск, и роза!», — вспоминала я садик за шторкой.

— Продолжай, — негромко заметил огромный зверь. Он поднял лапу, выставил когти и тут же спрятал. — Мне очень интересно.

«Я хочу быть твоим мучительным поносом!», — фыркнуло что-то внутри меня, когда я представляла зубастый «ам!».

— У меня очень много подданных, — продолжала врать я, поглядывая на беззаботного Титикаку, терзающего одеяло.

— Да ну? — удивилось его величество. Когти снова появились. — Никого не заметил.

— А что? Разве слуги должны быть заметными? Я наоборот стараюсь, чтобы их поменьше видели! Дрессирую! — ответила я, следя за его лапами.

— Дальше, — протянуло его величество, а хвост его ходил туда-сюда. — Я тебя внимательно слушаю... Мне интересно, почему ты готовишь сама?

— А что? У королевы не может быть хобби? — удивилась я, вспоминая пар из кастрюли и обожжённые пальцы. — Тем более, что королеву всегда могут отравить! Я никогда не доверяю слугам готовку! И принцу я готовила лично!

«Помним, я — королева!», — убеждала я себя. «Царица!», — поддакнула совесть. «А почему бы и нет?», — примерила я на себя роль царицы. «Царица горы немытой посуды!», — заметила совесть и тут же спряталась.

— Достаточно, — послышался властный голос. — Итак, а теперь у нас есть возможность поговорить с глазу на глаз. Опустим вежливость. Надеюсь, ты меня понимаешь, не так ли? Твоя задача — беречь наследника. Он для меня очень ценен. Иначе начнутся восстания, кровопролитие, война... А мне этого не нужно. Надеюсь, ты это понимаешь...

— Да, понимаю, — ответила я, закивав для убедительности.

— Это хорошо, — заметила огромная кошка. — Просто я все еще раздумываю, оставить тебя в живых или нет? Что-то мне в тебе сразу не понравилось! Ты дрогнула, когда я тебя проверял! Я боюсь, что ты не справишься... Поэтому мне нет смысла оставлять тебя в живых... Есть, что сказать на прощание?

«Сделай что-нибудь такое, что его обескуражит! И как можно быстрее!», — вспомнила я, как недавно читала про тигров. Титикаку я напугала пылесосом. Только так мне удалось спасти штору.

Что делать? Закричать? Мне показалось, что все кричат при виде огромного тигра! Ударить его? Всегда находятся храбрецы, дающие отпор! Бежать? Все бегут при виде тигра... А что если...

«Представь, что это — большая киса!», — стиснула я зубы, даже не представляя, как буду это делать. «Просто большая киса, которая хорошо кушала!», — подбадривала себя я. «

Это — безумие!», — орало что-то внутри.

Огромная пасть открылась, а я успела выставить дрожащую руку и... почесать его за ухом. Пасть захлопнулась.

— Ты что творишь! — прорычали мне в лицо, когда я чесала его голову.

Я чесала, понимая, что такого он не ожидал. Мне показалось, что он ожидал все! Крики, мольбы, бегство, нападение, но не почесание за ухом!

— Ты понимаешь, что я тебе руку отгрызу, когда ты закончишь? — послышался странный голос. Его голова сама тянулась к моей руке, а хвост замер.

Еще бы! Понимаю!

— Ненавижу, — прорычал огромный кот, сощутив глаза. — Ненавижу, но левее! Еще левее! Попала!

В голове промелькнула мысль о том, что «коврики» не просто так мне намекали. Могли бы и прямым текстом сказать: «Если что не так — чеши! Либо его величество, либо отсюда подальше!».

Моя рука впивалась в густой мех, а хищник замер, глядя на меня глазами, наполненными ненавистью.

«Будешь почетной чесальщицей его величества», — причмокнула совесть, представляя целый гарем рукастых чесальщиц, в котором для меня фантазия уже освободила уютное местечко. «Мои ру-у-у-уки!», — рыдали девицы, глядя на свои стертые об его величество конечности.

— Уррррр! — возмутился Титикака, требуя, чтобы его тоже чесали! Но дотянуться до него я не могла. Пришлось разуться и выставить вперед ногу. А то несправедливо! Узурпируют маму! Проклятый дядя — узурпатор! И тут успел!

В позе подбитой ласточки я стояла, прислонившись к стене.

— Я просто уничтожу тебя, — слышался тихий голос с затаенной злостью. В этот момент рука начинала чесать за ухом с удвоенной силой. Как не чесала никогда! Все соседские котики умерли бы от зависти!

— Ррррр, — слышался стон, сквозь который сочились такие проклятия и пытки, от которых моя попа сморщилась косточкой от персика. — Р-р-разор-р-рву...

Я с надеждой смотрела на дверь, в надежде, что кто-то войдет. «Срочное дело! Ваше величество! Бросайте все!», — чудилось мне спасительное. Но за дверью было тихо.

— Ну хоть бы нам войну кто-то объявил, — мысленно стонала я, понимая, что еще чуть-чуть и потеряю равновесие.

— Ай! — округлила я глаза, видя довольного Титикаку. Он решил, что нет ничего вкуснее моего пальца. А если он еще и в майонезе...

Я сползла по стенке, не убирая руки от его величества. Зато моими пальцами лакомились, делая нежный кусь и заглядываясь на меня честными голубыми глазами.

— Ты мне сразу не понравилась, — слышался страшный голос. — Сразу, как я тебя увидел...

— А я и не старалась, — вздохнула я, видя старания Титикаки. Заботливый малыш считал, что мужчины должны носить меня на руках. Поэтому отгрызть мне половину ноги — это самая замечательная идея, которая вдруг посетила светлую голову.

Стоило мне повернуть голову, как я увидела перед собой страшную морду.

— Это они тебе сказали? Да? — послышался вкрадчиво — зловещий голос. Мне пристально посмотрели в глаза.

— Нет, сама догадалась, — осторожно заметила я, пытаюсь выгородить «ковриков», чтобы им не досталось по коврижкам.

— Не верю. Пр-р-равее, — прорычали мне в лицо, пока моя рука срочно просила сменщицу. Но «сменщица» была занята Титикакой. Тот подставил голову, настойчиво ловя руку и компостируя ее острыми зубами.

У каждого мужчины есть свои эрогенные зоны. А тут одна, сплошная...

Дверь так и не думала открываться с криками: «Пожар! Горим! Спасайся, кто может!» или «На нас напали, милорд!».

«Держаться нету больше сил!», — ныли руки и нога, которая тоже участвовала в процессе. Мне казалось, что у меня из глаз текут слезы. А если выживу, то останусь чесательным инвалидом.

Огромные когти мяли ковер, а Титикака решил, что меня пора спасать. И схватил зубами пояс от халата. Он тянул за него зубами, как бы намекая, беги, мама, беги! Я локтем прижимала халат, обещая себе впредь спасать себя сама.

— Не там! — рывкнули на меня, пока рука металась в поисках волшебного «там».

— Зря вы злитесь, — прошептала я огромной морде, нависающей надо мной. — Нет тут ничего такого... эм... Я тоже люблю, когда мне чешут спинку... И не стесняюсь этого!

В ответ послышался угрожающий рык.

— Понимаю, вы — мужчина... Но что в этом такого? — прошептала я, видя как жизнь уже помахала мне концом. — Так что давайте оставим это в тайне. Поверьте, я — могила. Или вы думаете, я буду бегать по дворцу с криками: «Угадайте где и кого я чесала?!». Вы за кого меня держите? Я не собираюсь после этого ходить с табличкой: «Чесала его величество! Где — не скажу!».

— Вр-р-ряд ли ты после этого сможешь ходить, — слышался злобный голос.

— Ну не надо так, — вздохнула я, чувствуя, что как затекает рука в неудобном положении. — Что ж вы сразу меня на руках носить собираетесь?

Я улыбнулась, в надежде, что эта кокетливая шутка разрядит обстановку.

— Я хотел проверить... — слышался голос и скрип двери. На пороге стоял бородатый «коврик». Он смотрел на нас, понимая, что зашел не очень вовремя. Мне показалось, что смущения было бы намного меньше, если бы он поймал нас за непристойным занятием под одеялом.

Я посмотрела на «коврик» с такой мольбой.

— Ваше Величество! Срочно! — кричал он, пока я нервно сглатывала, благодаря судьбу за такой подарок. — Там... Там! Пожар!

— Пожар? — удивился второй коврик, заглядывая в комнату. — Да! Пожа-а-а-р! Во дворце! Кто-то поджег дворец!

Он тут же исчез.

— Что?! — рявкнуло его величество. Он повернул голову, а моя рука соскользнула и обессиленно упала на пол.

— Пожар! Попытка поджога дворца! — сделал круглые глаза «коврик». — Видимо, заговорщики!

Я уже собиралась уползти, как вдруг увидела передо мной огромную раскрытую пасть, мечтавшую откусить мне голову. И все-таки они были правы. Не человек он.

— Сиди здесь! — рявкнули на меня, когда я уже успела зажмуриться и приготовиться к неизбежному. — Следи за принцем!

Я сидела и трясущейся рукой гладила Титикаку, как вдруг дверь открылась. В нее ввалились коврики.

— Второй раз я не стану так рисковать! Ну пустил дым по коридорам! Переполошил слуг! — прорычал безбородый, хватаясь за сердце. — Тебе что говорили! Не прикасаться к нему!

— Он у вас какой-то странный, — выдохнула я, развлекая пузико Титикаки.

— Мы тебя предупреждали, что он — не человек. А ты меряешь его человеческими мерками! — почему-то обиделся бородатый. —

Повезло... Сам не знаю, как! Ну все, поздравляю! Теперь я бы на твоём месте почаще оборачивалась в коридоре!

— Я вообще не собираюсь отсюда выходить! — вздохнула я, наглаживая Титикаку.

— А как же церемония имянаречения? — переглянулись «коврики».

Глава четвертая. Кот на крыше

Глава четвертая. Кот на крыше

Я мысленно направилась во внутренний банк, чтобы забрать все скопленные за жизнь залежи оптимизма.

— Это очень важная церемония! — предупредили меня. — На ней наследнику дается имя и предсказывается судьба! Ладно, мы пойдем!

Совість требовала задать очень важный вопрос.

— Как вас зовут? — спросила я, глядя на меховые накидки.

— Обычно громким визгом, — заметил бородатый, усмехаясь.

— Или криком «убивают!», — усмехнулся ему в ответ безбородый.

— Но чаще всего нас зовут «Помогите!», — рассмеялись «коврики». — Или «Мамочки!». Мы пойдем, а то его величество не в духах. Рвет и мечет.

Через полчаса нам принесли ужин. Красивые тарелки были расставлены по столу служанкой, которая смотрела на меня, как на покойника. Она скрылась так же быстро, как и появилась, обещая зайти позже.

Я быстренько положила полную тарелку растущему организму и скромно нагребла себе то, что по внешнему виду могло сойти за овощи. Скромная подливка украсила мой унылый диетический натюрморт.

— Нет, ну вроде бы вку... — начала я, видя, как Титикака упорно лезет к моей тарелке. Он скосил глаза, плотоядно глядя на мою подливку с овощами. С тарелки прямо на роскошное покрывало сползло что-то по форме смахивающее на морковку.

— Аррр! — запугивал овощи мой будущий охотник на морковку. Видимо, морковка в этом мире очень шустра и проворна. И охотиться на ней нужно целой стаей.

— Уррр! — топорщил усы будущий победитель корнеплодов. И злобно смотрел на жеваную морковку в надежде, что она упадет в обморок при виде его клыков. Забьется в конвульсиях и пропищит жалобным голосом: «Пощади меня, о великий и ужасный!».

Морковка была уже раздавлена. Сначала морально, когда на нее смотрели пристальным взглядом в упор. А потом и пушистой попой.

Под конец ее кровожадно съели, глядя на меня так, словно бабушкин Мурзик завалил в саванне целую антилопу.

— Arrrrr! — грозный рык сообщил всем, что враг повержен, проглочен и сейчас переваривается.

— Ешь, — пододвинула я миску с мясом молодому охотнику, но тот уставился кровожадным взглядом в мою несчастную тарелочку.

— А маме покушать можно? — с тоской спросила я, снова отдавая свою тарелку.

Видимо, мама неплохо отъелась на пельменях в последнее время, раз ей рекомендована диета.

— Arrrrr! — запугивали местную картошку угрожающим рычанием. Титикака припал на передние лапы, давая картошке шанс убежать. Но видимо страх перед юным наследником был настолько силен, что картошка даже не подумала дать деру. Она застыла, словно оцепенев от ужаса. И тут же была проглочена.

— Фто? — поперхнулась я, чувствуя ногой лужу на дорогом ковре.

Стоило мне отстранить тарелку от груди, с нее начали радостно стягивать что-то по вкусу напоминающее соленую картошку.

— Ну да, — прожевала я, закатывая глаза. — У мамы всегда вкуснее? Да?

Я посмотрела на свои жалкие потуги на еду, отдавая всю миску. Пока на покрывале развернулась целая охота, я вздыхала и надеялась, что мне сегодня удастся поесть.

Ладно, работаем по старой схеме.

Осторожно, чтобы юный охотник, не потерял охотничий азарт, я взяла еще одну тарелку, стащила со стола все, что могло сойти за овощи, и стала медленно продвигаться в сторону тяжелой занавески.

Отодвинув ее я, спряталась вместе с тарелкой, в щелочку наблюдая за тем, как юный наследник скатывается с кровати вместе с одеялом. Он был грозен и ужасен. Он был готов разорвать любой пельмень! Или даже хлеб с маслом, вытащив изо рта мамы.

Пока я торопливо ела, стараясь не привлекать к себе внимания, огромная тарелка с мясом скучала на столе, не вызывая у малыша никакого интереса.

— Ур? — послышался встревоженный голос.

В переводе с его языка это означало что-то вроде: «Караул! Мама потерялась! Она или ушла какать! Или спряталась под одеялом! Что тоже очень — очень плохо!».

Я чувствовала, что есть местную пищу было слишком опрометчиво. Поэтому Титикаке вместо меня тут же ответил мой живот.

— Мама! — обрадовались мне, выслеживая меня за шторой. Мама слегка обалдела от скорости с которой ей вернулась тяга к экзотической кухне, и резвой антилопой направилась в туалет.

Если мама уходит в туалет, она уходит умирать. И никак иначе!

Стоило мне уйти в туалет, как ребенок тут же начинал чувствовать себя сиротой, брошенным на произвол судьбы. Пока я, оседлав местный трон, пытаюсь вычислить подлого диверсанта, устроившего такой переполох внутри меня, ко мне в дверь ломилась Армия Спасения Мамы.

Дома дверь спокойно выдерживала натиск упитанной шерстяной тушки. А все потому, что Мамина Умиральня была очень маленькой. И мама втайне подпирала ее ногой. Но здесь в санузле вполне можно было бы разместить целый гарнизон, проводить балы и сражения. И мамина нога не дотягивалась до двери, вызывая у мамы комплекс неполноценности.

— Аррр! — ворвалась Армия Спасения Мамы, прокатившись на скользких шлифованных плитах.

Через минуту я сидела, пристально глядя в глаза одному бессовестному Бэтмену. Тот сидел напротив меня, внимательно следя за процессом.

— Мама умеет ходить в туалет. У нее ого-го какой опыт в этом опасном деле! С мамой ничего не случится! — убеждала я, а глаза смотрели на меня с укором: «Мама-мама, как же так! Ушла, одна, без меня!».

— Давай мама сейчас вернется? — предложила я, взмахнув рукой. Ой, зря я это сделала!

Юный герой тут же понял страшную вещь. У мамы ... свободные руки! А это значит, что мама может чесать его!

Это было моей роковой ошибкой. Я закатила глаза и стала чесать за ушком. Мне подставляли разные эрогенные зоны, требуя с особой

тщательностью почесать там, где не дотягивается еще неуклюжая лапа.

— Маме нужно вставать! — заметила я, чувствуя, как к ногам привалился маленький тушканчик. Когтистая лапа пыталась оставить маму без трусов, тем самым обеспечить ей счастье в личной жизни. Но мама была категорически против.

— Ну все! — строго сказала я, намекая, что аттракцион окончен.

Титикака разобиделся. Еще бы! Мама не сточила руки по пояс об него! Вот такая вот плохая мама! Просто ужасная!

Я выдохнула, приводя себя в порядок и зарекаясь вычислить этого пищевого дивергента, вызывавшего пищеварительную бурю.

Когда я вошла в комнату, в ней царил тишина. Жеванный крот и кожаный еж лежали на своих местах. Тарелка с нетронутым мясом стояла на столе. Скинутое одеяло валялось на полу.

— Тити? — позвала я малыша. — Ты что? Обиделся? Ах, я и забыла, ваше высочество! Мама мало чесала... Ну иди сюда, сейчас дочесывать буду...

И тишина.

— Тити? — встревожилась я, но тут же вспомнила про привычку охотиться на маму. На всякий случай я обернулась. Горький опыт подсказывал, что стоит ожидать нападения сзади.

В первый раз я шла с горячим чаем, как вдруг маму приняли за сочную антилопу и попытались прикончить молниеносным прыжком из-за шторы. Страшные челюсти должны были сомкнуться на маминой шее. Но в силу роста, обязанности перекушенной шеи исполнила мамина попа.

Дикий и животный визг мамы стал приятным украшением вечера для всех соседей. Потом юный охотник долго извинялся. И даже решил слизать с мамы сладкий чай в знак примирения.

— Тити? — с подозрением обернулась я, не слыша крадущегося тигра.

То, что тигры любят нападать сзади, я узнала благодаря великому и могучему интернету. И в качестве защиты от внезапного нападения старалась носить подушку, привязанную к попе. Думаю, что стоит вернуть прежнюю традицию. Вот только где ребенок?

— Ты где? — запереживала я, не чувствуя, как сомкнулись игривые челюсти на мамином филее. — Так, это уже не смешно!

Я заглянула под кровать, за штору, сбегала в ванную, но ребенка нигде не было. Сейчас проверим! Есть у меня средство от внезапных засад.

— Тити, — позвала я, водя поясом от халата по ковру. Обычно этот номер вызывал внезапно рассекречивание секретного агента. Он вылетал и бросался на врага. Но сейчас стояла тишина.

Я бросилась к двери. Но дверь была закрыта. Снаружи!

Что ж так холодно? Только сейчас я почувствовала, как в комнату проникает холод.

— Окно! — дернулась я, бросаясь к окну. Ветер прижал створку к раме, но окно было открытым.

— Если какой-нибудь местный ястреб унесет моего Титикаку, — выругалась я, открывая окно и высовываясь наружу. — То я из этого ястреба себе подушечку набью!

За окном было холодно. В воздухе витали снежинки. Внизу был снежный туман, скрывавший крыши замка. Где-то вдалеке виднелись снежные горы.

Стоило мне посмотреть вниз, как у меня тут же закружилась голова. Мне стало дурно от высоты, на которой стоит наша башня.

— Тити! — позвала я, прислушиваясь.

— Аррр! — послышалось жалобное сверху. Сначала я не разглядела его, а потом увидела полосы на обледенелой крыше.

— Тити! — схватилась я за сердце. — Мамочки! Ты как туда... Ах, это ж кот! А ну быстро слезай! Давай, иди сюда!

— Аррр! — донеслось до меня напуганное. Он сидел на крыше.

— Ты что? Слезть не можешь? — ужаснулась я, чувствуя, как ветер полощет мои волосы.

— Ррр... — донеслось жалобное.

— Так, малыш, — успокаивала я. — Если ты не можешь слезть, сейчас тебя снимут! Все хорошо! Сиди там!

Я метнулась к двери, барабанила в нее изо всех сил: «Помогите! Спасите!». За дверью послышался шорох. Она внезапно распахнулась, а я завизжала от ужаса. Передо мной стояли два волка.

— Мама, — округлила глаза я, видя оскаленные пасти. Внезапно волки переглянулись. И тут же на их месте появились знакомые коврики.

— Эт-т-то ч-ч-что такое б-б-было? — выдыхала я, видя, как они снова переглядываются.

— Что случилось? — вцепились они в меня. Один мельком осмотрел комнату, а потом принялся.

— Тити, — прошептала я, ведя их к распахнутому окну. Моя дрожащая рука указала на крышу.

— Его величества нет в замке, — слышался голос, пока я с тревогой смотрела на Тити, вцепившегося в крышу. Он был похож на котенка, застрявшего на дереве и истощенно орущего на помощь.

— Он отбыл по важному делу, — схватился за голову бородатый. — Мы не сможем его достать! Мы — волки!

— А магией? — взмолилась я, глядя на малыша.

— Не выйдет, — слышался голос бородатого. — Смотри!

Он выставил руку, пока я причитала: «осторожней! Осторожней!». Заклинание просто срикошетило от Титикаки.

— Ему защиту поставили... На той церемонии... Вообще-то церемония должна была быть одна. Сначала ставится защита, потом выбирается имя, потом... — начали мне, но я нервно оборвала экскурс в местные традиции.

— Так что никак! Сейчас попробуем кого-то позвать!

Глава пятая. Внимание, смертельный номер!

Глава пятая. Внимание, смертельный номер!

— Ар! — слышалось жалобное с крыши. Мой маленький! Потерпи!

— Тише, маленький, тише, — шептала я, в надежде, что сейчас прилетит какой-нибудь местный супергерой и снимет его с обледенелой крыши башни.

— Что случилось? — гремели шаги. Я стояла возле окна, показывая наверх, где холодная метель заметала малыша.

— Нам приказано не прикасаться к принцу, — тут же опустили глаза слуги. — Под угрозой смерти.

Они стояли, опустив головы.

— Только с разрешения его величества, — добавила служанка, которая приносила еду. — Или по его приказу!

— Да что вы, в самом деле! — закричала я, глядя на их опущенные головы. — Там принц! На крыше!

Никто не шелохнулся. Так, без паники!

— Есть ли в этом замке хоть кто-то, кому МОЖНО трогать принца?! — закричала я, снова проверяя, как там ребенок. — Хоть кто-нибудь!

— Да, есть! — оживились слуги, давая мне надежду. — Это его лекарь!

— Лекаря! — крикнула я. — Сюда!

Ну наконец-то! Хоть кто-то! А то я уже думала все.

— Мы бы рады, но мы волки, — слышался голос бородатого. — Мы не сможем залезть! Тем более, там лед! Крыша совсем обледенела!

— Лекарь!!! — крикнули мне, а слуги стали расступаться. — Пропустите лекаря!

В живом коридоре показался дряхлый старичок, увешанный скляночками. Он кутался в дорогие меха и смотрел на меня подслеповатыми глазами. Но это было еще не все! Его почти тащили на себе двое молодых парней.

— А они?! — с надеждой оценила я ребят.

— Они — не лекари! Они только ученики! — возразили мне, пока я с тревогой выглядывала из окна вверх. — На них тоже распространяется приказ!

Ладно! Я сжала кулаки.

— Мне нужно что-то, во что можно переодеться! Не полезу же я в халате? — выдохнула я, видя, как все переглядываются. — И переобуться! И мне нужен кто-то, кто меня подстрахует!

Сердце заходило от ужаса, стоило мне посмотреть вниз. Я... я ужасно... до судорог... боюсь высоты...

— Куда лекаря?!! — возмутилась я, глядя на то как крепкие ребята утаскивали старого лекаря к двери. — Он пригодится!

«Чтобы констатировать мою смерть!», — поплыли крыши и шпили замка перед глазами.

— Вы точно уверены? — послышался голос, когда мне принесли одежду.

— В чем?! — рывкнула я, сдирая халат, отвернувшись к стенке. — В том, что наследника нужно спасти? Да!

— Нет, в том, что вы готовы надеть мужское платье, — послышался тихий голос. Все стояли и переживали изо всех сил. Одна служанка плакала, уткнувшись в плечо старой служанке.

— А что? Что с платьем не так?! — тряхнула я рубахой. Штаны уже были на мне.

— Просто по законам нашего королевства женщина не имеет права надевать мужскую одежду, — тихо-тихо произнесла служанка. — За это полагается наказание! Несколько ударов плетью!

— Отлично! — выдохнула я, надевая сапог на правую ногу. — Садо без мазы — вопли на ветер! Расступись!

Моя храбрость закончилась возле обледенелого подоконника. Где-то внизу в молочной снежной дымке виднелись острые шпили и очертания крыш и башен.

— Так, — выдохнула я, делая шаг на подоконник. Мир покачнулся перед глазами, а я чуть не потеряла равновесие, пытаюсь собрать волосы в пучок.

— Малыш, я уже иду! — выдохнула я орущему Титикаке. — Сейчас я вспомню, почему прогуливала физкультуру в школе, и сниму тебя! Держись!

— Не смотри! — закрыла глаза толстая служанка маленькому мальчику в смешном беретике с перышком. — Рано тебе еще на такое смотреть!

Я сделала несколько шагов по подоконнику, ища, за что бы зацепиться. Ветер быстро растрепал мою гульку. Я чувствовала себя детективом. Руки пытались нащупать хоть какую-нибудь зацепку.

— Может, мне кто-нибудь поможет? — с обидой спросила я, пытаюсь не смотреть вниз. Пальцы впились в выщербленный кирпич.

— Не велено, — слышались голоса слуг. — Перед отъездом его величество приказал не прикасаться к вам!

— ЧТО? НЕ СЛЫШУ? ВЕТЕР В ЛИЦО! — крикнула я, ловя обрывки слов.

— А я тебе что говорил? А ты мне не верил! А я говорил тебе, что он не просто так к ней! — слышался голос совсем близко. Я сглотнула я, пытаюсь не соскользнуть. Сосульки на крыше угрожающе покачнулись и зазвенели как бокалы в новогоднюю ночь.

— Так, расступись! — слышались голоса. «Хоть бы спасла!», — всхлипывал кто-то. — «Это же наш принц!». Кто-то ревел навзрыд.

Я почувствовала, как мой рука сорвалась, а я чуть не ухнула вниз. Но меня схватили. Бородатый стоял надо мной, перевесившись, через подоконник. Он с усилием втащил меня обратно.

— Ладно! Пусть хоть убивает! — слышался голос бородатого. Он выставил руку, а с крыши упала светящаяся веревка, а меня держали за ноги, когда я пыталась поймать веревку рукой.

Мне удалось хватиться за нее и обвязаться.

— Учти! Заклинание действует пять минут! — наставляли меня. — Через пять минут оно начнет таять! И ты должна успеть!

— Так, так, так, — сопела я, пытаюсь найти место, куда можно поставить дрожащую ногу. — Сюда! Не спешим! Я уже иду, потерпи, малыш! И как же ты сюда забрался?

Сосулька над головой оборвалась, устремляясь вниз. Я сжалась, слыша, как она разбивается о крышу где-то внизу.

— Сейчас собью! Где сбиватель сосулек? Почему не выполняет свою работу? — слышалось рычание внизу. — Так! Чтобы не задеть няню!

Сосульки стали падать вниз, грохоча, как удары молотком.

— Спасибо!!! — крикнула я, подтягиваясь на слабеньких ручках. Я напоминала себе неповоротливую сосиску на турнике под тихое хихиканье одноклассников. «Ладно, сползай! Два!», — слышался голос физрука, когда я устало разжимала пальцы.

— Не торопись! — уговаривала я себя. — Спешка нужна только при ловле блох и написании научной работы! Давай, Арина Батьковна!

Высота была ого-го! Огромная башня, казалось, цепляла облака, нанизывая их своим острым шпилем с обледенелым флагом.

— Так! — удивилась я, хватаясь рукой за обледенелую черепицу. — Иди к маме!

Я выдохнула пар, глядя на покрытого снегом малыша.

— Иди сюда! — протянула я руку, — Тити! Иди сюда! Сейчас тебя сниму!

Титикака сидел с таким видом, словно и снимать его не надо. Что он здесь на уютной обледенелой крыше восполняет дефицит прогулок и свежего воздуха. И параллельно созерцает бескрайние просторы своих будущих владений!

— Титик! — грозно прикрикнула я под завывания ветра. Я почти схватила его рукой, но он поднялся еще выше.

— Мама не играет! Мама мысленно пишет завещание! — настаивала я, чувствуя, что одна нога стоит на цыпочках. — Иди сюда! Немедленно! Вот балованный ребенок!

Кто сказал: «играет?». А! Мама сказала «играет»! Вот, здорово!

— Тити! Прекрати! — прикрикнула я, видя, что со мной решили поиграть. Нет, он кот, ему-то хорошо! Только вот я ни капельки не кот!

Я хотела еще немного подтянуться, чтобы влезть на крышу. И мне удалось, закинуть ногу. Руки вцепились в черепицу, пока я затаскивала пельмени, гамбургеры и немного обожаемых мною пряников на скользкий уклон.

— Так, — сплонула я волосы, слыша гул ветра. — Иди сюда! Титикака! Мама НЕ ИГРАЕТ! Марш сюда!

Конечно, так нельзя вести себя с разбалованным принцем. Но не на скользкой крыше самой высокой башни!

— Баловня! — позвала я, видя, что Титикака был несказанно рад, что я оказалась на крыше. На крыше прыгали маленькие птички, похожие на белых воробьев. Так вот почему мы здесь!

Мне удалось подняться еще выше, пытаюсь дотянуться рукой до Титикаки. Он чирикал, словно птичка, радостно приглашая поиграть.

— Я кому по попе дам? — строго закричала я, мельком глянув вниз. — А ну иди сюда! У мамы времени мало!

Мне показалось, или веревка стала тоньше. Она словно таяла на глазах, отмеряя время.

— Что?! — ужаснулась я, видя, что веревка стала полупрозрачной. Принц пятился, как вдруг исчез из виду. Я взобралась наверх, видя малыша, который уцепился когтями за крышу на противоположной стороне. Он висел на когтях, глядя на меня с ужасом. Когти скребли лед и черепицу, а я уже спускалась к нему, хватая его за лапы и втаскивая обратно на крышу.

— У-у-ур! — выдал прижатый к груди Титикака.

Что в переводе означало: «Все, мама! Пошли отсюда! Мне не нравится!». Мама пыталась отогнать деда кондратия, обнявшего мамину попу.

— Ты меня так не пугай, — прошептала я, чувствуя, что веревка превратилась в нитку. И тут поднялся ветер.

— Да это что? Проклятие какое-то?! — ужаснулась я. — Не было же такого ветра! Не было!!!

Ветер пытался скинуть нас с крыши, пока я пыталась понять, с какой стороны крыши окно.

— Врод-д-де бы т-т-тут! — посмотрела я на собственные следы. — Так, а теперь осторо-о-о-о-о!!!

Я лежала на крутой крыше, одной рукой схватившись за шпиль, а второй рукой прижав к себе Титикаку.

И тут я услышала страшный звук, словно крошится хрупкая черепица. Хрустит, как чипсы в пакете. Пальцы изнемогали и коченели на ветру. Я чувствовала, как меня стаскивает все ниже, как вдруг нас накрыла огромная тень, вырывая у меня из рук Титикаку. На меня смотрела страшная белая морда. От неожиданности я отпустила шпиль, видя, как Титикаку держат за шкуру.

Огромная лапа ударила по моей руке, поймав почти у самого края. Когти вцепились в рукав меховой куртки, слегка поцарапав руку.

Меня тоже схватили за шкуру. Мы вдвоем с Титикакой оказались примерно в одном положении. Несколько раз нас мотнуло в воздухе, а край крыши приближался.

— Нет, нет, нет! — в ужасе запаниковала я, видя, как с крыши слетает снег. — Аааааааа!

Я летела, по ветру в сторону ближайшего силуэта крыши. Никогда этого не забуду! Перед самым падением нас подкинуло, а мы приземлились. Стук сердца вытеснил все звуки, на секунду оглушив меня.

— Rrrr! — послышалось рычание, пока я приходила в себя. Я видела, как по обледенелой крыше соскальзывает огромный белый зверь, сжимая в зубах орущего Титикаку. В последний момент, как исчезнуть внизу, он бросил в меня принца.

Я ухватила Титикаку за королевский хвост и подтянула к себе, в ужасе глядя на след огромных когтей, ведущий к пропасти.

— Сюда! Сюда! — слышались голоса справа. Справа было что-то вроде зубцов, на которых меховыми воробьями собрались зрители.

Я доползла до конца крыши и спустила им Титикаку, а сама с ужасом посмотрела вниз.

— Сюда! — тянули ко мне руки, пока я тряслась на холодном ветру, не в силах пошевелиться. — Сюда!

Я кое-как доползла до зубцов, где меня уже поймали руки и утащили в тепло. «Принц спасен! Принц спасен!», — слышались голоса.

— А его величество? — спросила я, вырываясь из их рук и припадая к окну.

Глава шестая. Няню приносят в жертву!

Глава шестая. Няню приносят в жертву!

Во внутреннем дворе я видела огромного зверя, который ковылял в сторону раскрытых врат. Он подволакивал заднюю лапу.

— Ваше величество, вы как? — слышались голоса сбегающих слуг.

— Аррррр! — слышался жуткий злобный рык, заставивший слуг шарахнуться по сторонам. И меня отпрянуть от стекла.

У меня по коже пробежали мурашки, стекло задрожало от страшного рева. Медленно, таща за собой лапу, он двигался по живому коридору. И стоило кому-то шевельнуться в его сторону, как он страшно рычал.

Все стояли, опустив головы и ждали, когда господин зайдет внутрь.

Моя рука скользнула по холодному стеклу, а внутри что-то перевернулось.

— Аррррр! — зарычал грозный Титикака, которого тут же отдали мне в руки.

— Пойдемте, — увлекали меня в лабиринты каменных коридоров. Рука бородатого не прикоснулась ко мне, словно между мной и рукой была невидимая аура.

— Может, его величество разорится разочек на решетки на окнах? — возмутилась я, бросаясь к окну и закрывая его наглухо.

— Ты сошла с ума! — хором выдали «коврики». — Принца и так считают узником, а тут еще и решетки на окнах в его башне! Ты понимаешь, что это грозит восстанием!

Стоило двери закрыться, я поставила руки в боки.

— Так, и кто это у нас тут возомнил себя скалолазом? — ругала я малыша, поглядывая на окно. — Кто у нас тут великий покоритель вершин? Чесатель и мотатель маминых нервов? А?

Титикака сделал вид, что в комнате есть еще один Титикака. И ругают его. Он спокойно достал кожаного ежа и улегся поудобней, кусая ежа краем пасти.

— Я с кем разговариваю? — нахмурилась я. На меня поднялись сначала бровки, а потом скосились голубые глаза. Ежик несколько раз дернулся в пушистых лапах. — У нас тут есть еще Титикака? Интересно, где?

Я поставила руку козырьком в поисках «другого Титикаки». Этот Титикака тоже посмотрел по сторонам. И даже порычал! Осуждающе!

— Это что у нас за птичка? А? Белая, пушистая! — очень цензурно, минуя острые углы неподобающих выражений, пыталась я донести одну единственную мысль. Мама второй такой раз не переживет!

Титикака демонстративно и громко зевнул, как бы намекая, что тоже не одобряет поведения «плохого Титикаки».

А потом он встал и направился к окну. С видом: «Сижу за решеткой, в темнице сырой», он тоскливо, как — то по собачьи смотрел в окно, заставляя мое сердце сжаться от грусти.

Его не выпускают гулять? Он что? Действительно узник?

От пережитого стресса хотелось есть. Я сама чувствовала себя страшным тигром, вгрызаясь зубами в остывшую картошку.

— Ар! — слышалось требовательное. Я замерла с картошкой в зубах, глядя на обиженное лицо принца. Я уже прослыла гурманом. Все что мама ест — это вкусно. Даже если это хлеб с майонезом! А то, что лежит в миске — это бе, гадость, не буду! Даже если это цельная курица.

И тут меня осенила гениальная идея. Я взяла тарелку, положила на нее мясо, видя, как малыш облизывается.

— Ам-ам-ам! — мусолила я зубами мясо, искоса поглядывая на Титикаку. — Нет, это мамино! Ты не стал есть!

«Как же так? Я и не стал? Нет, я буду есть!», — оживилась пушистая попа.

— Ам-ам-ам! — делала вид, что я вливаюсь в сочное мясо. И увела тарелку в сторону, чтобы уже наверняка.

Я вспомнила котика в гостях. Только я понесла суши в рот, как вдруг появилась кошачья морда. И глаза! Про глаза вообще отдельно! Они смотрели из-под стола так жалобно, словно я сегодня празднует день рождения не моя приятельница, а проходит заседание Клуба Живодеров. Мадемуазель, я в последний раз нюхал еду только на картинке. Дайте кусочек...

Котик провожал каждый кусочек грустным взглядом с поволокой. Если бы меня мужчины провожали таким взглядом, я бы уже разменяла четвертого мужа! В тот момент, когда кусочек исчезал во рту, взгляд выражал такое отчаяние, словно мир рухнул.

Я не выдержала и протянула на ладошке суши, глядя на радость в голодных глазах.

— Фу, — отвернулся кот, который еще недавно намекал, что в последний раз сосал влажную салфетку, чтобы хоть как-то убить чувство голода.

Из темноты обижено вышла морда, а следом появилось огромное тело на тонких лапках — спичках. Он обиженно попытался запрыгнуть на кресло, но упал с него. Разобидевшись еще раз, он направился в прихожую и что-то уронил.

Я навсегда запомнила этот взгляд. И сейчас я смотрела в точно-такой же... Женщины будут без ума от Титикаки, если он научиться провожать их таким взглядом.

— Ладно, только чуть-чуть, — выдала я обмусоленное мясо. Сердце было не на месте. Я вспоминала то, как исчезает внизу огромный кот, бросивший мне в руки Титикаку. Перед глазами был живой коридор из слуг, пока раненый зверь шел в сторону замка. Жалость и уважение смешивались внутри, пока меня распирало от благодарности. Если бы не он, то я бы...

— Рам-рам-рам! — чуть ли не сожрал Титикака добычу вместе с пальцами, требуя продолжения.

Вот так мы «доели» целую тарелку. Я чувствовала, как меня одолевает усталость. Откинувшись на кровати, я старалась не думать о том, что было бы, если бы вовремя не подоспела помощь. Интересно, он сам увидел. Или ему сказали? Я на секунду представила, как бросив все, он мчится по коридорам замка, снося все на своем пути, выбирается на крышу и...

Где-то внутри меня теплилось маленькое «спасибо». Не каждый день тебе спасают жизнь на обледенелой крыше.

И тут я почувствовала, как на меня забирается Титикака. Он укладывается мне на грудь, заставив закашляться.

— Ой, — простонала я, видя, как он ворочается. Моя рука бессильно дернулась, пока Титикака вил себе гнездо. Но каждый раз

что-то не помещалось. То попа, то морда. А нужно было, чтобы помещалось все! И это сильно расстраивало принца.

Я вспомнила дядю. Точнее его размеры. И представила, как такая огромная туша пытается угнестись на «любимом месте».

— Ты понимаешь, что ты вырастешь, а грудь мамы нет? — простонала я, скосив глаза на пушистую попу.

Но, видимо, Титикака был уверен, что грудь у мамы молодая. И будет расти вместе с ним. Чтобы в будущем огромная пушистая тушка смогла взгромоздиться на маму целиком и полностью.

— А ты не спросил, а маме удобно? — взывала я к королевской совести. Но, видимо, у них в роду совесть отсутствовала. Поэтому Титикака решил еще немного потоптаться на мне, пытаясь найти удобное положение.

Острые когти впивались в куртку, а я услышала чмоки. Титикака самозабвенно урча, сосал мой воротник, наминая его лапами.

— Пур-р-р-р! — урчал он на всю комнату, как мой старый холодильник. — Пур-р-р! Чмок-чмок-чмок! Пур-р-р! Чмок-чмок-чмок!

Они никогда раньше так не делал. И это вызвало у меня приступ умиления.

— Тук-тук! — слышалось в дверь.

— В-в-войдите, — голосом умирающего простонала я, пытаясь разглядеть посетителей.

На пороге, судя по тому, что было видно за белым мехом стояли коврики.

— Меня прижал ка-а-а-мушек, — жалобно заметила я, слыша самозабвенное урчание.

— Срочно дело, — переглянулись они. — Нам очень нужна ваша помощь... За принцем мы присмотрим! Не переживайте!

«Ваша»? Странно. С каких это пор я стала «вы»? Или у меня после приключения появились седые волосы так, что я теперь больше похожа на добрую бабушку?

— Пойдемте быстрее! — слышался голос.

— А как же? — скосила я глаза на Титикаку. Тот очнулся, устыдился своего порыва и слез на кровать.

— Я останусь с принцем. Накрою его магическим куполом, — слышался голос безбородого. — Не переживайте, принц будет в

целости и сохранности! Только идемте! Брат справится! Не переживайте! Нам ОЧЕНЬ нужна помощь!

— Что случилось? — встревоженно спросила я бородатого, который упорно вел меня по коридорам.

— Сейчас сами все поймете! — послышался голос. Я с тревогой обернулась. Может, не стоило оставлять Титикаку.

— Да не переживайте! — успокоил меня «коврик». — С принцем все будет нормально! До вас же как-то справлялись? Справлялись! С того момента, как няня вывалилась в окно...

— Что?!! — округлила я глаза. — Вы мне об этом не говорили!!! Няня вывалилась в окно?!!

— Забудьте, о чем я вам рассказал! Не было никакой няни! — отмазался бородатый. — Я просто пошутил!

— Нет, уж вы продолжайте! — настаивала я, замедляя шаг.

— Потом, все потом! — торопили меня. — Зато у вас появится возможность сказать «спасибо».

Спасибо... Я была бы не против поблагодарить его за спасение жизни.

С каждым шагом я слышала шум, словно что-то случилось. Он приближался и приближался, превращаясь из едва различимого гула во вполне связную речь.

Мы вышли в огромный коридор, где сидели раненые. Ученики магов суетились вокруг стражника, выставившего на лечение окровавленную руку. Второй стражник терпеливо ждал, когда ему забинтуют голову. Служанка рядом всхлипывала, пока старый лекарь что-то шептал над ее раной.

И таких были десятки.

Словно только что здесь была кровопролитная битва.

— Нам сюда! Не обращайтесь внимания! — послышался голос бородатого, пока один стражник тащил второго по полу. Он был жив, но изрядно потрепан.

И тут я увидела длинный кровавый след, ведущий в сторону приоткрытой роскошной двери.

— Это туда или оттуда? — спросила я, слыша стоны.

— Это туда, — заметил бородатый. — Там его величество. Он серьезно ранен... Рана вызывает опасение, поэтому ему нужна

помощь. Но... Тут есть одна загвоздка... Он никого к себе не подпускает...

— Arrrrr! — слышалось жуткое из-за двери. У меня даже волосы на руках зашевелились.

— Мы пытались ему помочь, — начал бородатый. — Но он, скажем так, не очень рад нас видеть... Может, хоть вы попытаетесь с ним поговорить? Убедите его, что ему нужна помощь?

— Rrrrrraaaaх! — послышался раскат рева.

И я решила быть жутко неблагодарной сволочью, повернув обратно.

Меня остановили, перегородив дорогу.

— Ему нужна помощь! Рана серьезная! Но он слишком упрям. И никого к себе не подпускает! — заявил бородач. — И мы тут подумали....

Вокруг меня собиралась целая толпа. Я чувствовала, как мне кто-то сунул в руку моток бинтов.

— Что раз он вас два раза не тронул, то у вас получится?

Мне уже засовывали в руку склянку.

— У меня нет медицинского образования, — заметила я, глядя в темную щель, к которой вела кровавая дорожка. — Я далека от этого! Я даже не ветеринар, если речь идет... Тоже мне, нашли Айболита!

— Я всему научу! — скрипучим голосом произнес старый лекарь. — Вот зелье для промывания раны, вот зелье для заживления, вот компресс из заживляющей настойки...

Мне пытались сгрузить подписанные флаконы. А я упорно не хотела их принимать. Только вот разбить их тоже как-то не сильно хотелось. Мало ли, лекарства нынче дорогие!

Только сейчас я заметила, что толпа медленно, но верно теснит меня в сторону страшной двери.

— Да, но я... — застыла я перед самой дверью, за которой сидел разъяренный тигр упорно не желающий лечиться.

— Rrrrraaaaаа! — донеслось до меня из черной щели, заставляя оцепенеть от ужаса. Нет, я туда не пойду! Я жить хочу!

Глава седьмая. Доктор Айболит лечит только тех, кто не кусается!

Глава седьмая. Доктор Айболит лечит только тех, кто не кусается!

— Нет! — ужаснулась я, слыша притаившуюся жуткую тишину в темной комнате. — Нет-нет-нет!

Искать раненого тигра в темной комнате я не хотела. К тому же он меня найдет быстрее.

А я, между прочим, уже видела, что тигры делают с дрессировщиками!

— Он никого к себе не подпускает! — убеждали меня, осторожно тесня к двери. — Но вас он не тронул целых два раза! Мало кто может этим похвастаться! Так что у вас есть шанс!

Хнык-хнык, я не хочу туда! Там затаилось раненое и разъяренное чудовище. А я не получала диплом по лечению раненых и разъяренных чудовищ!

— Он потом отойдет, и будет вам очень благодарен! — убеждали меня, пытаясь всеми силами не оставить мне выбора.

— А меня кто потом по кускам собирать будет? — взмолилась я, прижимая к груди бинты и флаконы.

Трень! Трень! Послышалось неподалеку.

— И смелая дева к зверю вошла... — пропел кто-то густым голосом. И тут же прокашлялся. — Не в той тональности!

— Я еще слишком молода, чтобы стать героем! — ныла я, упираясь из последних сил. — Давайте он там сам как-нибудь себя полижет! И рана заживет!

— И дверь закрылась за ней... — в другой тональности, уже намного выше, прозвучал голос. — Так, теперь мне не нравятся слова!

— Может, мы все дружно войдем, набросимся на него, запеленаем и осмотрим? А? — предложила я отличную идею. — Лапу только вытащим! И в рот что-нибудь дадим, чтобы не кусался... Нет, а что? Мы так кота купали с подругой! Поверьте, там еще страшнее было! А вообще, знаете, как котикам лекарства дают? В валенок его и пасть разжимают! У вас есть большой-большой валенок, чтобы туда

поместилось все его величество? А если мерять температуру, то мордой вниз! В попу термометр... А потом нужно кинуть валенок в другой конец комнаты и... бежать... Да....

Я поняла. Озвучивать гениальные идеи дрожащим голосом ни в коем случае нельзя!

Меня провожали взглядом: «Иди, иди!». И желающих ловить его величество в огромный валенок не было. Мне кажется, даже рев в комнате притих. Слушает, видимо... На ус мотает...

— Ладно, я просто посмотрю! Все ли с ним в порядке! — выдохнула я, закрывая глаза и хныча. Мне пришлось выдохнуть, чтобы собраться с духом. — Но если что, я сразу выбегу! Договорились? И пусть этот... лекарь будет готов! Надеюсь, вы меня отобьете...

— Отобьем! — закивали мне. — Только иди!

— Ой, а у него, случайно не ужин по расписанию? А то просто у меня есть такое предчувствие... Нехорошее! — упиралась я.

— Иди!!! — хором провожали меня.

Я осторожно приоткрыла дверь, ступая в темноту. В комнате было темно до такой степени, что у меня прогнулись колени. Он может быть где угодно! Главное, чтобы не бросился....

Маленькими шажочками, словно японская гейша, я продвигалась в комнату.

— К-к-кис-кис-кис, — жалобно и тихо выдала я, готовясь в любой момент дать деру. — Вы г-г-где?

Внезапно меня едва не снес жуткий рык. От этого рыка чуть не вылетели стекла. Я посмотрела на кровавую дорожку, которая уже тянулась по ковру куда-то прямо и налево. Сколько же он крови потерял?!

— Так, скорую помощь вызывали? — прокашлялась я, понимая, что меня еще не съели. — На что жа-жалуетесь?

— Rrrrr, — слышалось затаенное рычание слева. От зашторенного окна падал тусклый свет, придавая предметам очертания.

И тут я увидела его. Возле кровати лежал огромный зверь, к которому вела кровавая дорожка. Он разлегся на роскошном окровавленном ковре, вылизывая лапу. Из лапы бурой струей текла кровь. Вся морда его была в крови. Такое чувство, что он кого-то сожрал до меня!

Ого! Да тут хуже, чем я думала! Ничего себе рана!

— Ваше величество! — позвала я, слегка осмелев. — Вы... А, вот вы где...

«Арррр!», на меня тут же оскалили окровавленные клыки, как бы намекая, что заживет, как на собаке.

Вот так всегда бывает. Живешь себе, и не знаешь, сколько у тебя скрытых талантов.

Я не знала, что умею прыгать задом на два метра. Если бы знала, то давно уже вошла бы в какую-нибудь олимпийскую сборную по прыжкам попой вперед, выиграла бы золотую медаль и гордилась до самой смерти.

Нужно было с чего-то начать диалог. С чего-то успокаивающего, нейтрального. Главное — говорить нужно уверенно и спокойно.

— Вы знаете, что такое ... гангрена? — спросила я, едва не выронив флакончик с зельем.

— Аррррр.... — послышался тихий и зловещий рык.

«Не показывай свой страх!», — твердил мне внутренний голос. «Хищники его чувствуют и тут же нападают!», — продолжал капать мне на нервы все тот же голос.

— Ррррраххх! — дернулось вперед его величество, заставив меня замереть. «Не вздумай отступить! Не показывай страха! Я кому говорю!», — рычал внутренний голос. — «Напади на него! Он этого не ожидает!».

Ага, сейчас, завешание разглажу!

«Если вас съели, у вас есть два выхода!», — утешал меня внутренний голос. — «Представь его величество, которое мучается изжогой по твоей вине!».

— Не м-м-могу! — вздохнула я, зажмурившись.

— Аррррр! — снова дернулся в мою сторону огромный зверь, намекая, что подойти к себе не даст!

Так, ладно! Сначала шокируем, а потом лечим! Все-таки он жизнь спас! «Помни, он еще и мужик!», — намекнул внутренний голос. «Интересно, кто в нем сильнее? Зверь или мужик? Как бы проверить?», — задумался внутренний голос.

— Аррррр! — набросилась я на него расставив руки, понимая, что это последнее, что сделаю в жизни. В ответ мне был такой же страшный рык. У меня чуть волосы не сдуло. Стекла в окне

задрожали, а в коридоре послышался перепуганный топот. Меня отмело на несколько шагов назад.

— Ладно, — вздохнула я, расстегивая куртку. Огромный зверь вылизывал свою рану, искоса глядя на меня.

— Опа! — распахнула я куртку и тут же запахла ее обратно.

Челюсть тигра отпала. Он застыл, глядя на меня странным взглядом. У него челюсть отпала. Он, видимо, ожидал всего, но не этого.

— А теперь давайте сюда лапу, — осторожно попросила я, слегка осмелев — Мы ее посмотрим... Я ничего делать не буду... Просто посмотрю...

— Arrrr, — оскалились на меня, подгребая раненую лапу под себя.

— Ой, да ладно тебе! — вздохнула я. — Ну-да, сначала «аррр», потом нагноение, потом сепсис, а потом торжественные похороны! Вы этого добиваетесь?

— Rrrrr! — угрожающе рычал огромный зверь. Он всем видом как бы намекал, что сожрал уже не одного доктора Айболита.

— Тихо, тихо! — успокаивала я это чудовище. — О, как тут все плохо...

Надеюсь, он не видит, как дрожат мои руки, сгужая пузырьки на окровавленный ковер.

— Arrrrrrrrrr! — дернулся тигр, а я опрокинулась, готовясь отползать. Где огромный валенок? Мне срочно нужен валенок!

— Короче, ваше величество! У вас есть распоряжения по поводу ваших грядущих похорон? Пожелания? — заметила я, доставая последний козырь. — Вообще-то, мне целитель сказал, чтобы я попыталась. А если попытка провалится, то мне нужно выяснить распоряжения на счет похорон. Итак, я внимательно слушаю!

Огромный белый зверь рычал, не сводя с меня нехорошего взгляда.

— Все ждут, не дождутся вашей скорой кончины, — заметила я, мысленно беря себя в руки. — Так как? Вас как-то приодеть? Закопать или сжечь? Пожелания есть? Я все запомню!

— Rrrrr, — послышалось недовольное рычание, а больная лапа медленно выдвинулась ко мне. Отлично! Мы почти договорились!

— Так, я смотрю, а вы стараетесь не откусить мне голову, — предупредила я, бросая мельком взгляд в глаза хищнику. — Ой, мамочки! Ой-е-ей! Кровищи сколько! О, да тут гранд-каньон! Хотя нет! Тут ... есть на что посмотреть... Квалифицированному специалисту! Так! Лапу пока не убирайте! Сейчас я посмотрю, что у меня тут есть...

И маленький доктор Айнекусай, ближайший родственник доктора Айболита, стал перебирать флаконы.

«Обеззаразить», — прочитала я чей-то кривой почерк на флаконе. Я вытащила пробку зубами, вдыхая едкую вонь. От такой вони, я чуть не окосела. Когда глаза вернулись в прежнее положение, я протянула руку к окровавленной лапе.

Лапа опять потянулась к туловищу, как бы намекая, что все, посмотрела? Посмотрела! Достаточно! Лапу мне отказывались выдавать. Зато звиздюля — пожалуйста!

— Ну-да, ну-да, спасайте свои бактерии и всякую бяку! Правильно! Ну-ка, одну минутку! А! У собачки болит, у кошечки болит, у блошки болит, а у его величества все заживи-заживи-заживи! Как дал лапу, так и полечила! А теперь прикидывайте, как будет здорово смотреться с вашим именем прозвище Одноногий! — вздохнула я, видя, как дрожит в руке флакон.

Лапа милостиво выехала.

— Не ссы, Капустин, — сказала я себе, пытаюсь понять, где среди меха и пуха затаилась рана. Он так страшно дышит, что у меня руки трясутся!

Я дотронулась до лапы. А зря! На меня бросились так, словно я не рану обрабатываю, а прицелкнула ножницами со словами: «Весна придет, то не для тебя, пушистик!».

— Да знаю я!!! — рывкнула я в ответ. — Больно! Знаю! Вы мужик! Терпите! Нашла! Ой!

Отвернувшись и подсматривая я стала поливать рану. Мне казалось, что половина флакона уже расплескалась вокруг. Но я утешала себя мыслью, что в рану тоже наверняка что-то попало.

— Арррррррр! — страшный рев едва ли не заставил меня выронить флакон. Я вжала голову в плечи. Огромные челюсти клацнули прямо перед самым носом. — Рррр...

Мне показалось, что у меня лицо сейчас сдует. В последний раз смерть дышала мне в лицо, когда мы с приятельницей везли кота на кастрацию. Она вызвала меня, поскольку одна она не справится. Хотя, я подозревала, что в процессе закидывания кота в переноску должен выжить хоть кто-нибудь, чтобы рассказать о несчастной судьбе товарища.

— Вот и славно, — выдохнула я, трясущимися руками беря еще один флакон. Нет, не то! — Вот и славно...

Одной рукой я осторожно кралась к «эрогенной зоне» возле уха. А второй перебирала флаконы. Нашла!

— Ар! — мотнуло головой его величество, а потом замерло.

— Анестезия! — вздохнула я, потрепав его за ухом. — Но могу и подуть на рану! Афу-у-у! Афу-у-у! Так легче?

«Остановить кровь», — прочитала я на пузырьке, зубами вытаскивая пробку. Ой! Мама дорогая! Фу-у-у-ух!

— Не дергайся! — предупредила я, помолившись Айболиту напоследок. — Сейчас может щипать! Тут так написано! Давай на счет три? Ра-а-аз, два-а-а...

И тут я плеснула! От неожиданности его величество взревел, пытаясь встать. Меня опрокинуло на ковер. Но огромный зверь тут опустился обратно, рявкнув мне напоследок в лицо.

— И у нас остается зелье заживления! Ничего, завтра вы будете как огурчик! — нервно искала я в пушистом ковре последнее зелье. Вот оно! Чуть не раздавила! — И я неплохо буду смотреться в гробу в белых тапочках! Ну! Поехали! Так, терпите! Просто терпите!

Я снова вытащила зубами пробку, сплюнула ее в сторону и плеснула на рану.

— Ррррааххх! — бросили на меня, выбивая из рук флакон. Меня опрокинуло на ковер. Я пыталась заслониться руками, как вдруг почувствовала боль. Тигр был уже в другом конце комнаты, зализывая рану и злобно глядя на меня.

— Жить будете! — нервно выдохнула я, хватая бинты и прикрывая рану на животе. Даже смотреть не хочу, что там.

Вроде бы не так страшно, раз я еще жива и могу ходить. Я встала и направилась к двери.

— Ну что там? — напали на меня, не давая вставить словечко.

— Пропустите ее! — рявкнули на всех волки, сверкнув желтыми глазами. Все тут же уgomонились.

— Что случилось? Ты пахнешь кровью? — встревожились «коврики».

— Целителя бы мне, — простонала я.

— Пойдем, пойдем, — торопили меня, уводя подальше от любопытных глаз. — Мы сами все сделаем!

— А почему нельзя целителя? — удивилась я, чувствуя неприятную боль и видя, как бинты наполняются кровью.

— Представьте себе, — слышался голос бородатого, а меня вели в сторону моих покоев быстрым шагом. — Народ уже узнал, что у наследника есть няня. И теперь все узнают, что няня — ранена. Наследника мы стараемся не показывать лишний раз, чтобы спасти жизнь. Встанет вопрос, а что с наследником? Его величество против того, чтобы лишний раз рисковать жизнью принца. Народу ничего не объяснишь. Опять начнутся волнения. Так что вам лучше потерпеть до комнаты. Еще немного осталось... Потерпите! Вам придется сохранить это в тайне!

— Значит, все-таки нет, — слышался голос второго, который открывал перед нами двери. — Нам показалось! Если бы «да», то он бы не смог ее ранить...

— Ты всех меряешь по нам, волкам. У кошек может быть все иначе, — буркнул бородатый. — На кровать ее! Сейчас попробуем осмотреть и стянуть рану.

Дверь закрылась, а ко мне сунулся Титикака. Как всегда вовремя.

— Да малыш, мама занята-а-а! Мама умира-а-а-ет! — пискнула я, чувствуя, как приятное покалывание заклинания перерастает в острую боль стягиваемой кожи.

— Вот, кое-как! — отряхнул руки начинающий хирург. — Только несколько дней постарайтесь воздержаться от наклонов!

— Послушайте, — простонала я, пытаюсь наложить на себя повязку. — Это до восемнадцати лет наклоны полезны для здоровья! А после восемнадцати — это риск для жизни! И резко наклоняться можно только в присутствии реанимационной бригады скорой помощи, зарезервированного места на кладбище и нотариуса с завещанием в руках...

Я ощупала повязку, понимая, что не так страшно, как я придумала. И успокоилась.

— Никому не говорите об этом. И мы не скажем! — слышались голоса возле двери. — По угрозой смерти никому не слова!

Глава восьмая. Это не я!

Глава восьмая. Это не я!

— От этого зависит судьба принца, — добавил бородатый. — Всем все не объяснишь. Многие просто ищут повод. И им без разницы, кто виноват, а кто прав.

Я слушала их в пол уха, обещая завязать с карьерой ветеринара.

— В первый и последний раз, — процедила я, пытаясь улечься поудобней. — Титика-а-а-акака!

Я простонала, чувствуя, как малыш топчется по мне, пытаясь найти уютное местечко. Он нашел кусок одеяла и стал причмокивать с самозабвенным наслаждением, наминая мне ногу острыми когтями.

— Мамина нога не тесто, — простонала я, пытаясь согнать его жалобным взглядом. Но, видимо, эти полосатые были другого мнения. Если один решил сделать из меня фарш, а второй пельмешки.

«Может, нужно было позвонить родителям?», — кольнула тревогой совесть. — «Предупредить их...».

Пока совесть аппетитно чавкала моими нервами, я пыталась улечься поудобней. Но если на тебе спит тигриная тушка, то под словом «поудобней» подразумевается возможность дышать и шевелить хотя бы ногой.

Титикака решил, что мне срочно нужна грелка на все тело. Но, поскольку он еще не дорос до размеров полноценного одеяла, он решил поочередно греть то ногу, то руку, но грудь, то голову.

Если где-то есть Камасутра для влюбленных пар, то я требую издать Камасутру для мам! И обязательно включить позы: «Мама одной ногой на полу», «Маму прижал камушек» и «Мама — футбольный мячик».

Пушистая шапка-кошанка наконец-то улеглась и захрапела.

Снился мне сон, словно я лежу на пляже. Одна нога моя была на влажном песке, куда не доставал прибой. Кричали чайки, шумели волны и ...

Я открыла глаз, видя огромную чайку, которая срочно требовала есть. Так! А что это у нас?

Есть вещи, которые не хочется увидеть утром в постели. К ним относится дохлая мышь, маньяк — душитель подмышкой и таракан. А тут был завтрак.

Пределом мечтаний любой девушки является завтрак в постель. Так вот, мне его принесли. Правда, если принюхаться это был не совсем завтрак. Скорее, ужин... Но кто я такая, чтобы придирааться?

Завтрак прятался в одеяле, а на простыне была лужа.

Я проверила, автором ее была не я! Во взгляде Титикаки читалось: «Совесть — не блохи! Не съест!». Он не унывал.

— Так, а кто это у нас ... Ой! — привстала я, чувствуя боль. — Романтический такой?

Титикака поднял на меня красивые, честные глаза. Во взгляде его читалось, что это — вовсе не он!

Он даже порычал на дверь, намекая, что откуда пришла беда.

А поскольку по моим подсчетам в замке было всего два... хм... Титикаки, то, скорее всего это был злой и жестокий дядя! Да! Точно он!

А я — маленький скромный Титикака, тут вообще не при чем! Это злой дядя просочился в комнату, навалил кучку мне в одеяло. В благодарность за все мои труды и риск для жизни! Заодно и поделился своим мнением по поводу моего присутствия в замке.

Так зря я тут строго смотрю на бедного Титикаку. Это все он! Узурпатор!

— Я не ругаю, — вздохнула я, но лучше бы этого не делала! — Ты же раньше на лоток ходил? Что случилось?

— Рррррыыы! — выдал Титикака, рыча на дверь.

— погоди, ты ... приревновал? — спросила я, глядя в доверчивые глаза. — Приревновал меня? И решил... Ой, фу! Пометить? А, плохая мама тискала и чесала другую кису... Да? За ушком чесала? А должна чесать только Титикаку! Только его!

— Аррр! — радостно согласился Титикака, пока я с трудом понимала, как это все отстирывать. И входит ли это в обязанности няни!

Я попыталась погладить малыша по голове, но обалдела от боли.

— Ой! — скривилась я, решив выбрать другое время.

Какая-то добрая душа принесла еду и платье. Почему-то белое, но плотное, с длинным рукавом! За неимением другого, я осторожно

стала надевать его перед зеркалом. Кто-то мне сильно польстил в груди и недооценил по росту, поэтому платье село кое-как, намекая, что неплохо бы иметь на груди подушечку для принца.

Мама сидела на краю кровати и делала вид, что зверски терзает мясо и делится неохотно. Хотя на самом деле тихо жевала овощи. Под конец трапезы, я собиралась сгрести одеяло и отнести его куда-нибудь. Чтобы никто случайно не вступил в местную оппозицию и не размазал ее по ковру. Только я приоткрыла окно для проветривания и собрала одеяло в кучку, как вдруг...

Дверь открылась неожиданно и без стука. Я даже подпрыгнула на месте.

В комнату, прихрамывая, вошло его величество. Его белоснежный мех на плечах отразился в зеркала. Одевание с серебристой вышивкой искрилось, словно иней.

— Здравствуйте, — поздоровалась я, удивленно глядя на его походку. Его величество был один. Ни свиты, ни слуг.

— Почему не поклонилась? — произнес он так, словно не я бегала за ним вчера с бинтами и перекисью.

— Ты обязана соблюдать правила для слуг, — произнес он, мельком глянув в мою сторону. — Я не допускаю фамильярности.

— Ах, простите, — вздохнула я, вспоминая, как вчера доктор Айболит бежал наперегонки с доктором Айпипец!

Я кивнула головой, удивляясь его появлению здесь не меньше, чем Титикака.

— Итак, — произнесло его величество, подметая роскошной меховой мантией пол. Он присел в кресло, пристально глядя на меня. — Я пришел предупредить, что скоро церемония именная. Повторная. И все должно пройти гладко. Это раз. Второе. То, что ты — няня для наследника, не дает тебе право вести себя, как член королевской семьи. Я закрываю глаза на то, что ты тискаешь наследника, хотя это не допустимо. Но себя я не позволю тискать. Это понятно?

Ой, а мне прямо так хочется! Прямо аж руки тянутся!

Я так понимаю, он зашел поблагодарить! И просто не знает, с чего начать!

— Третье. Все, включая придворных обязаны, когда я отдаю распоряжения, стоять в поклоне. И сейчас ты нарушаешь это правило,

— произнесло его величество, скользнув по мне взглядом. — Других я наказывал за меньшее. Так что будь так любезна, когда разговариваешь с королем, замереть в поклоне. Любое проявление неуважения, подрывает мою власть. Следовательно, если будет государственный переворот, вас с принцем ждет не самая завидная участь. Что бы вам не пообещали.

Наклоняться ужасно не хотелось. Тем более, что мне было больно.

— А ничего, что я тоже королевских кровей! — вдруг вспомнила я. — И склоняться не обязана...

— Это я знаю, что ты королевских кровей. Но другие об этом знать не должны. Для всех ты — просто еще одна служанка, — холодно произнесло его величество. — А теперь я хочу видеть, как ты будешь кланяться на церемонии. Учти, когда у тебя на руках принц, ты не кланяешься. Когда принца на руках нет, ты обязана поклониться.

— А можно не сейчас? — заметила я, словно отвечаю на уроке.

— Немедленно, — в голосе прозвенел металл.

— Давайте в другой раз, — уклончиво заметила я. — Я пока перед зеркалом потренируюсь.

— Я сказал! Сейчас! — прозвенел голос.

— Ладно, — прошептала я, морщась и начиная медленно наклоняться. Ой! Я опустила глаза и увидела, как по белоснежному платью растекается кровавое пятно. Заклинание разошлось!

— Достаточно! Запомнила, как? — слышался голос, пока я пыталась заслонить руками кровь. Перед глазами все поплыло.

— Ну вот и хо... — донесся до меня величественный голос, когда пятно уже стало больше, чем мои руки.

— Что с тобой? — голос его величества внезапно изменился. Это был уже не тот холодный и величественный. Скорее, настороженный. — Откуда кровь?

— Все в поря... — прошептала я, пытаюсь изобразить улыбку. Я покачнулась, в надежде, что в сторону кровати. Мне казалось, что он сейчас отойдет в сторонку и перешагнет через меня.

— Сюда иди! — рявкнули на меня, подхватывая на руки. — Кровь откуда?!

— Да так... — слабым голосом прошептала я, пытаюсь убрать его руки.

— Я тебя, кажется, спросил! — слышался голос, когда я пыталась нащупать одеяло, чтобы прикрыть. — Не отвечаешь? Хорошо!

Он резко дернул платье, разрывая ткань. И увидел съехавшие, пропитанные кровью бинты.

— Что случилось? — слышались голоса в коридоре. — Ваше Величество!

В комнату влетели волки. Увидев кусок окровавленного платья в руках его величества, они в ужасе переглянулись. Видимо, они были уверены, что мною тихо завтракают!

— Когда это случилось? — слышался голос его величества. Я отвернулась, как бы не желая отвечать на этот вопрос.

— Я с кем разговариваю? — мое лицо повернули к себе. — Вы! Двое! Проверьте принца!

— Со мной, — сглотнула я, чувствуя себя уточкой в чужой руке.

— Я что спросил?! — рявкнули на меня.

Почему все приличные девушки умеют падать в обморок, а у меня не получается? Чтобы вот так вот: «Ах!» и все! Прикинуться дохлой, чтобы неприятности посмотрели на тебя, потоптались вокруг и отстали. Но я так не умею!

— Ваше величество! С наследником все в порядке! — слышались голоса, заслоняемые белым мехом. — Он цел и невредим!

— Кто это сделал? — слышался вопрос, на который мне не очень хотелось отвечать. Может быть, потому что я бы на его месте, узнав правду, очень расстроилась. Я вспомнила вчерашнюю рану, поморщилась, представляя, какая это боль. Еще бы! Я бы, наверное, полкомнаты разнесла, всю кровать исцарапала и оставила бы инвалидами половину дворца. И нашли бы меня на шкафу. И это при условии, что я вообще не умею оборачиваться огромным котиком.

— А вы к каждой служанке приходите и рассказываете ей, как она должна себя вести? — спросила я, чтобы отвлечь его.

Этот вопрос взял его величество за ручку, отвел в тупик и поставил его. Мне делали страшные глаза «коврики», требуя, чтобы я впредь задавала такие вопросы только после того, как составлю завещание.

— Я задал тебе вопрос, и ты на него не ответила, — процедило его величество.

Мне отрицательно мотали головой, показывая, что приличные девушки на такие вопросы не отвечают.

— Приведите целителя, — произнесло его величество, повернувшись к двум «клоунам». Те моментально сделали такие лица, словно телохранители телохранителей, которые не улыбаются даже с детских фотографий.

— Ваше величество. По дворцу пойдут сплетни, — произнес бородатый.

То, что целитель — главный сплетник, я уже усвоила.

— Тогда скажите, что мне стало хуже. Рана открылась. Пусть даст все необходимое, — произнес его величество. Что? Он решил поиграть в доктора? В этот момент мне хотелось заползти под коврик и прикинуться раздавленным тараканом.

— Сию же минуту! — ломанулся из башни безбородый.

— Отвечай, кто это сделал? — произнесло его величество, пристально глядя на меня. — Я не шучу. У меня заканчивается терпение. — Отвечай... Не бойся.

Я глубоко вздохнула. Мне сейчас проще прикинуться дохлой, чем отвечать на вопрос.

— Это сделали вы, ваше величество. Вчера, — слышался голос бородатого. — Когда она вышла, мы сразу учуяли запах ее крови. Она еле дошла до комнаты. Мы кое-как стянули рану.

— Почему мне сразу не сказала? — произнесло его величество ровным голосом.

— Не хотела вас расстраивать, — вздохнула я, видя, как несут все необходимое.

— Все в замке предупреждены, что если я ранен, то ко мне нельзя подходить. Единственное, что лучше сделать, так это просто держаться подальше от моих покоев. Неужели это так сложно усвоить?

Голос его величества даже не дрогнул

— Это вы виноваты. Вы ее притащили! — рявкнуло его величество, поворачиваясь к «коврикам».

— Можно мы окажем помощь? — спросил бородатый, испрашивая разрешение ко мне прикоснуться.

— Да, — произнесло его величество. В тот момент, когда развязывали окровавленные бинты, я подняла глаза и увидела, как его величество ревниво следит за каждым движением. Я видела, как он тяжело дышит, когда флакон пролился прямо на меня.

— Ааааааа, — заорала я, не помня себя от жгучей боли.

Что было дальше я помню плохо. Помню, как ощупывала рану, которая напоминала застарелый рубец, но все еще ныла. Я почему-то сидела в углу кровати. Подушки были разодраны. Балдахин сорван. У бородатого на лице красовался кровоподтек. Безбородый рассматривая руку, на которой виднелись следы, как от укуса.

— В следующий раз будете лечить ее сами, ваше величество, — послышался голос бородатого. Тот стоял, глядя на меня странным взглядом. Понимаю, разъяренный хомяк опасней стаи волков.

Только сейчас я заметила, что в руках у меня был приличный клочок волос. Волосы были длинными и белыми. При условии, что «коврики» были темноволосыми.

Его величество развернулся и вышел из комнаты. «Коврики» пожали плечами, растирая ранения.

Меня, например, сейчас очень тревожил вопрос. Я знаю из фильмов, что если оборотень укусит меня, то я стану оборотнем. Но никто не говорил, что будет, если я поймаю и укушу оборотня. И если после укуса оборотня находились выжившие, то вряд ли, выживал кто-то, кто подкрался к оборотню и от души куснул его за первое попавшееся место. Видимо, оборотни были очень злопамятные. Особенно, если храбрец не вышел роста и буквально «дышал оборотню в пупок».

«Коврики» вышли из комнаты. Зато вошла служанка с платьем. Я переодевалась, а служанка расставляла еду на столе.

— Понимаю, вы его боитесь, — послышался ее голос. — Я тоже его боюсь. Неизвестно, что у него на уме! Но вы не бойтесь. А то напугал бедную няню! Но вы не расстраивайтесь! Со всеми бывает! Я вон, когда впервые увидела его зверем, так вообще перепугалась до ужаса.

Я пыталась застегнуть пуговицы. Теперь меня кто-то недооценивал! Пуговицы на груди сходились так туго, что мне приходилось выдыхать. Кто вообще подбирает размеры моей одежды?

— Так что это — пустяки! Все уберется, все приберется! — улыбалась служанка. — Все прибирется. И никто не узнает!

И тут до меня дошло о чем она!

— Погодите! Это не я! Это принц! — тут же спохватилась я, глядя на обескураженную служанку с одеялом и простыней.

Она смутилась и спешно вышла за дверь.

— Ну спасибо, уссатый — полосатый, — усмехнулась я, погладив Титикаку по голове. — Теперь все будут уверены, что я от восторга при виде его величества кипятком писаю!

Дверь снова отворилась. Я на всякий случай встала.

— Его величество просил передать вам, что в знак извинений выполнит любое ваше желание, — начал бородатый. — В пределах разумного, разумеется.

— Желание? — заметила я, отдавая палец на растерзания Титикаке. — А с чего бы это? Выполнять желание... простой служанки? По — крайней мере он мог бы... извиниться...

— В пределах разумного, — напомнили мне.

— Ах, да, я забыла! — усмехнулась я. — Раскаяние ведь чуждо королям, не так ли?

— А ты пойдя в коридор и посмотри, — заметил бородатый странным голосом.

Я с удивлением вышла в коридор и увидела, что прямо по стене идут страшные следы когтей. Возле подсвечника был такой росчерк когтей, что я нервно сглотнула. Ничего себе!

— Я бы на твоём месте думал быстрее, — прошептали мне. — А то мало ли...

— У меня есть желание, — выдохнула я. — Я хочу вернуться домой и сообщить родителям, где я нахожусь! А то они будут волноваться.

Глава девятая. Зефир в шоколаде

Глава девятая. Зефир в шоколаде

— Вам лучше лично сообщить ему эту просьбу, — вздохнул бородатый.

И покинул комнату, оставив меня и очень ласкового Титикаку. Таким ласковым я его еще никогда не видела. Он просто льнул ко мне, вызывая приступы умиления.

— Ты переживал за маму? — спросила я со всей нежностью, когда мне по лицу погладили пушистые лапки. Он впервые гладит меня по лицу... Прямо... Прямо, как ребенок... От этого сердце просто растаяло. Может, мне пора было иметь детей, чтобы подарить им ласку и любовь, поэтому маленький трогательный пушистый комочек получил всю порцию любви и....

И тут я принялась.

Фу!

Я перевернула лапу и поняла от чего ко мне столько нежности и внимания. Титикака понял, что его рассекретили. Но был уверен, что хитрости ему не занимать!

— Так, идем мыть лапы, — сморщилась я, глядя на коричневые лапки. Эдакий зефир в шоколаде.

— Идем мыть твой зефир от... ой, фу! ... шоколада! — предупредила я. А зря.

Титикака понял, что у него большие неприятности. И решил позорно сбежать. Его высочество уже понял, что против него зреет страшный заговор. Возможно, с принудительным купанием! Репутация его высочества намокнет, и все! Никакого авторитета.

— А ну иди сюда! — потребовала я, видя, что его высочество где-то спрятался и сидит. — Так, ваше высочество!

Я встала посреди комнаты, пытаюсь быстро вычислить, где «пушная королевская попа» попросила политического убежища. Роялистами у нас оказались сначала стул. Потом кровать.

«Невысовывайчество» допустило роковую ошибку. Он оставил на улице хвост. И заднюю лапу. Собственно они и выдали

местонахождение мятежного принца. Он был отловлен жестокими заговорщиками (даже укушен за одну из них), и отнесен в ванную.

Принц ехал, как на казнь. С гордо поднятой головой. И все стулья, все столики, ковры и вазы провожали его в последний путь.

В ванной уже собралась толпа. Губки, флаконы с чем-то похожим на густой шампунь и даже мочалка. Место казни были проверено локтем несколько раз.

— Ну... — заметила я, опуская лапу в мыльный «эшафот». — Разве страшно?

— Аааааарrrrrr! — орал Титикака, протестуя против преждевременной смерти от утопления. Воды было с палец, но крику было на весь дворец.

— Ну она же тепленькая, — возмущалась я, теребя лапу в мыльной пене. — Ни горячая, ни холодная... Что тут страшного. Мама держит... Ну... Так, ты был бы свободен, если бы лапа у тебя была одна! А у нас на повестке еще три! Так что прекрати!

Но принца было не остановить! Он визжал, аж уши закладывало.

Внезапно раздался грохот. Дверь вылетела с петель и шлепнулась на мокрый пол. Зажатый между моих ног Титикака, дернулся, убирая лапу из мыльной воды.

— Что здесь происходит?! — слышались крики. И прямо в нашу ванную ввалилась стража. Не было разве что конных. Но если бы они приехали, то коня пришлось бы держать над головой, потому что ванной было не протолкнуться.

— Расступись, — слышалось фырканье. Среди мохнатых и небритых ковриков разной степени пушистости появилось нечто белоснежное, изящное, грациозное и чистое. Это грациозное умудрялось грациозно хромать.

Я вздохнула и хотела отвесить инвалидный поклон.

— Нет, не надо, — как-то немного не по-королевски и слишком поспешно произнесло его величество, делая запрещающий жест рукой.

Он тут же стал холоден, как сосулька на февральском морозе. И голосом, после которого нужно падать на колени и каяться во всех смертных грехах, включая съеденное у бабушки в далеком детстве, варенье, спросил:

— Что здесь происходит?

— Учю мыть лапы, — заметила я, выжимая над водой мокрую, но чистую лапу.

— Ему не нравится. Ты не имеешь права делать то, что не нравится принцу, — произнесло его величество, ледяным взглядом, пытаясь превратить меня в снежную бабу. — Опusti его на пол.

Я послушно отпустила Титикаку, который почувствовал, что только чудом избежал позорной казни. И бросился к единственному защитнику в белоснежном одеянии.

Дальше последовала гневная нотация про права и обязанности няни.

Я опустила голову, словно чувствовала себя дико виноватой. И даже соглашалась со всем, что говорило Его Величество Титикака Старший. На самом деле я просто пыталась прикрыть предательскую улыбку.

А улыбаться было чему!

Маме можно бесконечно смотреть на три вещи. Как малыш хорошо кушает, как малыш счастливо носится и как он ластится к маме. Но я только что нашла четвертую. Как просится на ручки к «пресветлому рыцарю» маленький судьбой и мной обиженный Титикака, вытирая грязные лапки о белоснежно одеяние.

— Ты почему улыбаешься? — в голосе его величества было больше недоумения, чем гнева. — Что смешного в моих словах.

— Абсолютно ничего, — заметила я, сложив губы в трубочку. — Просто посмотрите вниз.

Его величество недоверчиво опустил взгляд, и тут же понял, что сам стал передвижной выставкой детского творчества. На роскошной ткани были явные следы чего-то коричневого. Что может со стороны сойти за то, что его величество очень любит шоколадные конфеты.

Взгляд его величества вспыхнул. Он осмотрелся по сторонам и склонился к Титикаке. Он что-то зарычал, на секунду, вспыхнув глазами. Стража покосилась на эту картину и осторожно стала отходить.

— Аррр! — жалобно потребовал Титикака.

На что ему рывкнули что-то такое, от чего тот поплелся в мою сторону и протянул мне чистую лапу.

Стража стала удаляться. Они уже поняли, что здесь если и произошло убийство, то только нервных клеток.

— Ваше величество, — позвала я, долго раздумывая «сейчас» или «никогда». Он обернулся и остановился.

— Вы сказали, что готовы выполнить мое желание, — начала я, видя с каким обреченным видом Титикака лезет мыть лапы.

— Да, я так сказал, — произнесло его величество.

— Я хочу попасть домой... — выдохнула я, видя, что Титикака увидел огромный мыльный пузырь и застыл. — Чтобы сказать родителям, где я нахожусь.... И чтобы за меня не волновались...

Судя по лицу, он ожидал золото — бриллианты. И даже был готов расстаться с какой-нибудь золотой безделушкой. Но эта просьба повергла его в ступор.

— Это невозможно, — произнес он, пока Титикака охотился за пузырем. — Попроси что-нибудь другое.

— Возможно, просто вы почему-то этого не хотите, — осмелела я. — Но это — мое единственное желание... И вы обещали...

Минута раздумья увенчалась короткой фразой.

— Хорошо. Через час ты попадешь домой.

Его величество взмахнул плащом, удаляясь за двери. Пузырь, на который так старательно охотился Титикака, лопнул и попал ему в глаза. Пользуясь временным замешательством, я домыла лапы и стала ждать.

Я улеглась на чистую кровать, думая, что скажу родителям. Как объяснить им, куда я пропала? И почему не отвечаю на звонки? Перед глазами были белоснежные одежды.

— Снежный король, — едва слышно прошептала я, а потом зажмурилась, вспоминая отпечатки Титикаке на белизне.

Внезапно перед моими глазами появилась... Попа! Пушистая попа, из которой рос хвост. Попа привалилась к моей щеке.

— Все! Мама видела! Красивая попа! — сплюнула я шерсть.

Попа уже села мне на нос, пока я жмурилась и пыталась как-то убрать лицо.

— Самая красивая попа, которую я когда-либо видела! Просто не попа, а золото! — похвалила я. Но мне, видимо, не поверили. А вдруг я еще чьи-то пушистые попы рассматривала? И теперь скрываю горькую правду? Щажу самооценку наглой и подлой ложью?

— Она просто изумительная! Знаешь, я столько пушистых поп видела! — соврала я. — Но все... ой, тьфу! Какие — то не очень! Но

эта — самая лучшая попа! Хоть на выставку!

Попа стала тереться об меня, пока я морщилась от щекотки.

— Эй, самая красивая попка на свете! Чего пришел? — отмахнулась я, убеждая, что именно Титикака обладатель самой красивой попы на свете! И забывая добавить, что это была первая пушистая попа, которую я вообще видела вблизи.

— По поводу твоего желания, — послышался голос, от которого я вскочила, как пионерка. Заодно и покраснела, как пионерский галстук.

— Я не вам, — смутилась я, сгружая Титикаку.

Одернув застиранное платье, я вскочила, всем видом показывая, что я готова.

— Жаль, я так огорчен, — заметил голос его величества.

— Хорошо, значит, это вам! — сориентировалась я, видя, как маги жестами приглашают следовать за ними.

— Веди себя хорошо, — погладила я Титикаку, направляясь к выходу. «С чего начать? Ну, как обычно! Привет, мам!», — успокаивала я себя, рассматривая своды дворца.

— Помни, ты — особа королевских кровей, — прошептал бородатый на ухо.

— Помню-помню! — сглотнула я, расправив плечи. Мы спуускались по лестнице.

— А его величество что здесь делает? — едва слышным шепотом заметила я, немного отстав.

— Он сказал, что... — начал бородатый, но на нас молниеносно обернулись.

Мы спуускались молча, а я придумала отличную версию. Познакомилась с иностранцем, уехала за границу, роуминг дорогой, иногда буду писать... И скидывать фото...

Немного успокоившись, я уже прокрутила в уме весь разговор.

— Сюда, — позвали меня в светящийся нежно голубым сиянием круг. Я бросила взгляд на стены зала, вздохнула, готовясь много и долго врать. Вокруг стояли огромные кристаллы, похожие на глыбы льда. От них струился тот самый голубой свет, растекаясь по всему залу.

— Ваше величество изъявил желание поприсутствовать при разговоре, — припечатали меня. — Лично.

— А по-почему меня не предупредили? — ужаснулась я, глядя на его величество. Он стоял достаточно далеко, руководя процессом. Только сейчас я заметила на его руках перстни — когти. Они сверкали белым серебром, как только он отдавал распоряжения по поводу линий.

У меня мороз по коже пробежал, при мысли о том, что у меня над душой будут стоять с надменным видом.

— Тише, он так сказал, значит, у него есть на то причины, — одернул меня бородатый, рисуя какие-то странные и непонятные знаки под моими ногами. — Видимо, он полагает, что вам может угрожать опасность.

— Погодите, — прошептала я, пока второй ковриков что-то проверял в тонких светящихся линиях под пристальным королевским взглядом. — Он что? Собирается лично меня защищать? Лично?!

— Поверьте, он стоит целого войска, — шепнули мне украдкой. — Однажды он разметал прежнюю стражу во дворце так, что мы их потом по всему залу собирали. Одного вообще во-о-он там нашли!

Мне показали на люстру, которая была в метрах пяти над полом.

Я попыталась вспомнить, какая опасность может угрожать мне в родной квартире. И как его величество собирается с ней бороться. Фантазия уже рисовала картинку, как Его Величество спасает меня от закипевшего чайника! Как мужественно бросается между мной и горой немытой посуды! Как открывает двери соседям — алкоголикам и убивает тапочками тараканов.

— А можно его убедить, что там мне ничего не угрожает! — взмолилась я, поглядывая на серебристую фигуру в роскошных мехах. — Что там абсолютно безопасно! Это же мой дом! Тем более, дверь была закрыта!

Я еще хотела попить чаю и забрать кое-какие вещи...

— Готово! — послышался голос бородатого. Тот встал рядом, и круг засветился так, что пришлось прикрыться рукой от его сияния.

Когда я открыла глаза, то меня встретила родная прихожая. По обуви в прихожей можно было решить, что здесь живет одноногий пират — затейник. Затейник почему? Потому что не каждый одноногий пират будет прыгать в розовом сапоге на шпильке по палубе.

«Клуб одиноких сердец» мечтал, что однажды я найду их вторую половинку. Преимущественно правую! Титикака решил, что правый сапог или ботинок подобрать намного легче, чем левый. Но я боялась говорить правду обувной очереди на передачу «жди меня». Потому что где-то в мусорном пакете, задорно подпрыгивая на кочках катаются их вторые половинки. Большинство из которых никогда не будут прежними.

За время моих вынужденных отлучек «на охоту» Титикака решил порадовать маму. И сделать ремонт. Но застрял на стадии срывания обоев. Он был тонко чувствующей натурой, и считал, что красивые обои никак не подойдут к расцарапанному ламинату.

Телефон валялся на столике и был разряжен. Немного жеван и разряжен. Мне удалось перехватить его на пути к увлекательному турне по пищеварительной системе и положить повыше.

На дверях виднелись царапины «Мама, пути! Нет, не путю!». Расцарапанный диван напоминал зомби из фильма ужасов, из которого вывалились все внутренности.

В нос ударил стойкий запах духов «Женское одиночество». Примерно так пахла тетя Люда из сто шестой квартиры. Немного спирта, немного кошачьей мочи и совсем капельку жареной картошки. Тоньше намекать мужчинам она уже не могла.

— Проходите, садитесь, — махнула я рукой, пытаюсь найти зарядное устройство. Телефон стал усиленно заряжаться, пока я косилась на его величество. Где-то за окном гудели машины, звенели трамваи, кричали и пищали дети. Словом, шла обычная жизнь.

— Где родители? — слышался голос его величества. Видимо, он ожидал, что меня тут радостно встретят.

— Я свяжусь с ними по... эм... магическому кристаллу! — сообщила я, показывая сверкающую заставку.

Сорок шесть пропущенных от мамы? В этот момент у меня задрожали руки. Можно быть очень сильным и мужественным человеком. Но трястись, как осинка, видя сорок пропущенных от мамы!

Пошли гудки, а я уселась поудобней.

— Ну здравствуйте, матушка и батюшка, — начала я, искоса поглядывая на его величество. Он безотрывно смотрел на меня, словно проверяя каждое мое слово.

— Я? Нет, со мной все в порядке! — тут же остановила на скаку мамину фантазию, крутящую из меня чевапчичи. — Все хорошо! А вы как? Ага, да, ну это же здорово!

Я зажала трубку рукой.

— В казне нашего государства произошло пополнение! — озвучила я. — Наше государство обогатилось на тридцать тысяч рублей папиной ... эм... королевской зарплаты!

— Да, мам, слышу. Хорошая связь..., - кивала я, рассматривая ногти. — Ма-а-ам! Ма-а-ам! Я тебя слышу прекрасно! Да слышу я тебя! СЛЫШУ!

Я тут же зажала трубку, оборачиваясь к его величеству.

— Просто маги что-то с ... эм... кристаллами напутали... Мама меня не слышит! — пояснила я. — Давно пора их казнить! Да жалко! Я маме говорила, чтобы она на ... других магов перешла... Да! У них и тарифы ниже, и связь лучше...

— Слышу, говорю! Ну наконец-то! — закатила глаза я. — Я ... я просто была ... занята немного... Света не было, вот и телефон разрядился! Да!

Мама что-то рассказывала про то, как компот варили, про новости по телевизору, про то, как поругались с соседями.

Я глянула в сторону его величества. И мои глаза округлились.

Я впервые видела, чтобы кто-то так сидел! Он свернулся в кресле так, что мне показалось, у него куда-то пропал позвоночник! При всем желании и личном инструкторе, я не смогу повторить эту позу!

— У нас тут маленький вооруженный конфликт на границах, — заметила я, слыша возмущения мамы по поводу «ну и гадюка же тетя Зоя!». — Но ничего серьезного. Раненых нет, убиты только нервы...

— Мам, я хочу тебе сказать... — начала я, но мама уже рассказывала про то, как отец на выходных уходил к друзьям в гараже пиво пить, как Сашка, племянница Марины ей принесла алоэ в горшке...

— Послы с дарами, — пояснила я, зажимая трубку. И тут же разжала ее, — Мам, знаешь, тут случайно...

Я снова посмотрела на Его Величество, который уже занял еще одну позу, свесившись частично с кресла. Он словно изломился пополам, заставив меня пропустить рассказ про «Мариша

посоветовала другие таблетки». Половина его величества сидела в кресле, а вторая, она же верхняя, свешивалась и зависла над полом.

Но мама рассказывала, как у нее тонометр завалился за холодильник, и отец доставал. «Ой, а тут мне Диночка позвонила! Сказала, что скоро приедет с мужем!», — рассказывала мама. Дина — это моя старшая сестра, у которой «всегда все хорошо».

— Мам, я тебе не по этому поводу звоню... — выждала я паузу, рассматривая потолок. — Мне нужно сказать тебе кое-что важное...

«... так вот, Диночка отдыхала с мужем и детьми на этом... Как его... Гоа... Папа подсказывает... Представляешь?», — продолжала вдохновенно мама, пока я выжидала время, чтобы снова встрять со своим важным.

— Мама! — настойчиво потребовала я прекратить рассказ про слонов и обезьянок, которые уже знают свои «рабочие» стороны. — Послушай! Я уезжаю! Надолго!

Я бы уже забыла о том, что дома не одна, но тут... увидела еще одну позу. От которой у меня заныли кости. Его величество свернулся калачиком и уютно придремал. Изредка он открывал глаз, чтобы проверить обстановку, а потом снова погружался в дрему.

Сознаться честно, если бы я лежала в такой позе с открытыми глазами, то мне бы вызывали инструктора по йоге. А если бы с закрытыми глазами, то мне бы вызывали сотрудников морга, но тут на лице явно читали умиротворение и безмятежность.

«... надеюсь, на Гоа! Диночка показывала, там такие пляжи! И эти моллюски светятся!», — продолжала мама, пока я мысленно выдыхала, косясь на его величество. И все-таки я многое о нем не знаю!

— Я уезжаю, мама! Телефон будет недоступен! Так что не переживай! — выпалила я, слыша рассказ про то, как Дина с семьей видели Короля Гоа!

Да, это было достижение. Увидеть кого-то там издали! У меня тут в квартире сидит Его Величество, расположившись на кресле... Ой! Ой мамочки!

— Просто там наши послы наносили официальный визит ... эм... дальним соседям! — пояснила я, зажав трубку.

Глаз лениво открылся. Меня как-будто услышали и даже поняли, а потом так же лениво закрылся.

— Д-д-да, мам, — буркнула я в трубку. Если бы у меня по жизни были такие глаза, как сейчас, то, возможно я бы давно и удачно выскочила замуж. — Я уезжаю. Возможно, надолго! И... телефон придется отключить...

— ... поселили в отеле рядом с аквапарком, — слышала я в трубку радостный мамин голос. — Дети были просто в восторге! Ты себе не представляешь, Асенька... Как там красиво!

— А я защитила научную работу по Южной Америке, — вздохнула я, растирая рукавом стол. — Это так, к слову...

— Ну все, обнимаю, целую, а то папа зовет рыбу чистить! Я тебе фоточки переслала! Посмотришь! Одевайся теплее! На улице обещали минус! — чмокнула в трубку мама. И телефон в руке погас.

Глава десятая. Ссанкции

Глава десятая. Ссанкции

Я вздохнула, глядя на сорок пропущенных вызовов от мамы. Положила телефон на стол и посмотрела на его величество. Уж как я люблю валяться в этом кресле, но таких поз я еще никогда не видела! Интересно, а как он спит?

— Я услышал достаточно, — заметило его величество, глядя на меня. — Ты не самый любимый ребенок в семье... Собственно, так же как и я. Ладно, достаточно. Мы можем возвращаться? Желание выполнено?

Не знаю почему, но после разговора с мамой, у меня всегда такое настроение с кем-то поругаться!

— Нет, еще чуть-чуть рано, — нахмурилась я, видя, как суетятся маги. — У меня есть одно дело, которое я бы хотела прояснить.

Может быть, чувство родных стен придавало мне храбрости. А может, правда, которую я осознавала, но никогда не произносила вслух, заставила меня подумать о маленьком принце — узнике — таком же не самом любимом ребенке. Который это еще не осознает, но очень скоро осознает.

— Если вы не выполните мое условие, я обратно не вернусь, — я чувствовала, словно меня ужалили за больное место. — Итак, мое условие таково!

Коврики сделали страшные глаза, мотая головами, мол, прекрати немедленно!

— Как нелюбимый ребенок нелюбимому ребенку, — заметила я, чувствуя, что это последнее, что я сейчас скажу в своей короткой жизни. — Почему же вы так же относитесь к маленькому принцу? Почему заперли в башне? Наверное, я бы с ума сошла всю жизнь провести в этой башне!

— Ты не знаешь для чего это сделано, — прищурилось его величество, сидя напротив меня. — Эта башня защищает принца.

— От чего? От прогулок, образования и счастливого детства в кругу любящей семьи? — усмехнулась я, поднимая брови. — Принц еще ребенок! И он каждый день смотрит на летящие снежинки и ловит

их сквозь стекло лапой. А потом жалобно смотрит на меня и просится на улицу! Но злой дядя запретил!

— Ыыыы! — чуть не упал в обморок бородатый, но его поймал товарищ. Они смотрели на меня, как на труп.

— Я не удивлюсь, если он вырастет и будет ненавидеть вас до конца своих дней. Только потому, что однажды за окном падали снежинки, а он сидел в башне, ни разу не выходя на улицу! — выпалила я, эмоционально размахивая руками в сторону окна. За окном как раз крупными хлопьями повалил снег. — Что это за самоизоляция? Я не хотела говорить об этом во дворце! Там наверняка есть уши! И другой возможности у меня не будет.

— Кто тебе позволил разговаривать со мной в таком тоне? — прищурилось его величество, словно готовясь к прыжку.

— Я спросила разрешения у своей совести! — ответила я. «Ага! Сейчас тараканы — стражники набегут и унесут тебя за плинтус к соседям! А там бабка старенькая живет! Она быстро тебя кастрирует и заставит есть гластую кильку с газетки!», — согласилась совесть, ради маленького принца разрешая мне все!

Я смотрела, как коврики бочком двигались в сторону коридора. Ничего, я морально готова ко всему!

— Ты не знаешь, о чем просишь! Он убежит с прогулки! А я уже видел, как ты ползаешь по крыше, как слепой котенок! — слышала я рев. — Ты думаешь, другие няни не пробовали!

— А шлейка? Ошейник? — спорила я, глядя в глаза страшному разъяренному зверю. Мне хотелось уточнить, что случилось с предыдущими нянями. Но что-то мне подсказывало, что еще немного и я узнаю это лично у них!

— Я оторву руки и голову тому, кто посадит принца на ошейник! — рявкнули мне в лицо.

— Тогда сами, будьте так любезны, уделите сорок минут своего драгоценного времени на прогулку с принцем! Вы-то сможете его догнать! — спорила я, швыряя подушку на диван. — От вас не убудет! Государственные дела подождут! Это невыносимо смотреть, как малыш хочет прогулок! И вместо этого сидит взаперти в четырех стенах! Тем более, что все будут видеть принца намного чаще! И слухов и сплетен, порождающих мятежи, станет намного меньше! Следовательно, у вас будет больше свободного времени!

— Им просто нужна зацепка, чтобы свергнуть меня. И на принца им глубоко плевать! — усмехнулось его величество. — Хорошо. Пятнадцать минут времени в день я готов уделять принцу. Но при одном условии. Ты будешь гулять с нами. Это — мое условие.

Ура! Титикака! Мы победили!

Мне уже не терпелось сообщить принцу радостную новость! Мне уже было все равно на вспышки магии, на зал, в котором нас терпеливо ожидали слуги. Я мчалась по коридорам, чтобы порадовать моего маленького узника!

— Титикака! — обрадовалась я, ловя малыша на руки. — Мы сегодня пойдем гулять!

Видимо, малыш не знал, что такое «гулять». Но видя, что мама радуется, решил в знак солидарности откусить маме нос.

— Гулять! — улыбнулась я, проверяя постель на наличие всяких «ссанкций» и «сранкций». Я даже проверила, не наложил ли вето маленький принц где-нибудь в районе ковра.

— Я думал, что ты не выживешь, — выдохнул бородатый, глядя на меня. — Как ты вообще додумалась спорить с его величеством? Мы же тебе показывали, что не надо! Это могло плохо для тебя закончиться!

— А что мне терять? — удивилась я. После разговора с мамой я почему-то чувствовала себя свободной. — У меня нет ничего в этом замке! Даже расчески для волос! Не говоря уже про зубную щетку!

— Его величество готовы! — послышался голос безбородого. Он передал мне подбитый мехом плащ с капюшоном, сапоги и варежки.

Я оделась, взяла Титикаку на руки. Он с удивлением смотрел на меня, мол, а куда это меня несут? Что-то я не понял?

— Мы идем гулять! — шептала я ему на ушко. — Гу-лять!

— Его величество поставил еще одно условие. Гулять вы будете во внутреннем дворе, — слышала я голос бородатого.

Слуги с удивлением смотрели на то, как я несу принца. И переглядывались.

— Мы идем гулять! — сообщила я, чувствуя, как занервничал Титикака.

— Не может быть, — удивлялись слуги, с умилением глядя на принца. — А то сидит в своей башне! Неужто его величество разрешил?

Пока за нашими спинами шептались, дверь передо мной открылась и в лицо дохнуло холодом. Бррр!

— Ну, — осмотрелась я по сторонам, видя квадратные глаза Титикаки. Он пытался лапой поймать снежинку. И уже узнал, что она невкусная.

— Я здесь, — слышался знакомый голос. Я осторожно спустила с рук Титикаку, который уставился на снег с недоумением и опасливо попробовал его лапой.

— Я думаю, что он будет хорошо себя вести, — вздохнула я, глядя с умилением на то, как хлопья снега упали на нос принцу, и он скосил глаза, рассматривая их.

— Я бы не сильно на это рассчитывал, — слышался голос. Я обернулась, видя, слуги прилипли к окнам, побросав все дела.

— Аррр! — слышался агрессивный писклявый рык. Но сугроб не дрогнул. И тут прямо в попу Титикаке прилетел снежок.

— О, кто это сделал? — спрятала я за спиной мокрые от снега варежки.

Титикака уже понял, что сугроб его не боится. И снежинки не вкусные. Но самое важное, убежать он никуда не собирался!

Так, а где Титикака? Только что был здесь!

Он ведь только что... Я рассеяно, водила рукой, очерчивая место, где только что своими глазами видела принца.

— Титикака! — бросилась я искать комочек шерсти и энергии.

За таким, как он нужен глаз да глаз! «Даже я бы не справился!», — заметил морской гребешок, обладатель не менее тридцати глаз.

— Тити! — кричала я, мечась по снегу. Нет, я отвернулась на мгновенье! Считай, моргнула! А тут...

— Рррр! — слышалось недовольное рычание малыша. Его несли за шкурку в огромной пасти. А потом сгрузили в сугроб. Титикака потешно отряхнулся и зажмурился, глотая снежинки.

Откуда-то повалил снег. Да такой крупный, словно кто-то трусил над замком подушку. Хлопья оседали на волосах, слепили глаза. Казалось, вокруг все стало каким-то серым, слегка туманным.

— Давай слепим снеговика! — предложила я, сжимая в руках будущий ком.

Пока я натужно катала ком, чувствуя себя жуком-навозником, Титикака радостно прыгал вокруг меня, пытаясь откусить от кома снег.

— Мы лепим снежную бабу! — объяснила я, сплевывая волосы и толкая ком.

— А потом я ее съем! — намекал Титикака, терпеливо ожидая, когда няня сползет по кому вниз.

Его величество стоял и смотрел на нас с некоторым недоумением.

— Это ее Эм... попоноги, — пояснила я Титикаке, изредка бросая взгляды на его величество. — А сейчас мы будем катать грудоталию!

Я снова катила ком, собирая весь снег вокруг.

— А потом я ее съем! — радостно скакал вокруг Титикака, напушив хвост. В его глазах было столько восторга, что я даже улыбнулась ему.

Второй ком с трудом водрузился на первый. Я отдышалась, вытряхивая снег из капюшона. Мне показалось, что там целый сугроб!

— А вот и голова! — слепила я голову. И тут же потребовала угольки и морковку. Ветки я нарвала с куста, что рос возле стены.

— Рррр! — зарычал Титикака так, словно ему сказали, что ему в будущем придется на ней жениться. И теперь он всеми силами пытался произвести впечатление на барышню. Он тормозил ее лапой, всячески показывая, какой он грозный. Но снежная баба была суровой дамой. И не собиралась в панике бежать от такого страшного зверя. И никак не отвечала на его чувства. Проклятая ледышка!

Я скользнула взглядом по его величеству, понимая, что время нашей прогулки уже подходит к концу.

— Что это такое? — спросило его величество, глядя на «красавицу».

— Это ... снежная баба, — пожала плечами я, отряхивая рукавицы и плащ. Я обернулась к своему шедевру. — Была...

В жизни каждого мужчины наступают моменты горьких разочарований в любви. Титикака выяснил, что любовь может быть жестокой. И местами безответной. Поэтому задумчиво грыз заснеженную морковку, глядя на меня взглядом: «Ну вот как так?».

Меня тревожило только одно. Пятнадцать минут уже давно прошли. Но никаких поползновений в сторону государственных дел, я пока не наблюдала.

Титикака доел морковку, грустно посмотрел на развалины «дамы».

— Что? Даму тоже я развалил? Да? — читалось в его взгляде. И он... заревел.

Я впервые видела, как тигры плачут.

— Rrrr! — слышался голос за спиной.

— Ар-р-р-ра-а-рау! — выдал Титикака, жалуясь на превратности любви к ледышке.

Рык за спиной стал строже и куда более угрожающим.

— Это что еще за новости? — повернулась я, глядя в красивые и бесчеловечные глаза.

— Принцы не плачут, — пояснили мне, поглядывая на Титикаку.

— Не плачут, не плачут, — проворчала я, глядя на его величество. Титикака был безутешен. Он сгребал лапами снег: «Вот она была и нету!». — Может, поучаствуете, ваше величество!

— В чем? — произнес ледяной голос. Он стоял горделиво, заложив руки за спину.

— В катании снежной бабы. Вы, как мужчина, должны лучше разбираться в женщинах! — усмехнулась я, позволяя себе дерзость.

Я стала лепить новую. Титикака тут же оживился. Он смотрел на меня с надеждой, что я налеплю ему целый гарем! Но пока что я толкала тяжелый ком, украдкой глядя на его величество. Ничего-ничего, сейчас посмотрим...

Глава одиннадцатая. Пососать одеяло!

Глава одиннадцатая. Пососать одеяло!

Первый ком был установлен на радость принцу, впервые играющему на улице. Я катила второй ком, толкая его изо всех сил. Ком получился большим. Я даже сама не ожидала такого! Я попыталась водрузить его на первый, но с физикой в школе у меня было плохо. Поэтому меня резко повело назад и...

Я не упала.

Я стояла, чувствуя, как меня ... держат.

Я даже чувствовала дыхание совсем близко и видела руки, помогающие держать огромный ком. Ком был с легкостью поднят и водружен на место. Я разравнивала его руками, чувствуя, что позади меня стоит его величество. Я смотрела на свои руки, которые почему-то очень усердно разравнивают снег, и видела, как дорогие перчатки драгоценностями смахнули налипшие снежинки.

Я подняла голову, видя, как снег становится все сильнее и сильнее... Он уже шел не переставая, застилая внутренний двор белой пеленой. Не было видно ни окон, ни дверей. Только серые силуэты стен вырисовывались в снежной мгле.

Снежинки падали мне на лицо и тут же таяли на горящих щеках.

Все это время я почему-то растирала варежкой одно и то же место, для чего-то полируя его. Странное чувство, от которого мне вдруг стало жарко заставило меня внимательно следить за драгоценной перчаткой, которая небрежно стряхивала снежинки. Камни на перчатке сверкали, на них налипал снег.

Вот его рука подкралась все ближе и ближе, осторожно ложась поверх моей. Он молча водил моей рукой по кому, заставляя с каким-то странным удивлением следить за каждым нашим движением.

— Здесь просто немного неровно, — слышался тихий голос.

— С-с-согласна, — кивнула я, на мгновение забывая про вечную войну.

— Ты же просила поучаствовать, вот я и участвую, — снова слышался тихий голос. «Участвуйте, участвуйте!», — занервничало сердце, как зачарованное глядя на наши руки.

— Пока никто не видит? — вдруг произнесла я, догадываясь, чего он ждал. — Пока никто не видит, его величество король может опуститься до того, чтобы обнять няню?

— И снова мы возвращаемся к воспитанию принца, — послышался голос. В нем отчетливо прозвучало недовольство. — Я считаю, что принца нужно воспитывать в строгости. И не позволяться ему слабости. Каждая слабость делает короля уязвимым. Если ты хочешь подобраться к королю, но не можешь, достаточно подобраться к тем, кто ему дорог. И тогда вся власть в твоих руках.

— Думаю, что принц, в отличие от вас, сможет защитить тех, кто ему дорог, — усмехнулась я, чувствуя какую-то обиду.

Моя рука выскользнула из-под его руки. Но ее схватили и вернули на место. Это было достаточно грубовато.

— Значит так, да? Послушай меня, няня...

Я видела, как сквозь перчатку прорезаются когти. Они плавно впиваются в мою руку сквозь ткань варежек. Точно так же, как и когти Титикаки, когда он балдеет от почесания. Это было не больно, но сам вид когтей ужасал меня.

— Я думаю, что если ты хорошо знаешь принца, то знаешь, что означает этот жест, — послышался голос. Я мельком глянула на небо. Снегопад становился все гуще и гуще, словно издеваясь надо мной. На коме уже образовалась снежная шапочка.

— Такое бывает, — заметила я, вглядываясь в когти, — Когда принц самозабвенно сосет одеяло. Вы тоже хотите пососать одеяло или мои волосы, ваше величество?

Когти замерли, а потом впились полностью между моими пальцами, образуя клетку, из которой не вырвать руку.

Я впервые слышала, как он усмехнулся. И очень жалела, что не видела его улыбки.

— Я бы, пожалуй, сделал бы тебя своей тайной наложницей, — послышался тихий шепот.

Кем? Наложницей? Что-то вроде любимой рабыни? Нет, я понимаю, что тут многие бы согласились, но...

В этот момент я осмелела, слегка поворачиваясь и глядя на его полуоткрытые губы. Мне пришлось завести руку за спину, чтобы встать к нему лицом.

— Это, конечно же, большая честь, Ваше величество, — заметила я, глядя в его глаза, выskalывая рукой из варежки. — Но придется вам ... пососать одеяло.

Я вынырнула из — под его руки, оставив в качестве трофея варежку.

— А я поищу принца! — заметила я, понимая, что мы бессовестно забыли о ребенке. — Титикака!

— Знаешь, — слышался голос за спиной. — Я два раза не предлагаю.

— А я два раза не отказываю, — заметила я, глядя на недоумение в его глазах. — Видите, как у нас все удачно складывается?

Быть может у него целый тайный гарем! Нет, спасибо! Я достаточно повидала подруг, которые были тайными любовницами, а все праздники проводили в обнимку с котом. И мне почему-то не хотелось, чтобы все было именно так.

— Нет ничего страшнее мужчины, получившего отказ, — слышался тихий голос.

— Нет ничего страшнее женщины отказавшей самому королю, — ответила я, пытаюсь понять, во что мне это все выльется.

Быстро скатав ком — голову, я водрузила ее на снежные плечи. Дырявая варежка промокала, но вот уже слуги несли морковку и угольки.

— Уррр! — радовался Титикака, почтив память своей первой любви маленькой какашечкой. —

Огромная снежная баба возвышалась над юным принцем вызывая легкое «вау!» в его глазах.

— У, да ты совсем промок! — заметила я, пробуя Титикаку. — Пойдем в замок. Для первого раза вполне неплохо? Да?

Мой голос звучал немного нервно, но я старалась не смотреть в сторону его величества. А когда я обернулась, то не увидела его. Мне почему-то стало легче. Я подняла Титикаку и только собралась уходить, как слышался жуткий плач. Титикака выставил лапу вперед, требуя «снежную бабу».

— Милый, — прошептала я. — Она растает. Только мы принесем ее в тепло, она...

Но принца было не остановить. Он ревел, требуя, чтобы монументальная снежная фигура пошла с нами.

— Она постоит здесь, — убеждала я, немного не предвидя любовь к снеговикам. — А завтра мы выйдем, и она нас будет ждать? Да? Пойдем!

Рев принца раздавался на весь замок.

— Что случилось? — слышались голоса волков. Они были тут как тут.

— Мы ... тут... Короче, принц требует, чтобы она жила с нами! — показала я рукой на кривое произведение снежного искусства.

— Погоди-ка, — переглянулись маги, что-то оценивая.

Через десять минут я сидела в комнате, пытаюсь высушить возле камина промокшую насквозь одежду. Титикака спал без задних лап. Сон сморил его во время смертельной схватки с одеялом. Так что он так и уснул с куском одеяла в зубах. Высунув лепесточек языка он сладко посапывал.

А в углу в магическом круге стояла огромная снежная баба. В круге все заиндевело и шел снежок.

— Тайная наложница! — возмущалась я, пытаюсь что-то сделать со своими волосами. — Отлично! Эдакий Штирлиц в чулках! Ага!

Дверь со скрипом приоткрылась. На пороге появились волки. Я все думала, кто они. Наверное, телохранители принца. Но тогда почему они не тигры, а волки? Тоже загадка! Хотя, может во дворце все в кого-то оборачиваются? Я, например, иногда оборачиваюсь в редкостную тварь.

— Можно к тебе вопрос? — слышался голос бородатого. — Что ты сказала его величеству? Просто к нему подойти страшно! Он рвет и мечет!

— Я предложила ему пососать одеяло, — ответила я достаточно храбро. — Не знаю, как волки, но Титикака от этого расслабляется и успокаивается.

Я взглядом показала на главного одеяльного сосуна, который спал так, что из пушки не разбудишь.

— Хорошо, — переглянулись и похолодели волки. Сейчас они по цвету кожи готовы были записаться в родственники снежной бабы. — Он тебе что-то предложил?

— Хорошо, у меня встречный вопрос, — ответила я, заглядывая под стол, а потом свешиваясь со стула и отгибая полог кровати. — Где у нас прячется тайный гарем? Просто я не в курсе. Мало ли, кто

входит в эту таинственную организацию, где есть всего один член, но очень много участников?

Волки остолбенели. Судя по шрамам, они видели уже не одно сражение. Но тут вид у них был такой, словно не мне, а им предложили войти в союз «Меча и Орала».

— Он предложил тебе стать его наложницей? — осторожно, словно еще надеясь, что я все перепутала, поинтересовались у меня. На их лицах было написано: «Сколько дают за разговор с опальной няней? И не считается ли это заговором против короля?».

— Тайной, — заметила я, поднимая палец вверх.

— И ты отказала? — спросили у меня. Мне почему-то кажется, что они прикидывали. Считаются ли они моими близкими друзьями. Настолько близкими, чтобы скидываться на похороны.

— А вам не предлагали, случайно? — спросила я, злясь на «тайная». — Нет, ну может тут половина замка уже в тайном гареме, а я не знаю!

— Может, расскажем ей? — кивнул бородатый.

— А что это изменит? — заметил его явно родственник.

— Ладно, промолчим, — пожал плечами второй волк.

— Та-а-ак! — возмутилась я, срочно требуя подробности. — Если бы не хотели рассказать, то даже бы не заикнулись! Ну, выкладывайте!

— Только ты никому не рассказывай! — переглянулись волки. — И во дворце ни словом не обмолвись. Когда наш владыка был еще принцем, него не возлагали надежд, как на его брата — будущего короля. И он был вправе сам решать свою судьбу сам. У него была одна единственная наложница. Брат пообещал, что как только принц его поддержит, и он станет королем, он разрешит им пожениться. И наш владыка поддержал брата.

— Когда король и королева умерли, воцарилась такая смута, что без помощи брата тут никак не справиться, — добавил бородатый. — И через день, после того, как короновали старшего брата, он явился к младшему. И со словами: «Чтобы ты помнил, кто здесь король» забрал ту, единственную, которая у него была.

— Но принц без боя не сдавался. Битва была ужасной. Два ирбиса сошлись в поединке, но подключилась стража. И вместе они одолели принца. Стрела, пробившая ему плечо, сыграла свою роль в исходе

сражения. Он до сих пор хранит наконечник этой стрелы. Он висит у него на шее, оправленный в золото, — добавил безбородый.

— А потом принца выбросили в снежную пустошь, умирать. За то, что он посмел противиться воли брата, — добавил бородатый. — Мы шли стаей, перебираясь из одного места в другое, где было больше дичи. И брат, у него нюх лучше, учуял кровь...

— Мы увидели ирбиса. Он полз по снегу, оставляя кровавый след, — вставил безбородый. — Полз из последних сил. Но не сдавался. Отец сказал, чтобы мы его бросили. «Большие кошки ненавидят волков!».

— И правда, давным-давно у нас отняли все земли, — переглянулись волки. — Вот мы и ходили за горным хребтом. Жили помаленьку... А тут, как оказалось, принц... Старый вожак понимал, что если с нами ирбис, то он в любом случае оспорит право быть вожаком. И ирбисы намного сильнее волков. Поэтому, умирая, отдал ему нас. Нашу стаю. И той же ночью мы пришли во дворец. Что стоили люди против нас? Да ничего! Мы просто вырезали всех, кто схватился за оружие.

— Вот теперь мы живем здесь! Едим досыта! — вздохнул бородатый. — Я же говорил, что тут половина замка наша стая. А он наш — вожак. Мы пойдем за ним, хоть на край света.

— А что стало с королем и его ... эм... наложницей? Он на ней не женился? — спросила я.

— Вон что случилось, — кивнули в сторону распростёртого Титикаки. У него как раз вывалился изо рта слюнявый и жеванный кусок одеяла.

— А сколько времени прошло с того момента, как он ее забрал? — спросила я, тут же пытаюсь пояснить. — До вашего прихода в замок?

— Мы не знаем. Знает только он, — переглянулись волки. — Про судьбу короля и наложницы мы ничего не знаем. Мы сражались внизу. А потом увидели, как он вышел в короне, а по его волосам текла кровь. Вот и все, что мы знаем.

— Мы — одна стая. По одному его взгляду, мы готовы подняться против любого, — произнес бородатый. — Мы — беты стаи. Нас было четверо, но двоих убили. Люди нас не любят.

— Я заметил, что люди никогда не любят тех, кто их сильнее, — согласился безбородый.

— Так как вас зовут? — усмехнулась я.

И тут внезапно один завыл.

— Это я, а это брат! — и он снова завыл. — Ну как? Ты готова звать нас по именам?

— Меня, пожалуйста, полным именем! — рассмеялся безбородый.

— Хорошо, Спасите и Помогите, — рассмеялась я волчьей шутке.

Перед самым уходом, они почему-то посмотрели на меня очень внимательно.

— Что-то не так? — спросила я, видя, как они оббегают взглядом комнату и о чем-то перерываются, но тихо.

Я улеглась рядом с Титикакой и задремала. Пока я ворочалась, я думала о том, что возможно, была немного груба. Хотя, с другой стороны мне теперь хотя бы понятно, почему отношения хотят сохранить в тайне. Нет, все равно не согласна быть Штирлицем в стрингах и трусах! Я отказываюсь!

«Я два раза не предлагаю!», — послышался в голове голос. «Видно, не судьба!», — с некоторым тайным сожалением вздохнула я, нервно ворочаясь и пытаюсь уснуть.

Главное правило няни Титикаки — ни в коем случае не шевелить пальцами ног под одеялом. А я все никак не могу привыкнуть к нему.

— Ааааа! — проснулась я, когда меня куснули на пальцы. Титикака мышковал, пытаюсь обнаружить шуструю мышку под одеялом. И расстраивался, если мышка имитировала внезапную смерть.

— Так, — вскочила я, видя, как Титикака пытается стянуть с меня одеяло. Сердце колотилось так, что у меня руки тряслись. Ничего себе будильник!

— Аррр! — рычал Титикака. Он был бодр, полон сил и энергии. Малыш никак не мог уговориться.

— Титикака, прекрати! — потребовала я достаточно строго. — А ну-ка!

Но принц решил, что сегодня у нас день Непослушания.

— Титикака! — я была возмущена, когда он изодрал подушку, пытаюсь поймать перья, оседающие на кровать. Снежная баба стояла и смотрела с укором. Я тоже пыталась призвать малыша к порядку. Но тщетно.

И тут я вспомнила, как один короткий рык тут же делал Титикаку пай-мальчиком.

— Кхе-кхе, — разминала я речевой аппарат. — Arrrrr!

Титикака замер, глядя на меня.

— Arrrr! — повторила я, видя, как он смотрит на меня с удивлением. Ничего себе! Получилось! Ай да я! Ай да молодец!

В дверь постучали, я насторожилась. Титикака улегся на одеяло, поведя ушами, а потом стек за кожаным ежиком и затащил его на кровать, самозабвенно пытаясь его разгрызть.

— Войдите, — осторожно, стараясь увидеть, кто там пришел раньше, чем дверь откроется полностью, отозвалась я.

На пороге стояла служанка с едой, а следом за ней шли еще две. Они что-то несли в руках. Сначала я не разглядела, что это. А потом увидела что-то сверкающее.

— Что это? — спросила я, глядя с подозрением.

— Его величество приказал передать вам, — коротко ответили служанки, пока я не скрывая удивления, смотрела на подарки, прикрытые тайной покрывала.

— Все подарки его величества очень символические! — заметила служанка, спешно удаляясь.

Я уже поняла, что там не миллион долларов и личный остров.

Только дверь закрылась, Титикака тут же стянул покрывало, решив, что его подарили специально для него. И теперь, словно ансамбль народного творчества «Перепелочка» прыгал и размахивал их как платком. Изредка он повизгивал от радости.

— Ой, да что же, ой, да что же подарить решили нам? — пропела я голосом народной артистки. Я чувствовала, что мне не хватает кокошника и сарафана. Палец на щеке уже был.

— Иии! — пищал Титикака, размахивая платком.

— Расческа? — заметила я, беря в руки золотой гребень. Я попыталась расчесать волосы, но гребень запутался и застрял.

— Какая удобная вещь, — простонала я, пытаясь вытащить гребень из волос. Заодно глаза больше становятся! — Ай! Ай! Пусти! Их не так много осталось! Так! Ладно...

Я положила гребень — убийцу лохматости в сторонку, глядя на следующий подарок.

— Нам намекают, что мы редко расчесываемся, — мрачно заметила я, глядя на густые и непослушные волосы. Еще бы! Попробуйте помыть голову тем же, чем и попу! И тогда я на вас посмотрю! Бу-бу-бу!

— Итак, то, что я — лохудра мы уже выяснили, — согласилась я, глядя, как зубчики погнулись и в них торчат мои спутанные волосы. — О! Да не может быть! Я что? Выгляжу, как алкоголик?

Красивый пузырек, оправленный в золото, напоминал коллекционный коньяк.

— Здорово! — кивнула я, видя синяки под глазами. На всякий случай я открыла его и понюхала. Пахло какой-то травой и цветами. Запах был похож на запах вермута. Я попробовала на вкус и почмокала. Нет, ну на вкус странновато... Похоже на вермут с микстурой от кашля... Хотя... Что-то в них есть...

— Итак, что еще тонко намекает его величество? — ледяным голосом обиженной женщины спросила я у драгоценной шкатулочки.

— Ну это уже удар ниже пояса! — обалдела я, видя ... мыло! Красивое, но мыло!

Если честно, я даже принялась к себе. На всякий случай. Вроде бы и не пахну. А, ну я же забыла. Они же как бы не очень люди.

— Ну что? Чудесно! — развела я руками, глядя «символические» дары. — Нет, главное, как тонко!

Мешочек с золотом на подносе намекал, что сегодня день зарплаты. Эх! Гулять, так гулять!

— Эй, кто-нибудь! — крикнула я, пока Титикака доедал платок. Я поймала платок уже на подходе за самый кончик, и словно фокусник вытащила его из принца. Успела!

— Да? — послышался голос служанки.

— Ам... — задумалась я, чем бы ответить на оскорбление. — А вы не могли бы ... где-нибудь...

Я просто представить не могла, где тут что можно купить. Наверное, в городе!

— ... купить...

Мой взгляд тут же стал очень нехорошим. А на губах появилась улыбка самого дьявола!

Служанка склонилась к моим губам, пока я страстно шептала, расписывая то, что мне нужно.

— Такое можно найти? — спросила я.

— Думаю да, — закивала служанка, забирая деньги.

— Вот и хорошо, — потянулась я, предвкушая его лицо в тот момент, когда ему это символически вручат!

Глава двенадцатая. Символические подарки

Глава двенадцатая. Символические подарки

Служанка вернулась через полчаса. В руках она держала заснеженный сверток. В складках ее мехового плаща спрятался снег.

— Вот, — служанка развернула сверток. Я закусила губу, глядя на морозные покупки. На мои колени перекинулось расшитое одеяло, леденец и клубочек. Если с леденцом на палочке и одеялом было все понятно, то клубочек как бы намекал, что «не подкатывай»! Или «катись отсюда».

— Одну минуточку, — заметила я, утрамбовывая все на поднос и прикрывая спасенным покрывалом. — А теперь можете передать это его величеству со словами, что няня тоже решила сделать ему очень «символический» подарок.

— Да, но... — замерла служанка, глядя на одеяло, а потом на меня. — Вы точно уверены? Нет, просто я...

— Да, да, я уверена, — гордо ответила я, представляя выражение его лица, когда ему вручат одеяльца, леденец и клубочек. — Но если ты боишься, бросай в него и беги!

— Нет, я не боюсь, — заметила служанка, а ее глаза на мгновение вспыхнули желтоватым огнем. «Еще одна волчица!», — подумала я, глядя на поднос в ее руке.

— Просто вы точно — точно уверены? — странным голосом переспросила служанка, глядя на меня. — Вы не передумаете?

— А что не так? — уточнила я на всякий случай, стараясь не разбудить Титикаку. — Нет, если что не так, то скажите сразу!

— Это ваше лично дело, — выдохнула служанка, открывая двери и бережно вынося впереди себя поднос. Она чуть не уронила его, когда закрывала двери.

— Вот и отлично, — голосом главы сицилийской мафии произнесла я, наглаживая Титикаку, словно кошку. — Месть — это блюдо, которое преподносится холодным.

Не прошло и трех минут, как в дверь постучались. «Это мы!», — оповестили меня знакомые голоса. В комнату ввалились волки.

— А что случилось? — занервничали они, глядя на меня.

— Да так, ничего, — усмехнулась я, пожимая плечами. — А что? Что-то должно?

— Да нет, — странно переглянулись волки. — О, у тебя новый гребень? Интересно, кто же его подарил?

— А, вы про подарки? — усмехнулась я. — Ну, то, что я вечно хожу нечёсаной, это еще как-то можно пережить. То, что от меня плохо пахнет...

Я показала глазами на мыло.

— ... тоже еще можно пережить, — заметила я. — Но то, что на меня можно позариться только после ... Как у вас называется вот это гадкое пойло?

— Это... духи, — переглянулись волки. — Его величество имел в виду, что ты очень соблазнительно пахнешь. Гребень означает то, что у тебя очень красивые волосы. А то, что ты называешь мылом — это сладости...

— Знаете, в моем мире, если мужчина дарит женщине дезодорант, расческу и шампунь, он как бы намекает, что она выглядит так себе. И ей не мешало бы следить за собой, — заметила я.

Волки переглянулись: «Да, он не учел, что она из другого мира!».

— Его величество сделал вам комплимент, — начал бородатый. — По традициям нашего мира, каждый комплимент должен быть подкреплён символическим подарком. А иначе это — пустые слова. Вот если ты рассказываешь женщине, что она красивая, но при этом ничего не даришь, вот тогда повод для женщины обидеться. Или в вашем мире комплименты — это просто пустые слова?

Да, я не учла, что это совсем другой мир. И традиции могут отличаться.

— Тогда я тоже сделала его величеству комплимент, — усмехнулась я, в тайне чувствуя себя немного неловко. — Подарочный комплимент.

— Ты сделала ему подарок? — внезапно переглянулись волки.

— Ну да. Одеяло, сладости и клубочек, — заметила я, глядя на то, как меняются выражения лиц моей охраны. — А что тут такого?

— Ты не знаешь, что это означает? — переглянулись братья.

— У нас не бывает просто подарков. Например, одеяло дарят только тогда, когда намекают, на постель. Клубок дарят, если ты готова

сплестись в одно целое... А леденец... — начал бородатый.

— Это означает, что сегодня ночью ты ждешь его в своих покоях и готова подарить страстную ночь любви! — мрачно перебил его брат.

— Что?!! — задохнулась я, впиваясь рукой в одеяло. — А можно остановить служанку!

— Я попробую, но не обещаю! — рявкнул безбородый, оборачиваясь волком. Он вылетел за дверь, пока Титикака тихо жевал мой палец. — Я надеюсь, что успею ее перехватить!

Я уже протоптала нервную дорожку от двери до окна, приговаривая: «Хоть бы успел! Хоть бы успел!». За окном падал снег, налипая на стекла.

— Хоть бы успел, — умоляла я судьбу сжалиться надо мной. Было так нервно, что стоило мне присесть хоть на минутку, как тут же вскакивала, как ужаленная. Не то, чтобы он мне нравился, просто, если честно, мне было страшно.

Особенно, когда знаешь, какое чудовище живет внутри. Я до конца не могла для себя решить. Кто это? Человек, принимающий облик зверя. Или зверь, научившийся принимать облик человека. Вот это меня и пугало. Я помню страшные когти, искаженную яростью морду и чувство опасности, заставляющие лишний раз подкачать мышцы попы. «Еще немного в этом замке, и моей попой можно будет кочергу гнуть!», — подумалось мне, пока я смотрела на горящий огонь камина.

— Ну, не надо так переживать, — попытался утешить меня бородатый. — Его величество никогда не тронет тех, кто ему дорог...

— Да?! — удивилась я, чуть ли не сдирая платье, чтобы показать шрам.

— И то правда, — вздохнул бородатый. — Но как бы тебе это объяснить... Люди — слишком хрупкие и слабые. И его величество иногда об этом забывает.

«Ну где же второй?», — выдыхала я, снова расхаживая по комнате.

Стоило в коридоре послышаться шагам, я замерла. «А ну давай обратно!», — потребовала я от сердца, подкатившего к горлу.

Дверь открылась, а на пороге стоял посланник.

— Не успел, — опустил он голову. Она зашла в его покои раньше, чем я успел ее перехватить. Когда я был на месте, она уже выходила.

— И? — икнула я, пытаюсь сохранить спокойствие. «Ааааа! Караул!» — бегали и орали нервные клетки, натываясь друг на друга.

— Я пытался ее расспросить, но она сказала, что ты так пожелала, — заметил гонец, пока я безвольной тряпочкой оседала в кресло.

— Может, попробовать с ним поговорить? Объяснить про традиции? — в сердце вспыхнула слабенькая надежда.

— Послушай, — заметил бородатый. — Как бы тебе это объяснить... Я бы не хотел быть тем, кто объяснит ему, что ты не то имела в виду. Даже если бы у меня была запасная жизнь в кармане. И в замке никто не рискнет.

— Тогда я попробую объяснить ему сама, — предложила я, и тут же передумала. А то мало ли? Вдруг до вечера ждать не придется. Что же делать? Что же делать?

Сопящий Титикака растянулся на кровати, прикусив розовый лепесток языка. То, что его величество явится, это неизбежно. Значит, нужно сделать так, чтобы ему было чем заняться! И этим «чем» была не я!

— Малыш, — погладила я Титикаку. — А ты хочешь погулять? Свежий воздух полезен детям!

«Че? Че мне там полезно?», — посмотрели на меня сонные глазки.

Но сонную попу уже мама брала на руки и несла в сторону двери.

— Ты куда? — переполошились волки, пока я смотрела на них очень выразительным взглядом: «У меня есть гениальный план, но я вам его не скажу!».

— Мы идем гулять, — ответила я, вынося Титикаку, который еще не понял грядущего счастья.

— Нет! — перегородили нам дорогу. Голоса были строгими, а взгляды тут же стали суровыми.

— Она пытается сбежать, — прошептал один брат второму.

— Я? Сбежать? Я вам что? Молоко? — возмутилась я, требуя прохода.

«Волков бояться — гулять не ходить!», — вздохнула я. Такой чудесный план испортить — надо еще умудриться!

— Ну ребята, в самом деле! — возмутилась я, прикидывая, как бы заменить прогулку. — Может, с нами пойдете? Мы быстро! Мне просто нужна грязь! Много грязи!

Волки переглянулись, а потом осмотрелись по сторонам. Они что-то рычали друг другу, переходя на разные тональности.

— Ребята, я еще здесь! — заметила я, чувствуя себя гостьей в посольстве.

— Пойдем! — согласились братья, а я им мило улыбнулась. Я начинаю обожать эту парочку. Мы украдкой спускались по лестнице. Титикака ехал на маме, как падишах на верном слоне.

— Ступенька! — послышался шепот, когда я неосторожно поставила ногу.

— У меня такое чувство, что мы тут заговор планируем, — послышался голос из темноты, пока меня вели какими-то окольными путями. — Или восстание, которое вот-вот подавят.

— Пусть сначала восстание у себя в штанах подавит, — огрызнулась я, неся Титикаку и ощупывая ногой дорогу.

Зимние вечера наступали внезапно. Вот-вот смотришь в окно еще светло, моргнул, а уже ночь. Так вот, пока мы шли, на улице успело стемнеть! Меня вывели во внутренний дворик, где все подтаяло.

— Просто там, внизу, — кивнули волки. — Термальный источник. Поэтому снег здесь не лежит!

Снег не лежит, но будет лежать Титикака.

— Милый, — прошептала я на ушко. — Детство, это когда однажды мама отмывала тебя, пытаясь определить то место, чем ты кричишь! А классное детство, это когда во дворе твои родители уносят домой твоего лучшего друга по ошибке, приняв его за тебя. Давай, малыш. Рано или поздно ты это сам сделаешь!

Принц увидев грязь пришел в такой восторг, что сорвался у меня с рук и прыгнул прямо в нее.

— Давай, малыш! — переживала я любителя грязевых ванн.

Нет, ну а что? Если он — принц, то что? У него детства быть не должно? Заодно и маму спасет!

Комок грязи имени Титикаки смотрел на меня голубыми глазами. Он уже избородил лужу вдоль и поперек. Ему очень понравилось, как скользит грязь и как здорово хлупает!

— Время, — шепнули мне, пока я брала на себя Титикаку, чувствуя, как по мне тоже начинают течь реки грязи. Грязная лапа решила сделать маме алкоголический макияж.

— Тьфу! — сплюнула я лапу, гордо неся счастливый комок грязи в комнату. Пока мы шли в замке на один комок грязи стало больше. И если я правильно все продумала, то сейчас появится третий комок грязи! Но уже в короне!

Судя по радости — это была самая чудесная прогулка в жизни маленького пленника. И я была очень рада, что сумела подарить маленькое детство, которое когда-то с таким же восторгом подарила себе сама!

— А теперь — купаться! — заметила я, понимая, что принца пора приучать к гигиене. Насколько я знаю, тигры купаться любят. И у дяди носки не стоят. Он всегда такой чистенький, прямо сверкающе белоснежный.

— Вода — эта та же грязь, только чистая, — попыталась я объяснить Титикаке. А потом поняла, что это нужно ставить эпиграфом к творчеству душевнобольных.

— Ну? Как ты в грязи делал? Тоже самое здесь! — предлагала я, видя в зеркале девушку в состоянии — купать и плакать. Все платье спереди было заляпано грязью. На лице была боевая раскраска от юного визажиста, а на руках были целебные перчатки.

— Давай, малыш! — предложила я, подталкивая его в купальню, в которой воды было по щиколотку.

— Ну чего ты разнервничался? А? — спрашивала я, таская грязного Титикаку по комнате и утешая. — Ничего страшного. Мама рядом, а ты не «Титаник»! Все хорошо!

И тут я подняла глаза, понимая, что не все хорошо!

— О! Смотри! Кто к нам пришел! — обрадовалась я, сплевывая грязь. — Чистый дядя!

Я даже зажмурилась, когда Титикака бросился в поисках защиты.

— Вы очень вовремя, ваше величество, — заметила я, вручая ему в руки Титикаку. — Тут у нас произошла маленькая неприятность. Но мы сейчас быстро все сделаем и ...

— Тьфу! — послышалось тихое отплевывание.

— Я все понимаю, но мы решили погулять перед сном, и вот такая неприятность, — заметила я, вытирая грязные руки о грязное платье. — Мы сейчас его искупаем, и я буду целиком в вашем распоряжении!

Титикака! Не подведи!

Титикака мотнул головой, разбрызгивая грязь по сторонам. Теперь красавец- дядя был в полосочку в облике животного. И в крапинку в человеческом. Был тигр, стал «леопёрд».

— Я думал, какую же отговорку ты найдешь, — слышался голос его величества, пока я понимала, что мы с ним теперь родственники. Оба в крапинку. — Я почему-то был уверен, что ты сошлешься на недомогание...

— Да вы что? — удивилась я почти искренне. — Вы не переживайте! То, ради чего вы сюда пришли, точно будет!

— Ну что ж, — заметило его величество, сгрузив мне принца на руки. — Однажды ты доиграешься!

Видимо, я доигралась уже сейчас, поскольку шустрый Титикака слинял с моих рук и бросился просить политического убежища под кроватью. Я сплюнула грязь, в надежде, что она — целебная, и полезла за ним.

— Держите оборону с той стороны! — попросила я, пытаюсь достать рукой опального принца.

Титикака сразу понял расстановку сил, и дал деру в сторону стола. Он перевернул столик и вазу. И теперь просил политического убежища у стула.

— Вы справа, я слева, — усмехнулась я, но его величество даже не пошевелился. Он лишь наблюдал за моими попытками отловить юркого принца.

— Мне точно не нужна няня для няни? — спросило его величество, глядя на нашу беготню. Я уже получила свою порцию грязи, схватив Титикаку за лапу.

— Rrrrrr! — выдала я, пытаюсь его уговорить.

— Что значит «хотел бы я разминуться со стулом»? — слышался подозрительный голос.

— Какой стул? — удивилась я, прижимая к себе добычу. — Вы о чем?

— Ты только что сказала про то, что я хочу разминуться со стулом! — слышался голос его величества.

— Я такого не говорила! — заметила я. И тут же вспомнила свое «rrrrr».

— А вы про... — зарычала я, глядя на Титикаку. — Я просто заметила, что когда вы рычите, он начинает слушаться... И поэтому

попыталась повторить то, что вы сказали ему на прогулке... Вот и все...

— Хорошо, сейчас ты собираешься съесть елку, — усмехнулось Его Величество. Вот теперь я видела его улыбку. Она была красивой, за исключением звериных клыков, которые вежливо намекали, что он как смеется. Но как бы нифига не шутит!

— Но он же слушается! — убеждала я, обнимая грязного принца. Его величество резко передумал уходить, весьма заинтересовавшись. — Сказала «рррр», и он сразу прекращает баловаться!

— Я бы тоже слушался, если бы кто-то пообещал родить от стула, — заметило его величество. — Мне было бы очень интересен этот процесс от начала и до конца...

— Что? Я прямо так и сказала? — смутилась я, неся принца в ванную. Он стал дрыгать лапами, как бы намекая, что ему нужно срочно купить велосипед.

— Ладно, я больше не буду! — обиделась я, обещая себе больше так не делать.

— Не «рррр», — заметило его величество. — А ...

Он обнажил клыки, выдавая странный гортанный рык.

— Так, одну минуточку! — засопела я, пытаюсь размять губы. — Фрррррр! Так? Да?

— Ыррр.... — выдали мне, рыча прямо в лицо.

— Ырррр! — повторила я, пытаюсь воспроизвести этот звук. Я никогда не видела в глазах столько интереса.

— Вот скажи мне, зачем тебе кусать звезды? — спросили меня, искренне недоумевая. Впервые в жизни мы просто разговаривали. Но я все равно старалась держать дистанцию.

— Ры... — рыкнули на меня. — Не надо тянуть звук... Ры... Просто Ры...

— Ры! — выдала я, страдальчески глядя на венценосного логопеда. Все, няне срочно нужен логопед! — Ры....

— О, боги, как бы тебе это перевести на ваш, человеческий... — задумалось его величество. — Ты хочешь пососать колючку...

— Ры! — выдала я, пытаюсь подражать его интонации.

— Сейчас ты обещаешь мне незабываемую и жаркую ночь в обнимку с медведем, — выдохнуло его величество. — Просто на выдохе... Ры... Как бы тебе это объяснить...

Мы рычали друг на друга, пока я старалась изо всех сил. У меня уже горло болело от рычания.

— Ты первый человек на моей памяти, который пытается научиться рычать, — заметило его величество.

— А можно я спрошу, — заметила я, глядя на страшные клыки. — Вы ирбисы? А почему вы тигры?

— Мы не тигры. У каждого из нас может быть какая угодно расцветка. Хоть в пятнышко, хоть в полоску, хоть полностью одним цветом. Это что-то вроде... Оповознательного знака. Наш отец был пятнистым.

— А брат каким был? — спросила я, вспоминая рассказы волков.

— А брат был полосатым. Таким же, как и я, — заметило его величество, а его глаза стали ледяными.

Черт!

— Ры... — выдала я, чтобы смягчить этот неприятный момент.

— Туда куда ты собираешься засунуть елку, ее засовывать не надо, — слышался вздох. — Мягче... И чуть повыше... Я не знаю, как тебе это объяснить... Попробуй еще раз...

— Рыы!

Я даже не заметила, что мы уже стояли так близко, что до чужих губ оставалась половинка дыхания. В этот момент я словно очнулась, чувствуя мурашки по коже. Только сейчас я заметила руку, которая зависла в воздухе, в сантиметре от моей талии.

Глава тринадцатая. Охотник и жертва

Глава тринадцатая. Охотник и жертва

— Так, а где принц? — прошептала я, осматриваясь по сторонам.

Сердце все еще замирало, когда я вспоминала руку, которая еще немного и легла бы мне на талию. Что было бы дальше, я не могу сказать. Уверенность в том, что я устрою скандал, отшатнусь, демонстративно отойду, таяла с каждым взглядом в его глаза.

«Вот так не заметишь, а тебя уже обнимают!», — прошептало что-то внутри, пока я делала вид, что ищу глазами Титикаку. И в этот момент я вздрогнула, вспоминая жуткую озверевшую морду с огромными клыками и огромную тяжелую лапу, выбивающую у меня из рук лекарство.

Бррр...

В этот момент я, словно очнулась, осторожно делая шаг назад. Только сейчас я поняла, что меня почти зажали в угол. Получается, пока я тут демонстрировала свои умения, на меня осторожно, не привлекая внимания ... охотились?

При мысли об этом, мне стало как-то не по себе.

И тут я услышала «бульк!». Титикака самозабвенно купался. Видимо, узнав эротические подробности из жизни стула и медведя, он решил не испытывать судьбу и нырнуть в ванну.

Я метнулась к нему, пытаюсь вытащить его, но он сопротивлялся и барахтался, заливая меня водой и разбрызгивая грязь. Меня окатило водой, когда я пыталась убедить принца, что все! Он уже не тонет! Но он продолжал плыть в воздухе, перебирая лапами.

— Ыррр! — послышался рык за моей спиной.

Титикака успокоился, глядя на нас немного виновато. А потом стал требовать, чтобы его вернули обратно в его чудесную — расчудесную лужу! Он рвался в воду изо всех сил, а я осторожно опускала его, видя, как заработали лапы. С волос стекала вода, сборная моих нервов по плаванью уже делала первые успехи.

Осторожно убирая руку из-под Титикаки, я видела, как он плыл сам.

— Уря, товарищи, — сплюнула я мокрые волосы, поворачиваясь к его величеству. — Он плывет!

Скосив глаза и отчаянно перебирая лапами, Титикака плыл так, словно тонул. «Спасите! Помогите! Тону!», — читалось в его наполненных ужаса глазах. Я бросилась к нему, но Титикака вылез на бортик. Мокрый, резко похудевший и слегка угловатый, он смотрел на меня, потом на воду...

— Эх, еще немного потону! — решает принц. И снова бросается в воду. Страдать!

Я со смехом наблюдала за юным водолазом, который наконец-то распробовал личную гигиену.

Сбегав в комнату, я принесла оттуда бумажку. И соорудила из нее кораблик. А потом пустила его по воде. Радости принца не было предела!

— Вы видели?! — я не могла сдержать восторга от маленьких успехов.

— Мммм... Да... — заметил с каким-то странным, блаженным рокотом его величество. Это было чем-то похоже на мурчание. В тот момент, когда он так муркнул, у меня внутри что-то зашевелилось. Я напряглась. И это была не совесть!

— Мы плаваем, — улыбнулась я, радуясь за успехи будущего водолаза.

— Превосходно, — снова с этим рокочущим мурчанием произнесло его величество. Почему он так странно на меня смотрит?

— Я тоже очень рада, — согласилась я, снова сплевывая мокрые волосы. — Нет, ну до этого он категорически отказывался купаться!

— Да-а-а... — согласились со мной так, что у меня опять внутри что-то шевельнулось. Как он это делает? Такое чувство, если он скажет слово: «пур-р-рпур-р-р», я растекусь лужицей с влажными глазками.

— Вообще никак не хотел, как не заставляй, — нервно убрала я мокрые волосы с лица. — Так что это — победа! Фух!

— Ваше величество, — влетели в комнату волки. — Ваше величество! Опять народные волнения. Они требуют церемонию именнаяречения. Они хотят знать судьбу принца... Чтобы ее торжественно объявили....

— Это как? — удивилась я, видя, бледность волков и ледяной взгляд его величества. — Что значит, торжественно объявить судьбу?

— Во время церемонии имянаречения, оракул дает предсказание судьбы будущего короля. Это зависит от многих факторов, — произнесло Его Величество. Мне показалось, что он сейчас кого-нибудь точно убьет. Я даже отошла в сторонку. На всякий случай.

— От имени принца, от имени родителей, от расположения звезд в момент рождения, — перечисляли волки, привычные к монаршьему гневу.

— Тогда проведите ее, — удивилась я. Мне бы тоже хотелось знать, какая судьба ожидает этот поплавок с хвостом.

— Вот тут-то и загвоздка, — послышался голос бородатого. — Можно сказать, или нет, ваше величество?

Он обратился к Его Величеству.

— Нет! — резко ответило его величество. — Ей это знать не обязательно!

Он обратился к Его Величеству.

— Нет! — резко ответило его величество. — Ей это знать не обязательно!

— Но она, как няня должна знать, — робко заметили волки. На всякий случай тоже отходя в сторонку.

— Значит, вы мне так доверяете, — обиженно пожала я плечами. — О чем может быть речь? Или вы думаете, что завтра я буду бегать из покоев, оповещая всех вокруг об услышанном! А потом залезу на крышу, чтобы было лучше всем слышно?!

Его величество развернулся ко мне. Из его пальца стал выдвигаться длинный изогнутый коготь. Он уперся мне в подбородок, запрокидывая мою голову. Он стал приближаться, словно для поцелуя, но минуя губы, он склонился к моему уху.

— Надеюсь, ты умеешь хранить секреты? — послышался тихий, вкрадчивый голос. — Потому что я умею хоронить тех, кто не умеет их хранить...

Я с трудом разбирала слова, которые слышала сквозь гулкие удары своего перепуганного и почему-то взволнованного сердца.

Только сейчас я заметила, как волки всеми силами мотают головами, что-то показывая его величеству. На их лицах было страдание. Бородатый вообще закусил губу острым клыком, умоляюще глядя на его величество.

— Не пугайте ее, умоляем! Она и так вас наверняка боится до судорог, — слышался тихий голос кого-то из братьев.

— Я могу разрушить твою жизнь одним взглядом, — слышался шепот. Только сейчас я поняла, что сквозь злобный шепот, меня осторожно гладят по шее пальцем. Он склонился еще ниже. Мое плечо погладили его волосы. Я словно одеревенела и меня можно класть на два стула. На один ногами, а на другой — головой.

— А могу... — слышалось дыхание на ушко. Он был настолько тихим, что мне казалось, его не слышат даже волки. — ... пожертвовать своей, защищая тебя и котенка...

Мне показалось, что в этот момент я научилась дышать. По гортани медленно стекала проглоченная слюнка, а в звенящей тишине слышался шелест его одежды.

— Надеюсь, ты меня услышала? — слышался шепот.

Я опомнилась, выдыхая и пытаюсь успокоить себя.

— Да, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза. — Можете приносить себя в жертву сколько влезет. Только не под моими окнами. Жертвы принимаются с понедельника по пятницу, с восьми до семнадцати о-о. При себе иметь удостоверение личности...

— Что вы наделали! — беззвучно убивались волки.

Его величество обжег меня взглядом и резко вышел из ванной.

— Я за ним... — оправдывался безбородый.

— От этого действительно зависит судьба всех, — слышался голо бородатого. — Мы тебе соврали, когда рассказали про то, как принц очутился в твоём мире. На самом деле все было немного иначе... Все придворные собрались узнать судьбу принца. Его Величество уже дал ему имя...

— Какое? — удивилась я, проводя рукой по шее. У моего Титикаки есть имя?

— Северный мрак, Раздирающий Врагов, Смертоносный Коготь Морозной Ночи, крадущийся в снегах, ужас Севера... — перечислял волк, пока я смотрела, как Северный мрак и Ужас Севера по совместительству, неудачно крался в снегах и растянулся в луже, зацепившись Смертоносным Когтем Морозной Ночи за мамину юбку.

— Это все или еще нет? — спросила я на всякий случай, распутывая Титикаку.

— Я честно забыл... Там еще много чего... — заметил бородатый, с усмешкой глядя на то, как Титикака вошел в сборную по фигурному катанию в пушистых носках по мокрому кафелю...

— А как сокращенно? — спросила я, беря на руки начинающего фигуриста.

— Королевские имена не сокращаются! Это преступление! — послышался голос волка. — Отца принца звали Шепот ветров, Кровавый Рассвет над телами поверженных врагов, Сияния Заниженных Гор, Лезвия, разрывающие на части, Свет утренней звезды над снежными просторами....

Чем дальше тем, мрачнее становилось имя. Появлялись неаппетитные подробности, от которых мне резко перехотелось есть.

— С таким именем, я удивляюсь, как его никуда не звали! — ужаснулась я, не запомнив и половины.

— Это все в переводе на ваш, человеческий... У них слегка покороче будет, — заметил волк. — Они рыкнули и вот тебе имя!

— А как зовут его величество? — спросила я, прищурившись. Зачем я интересуюсь? Я же как бы решила, что нет!

— Сумрак Бездны, Вырывающий сердца из груди врагов, Затаившийся в тени... — перечислял волк, а для меня смешивались и снег, и какие-то когти, и горы, и звезды, и враги, и трупы и десяток изощренных способов убийства.

— Все! — поежилась я, чувствуя, как меня передергивает от продолжения. Бедная паспортистка! Не удивлюсь, есть местные паспортистки скупили все веревки и мыло!

Если подытожить славную традицию местных монархов давать имена, то универсальным именем для любого принца или короля может быть «Писец подкрался незаметно!».

И эти люди и нелюди жаловались на имя «Титикака»!

— Так вот, началась церемония, и оракул почернел, — послышался голос бородатого. — Он стал не просто серым, а черным... И это был очень плохой знак...

— Неужели? — прошептала я, чувствуя, как замирает сердце.

— В этот момент его величество дало сигнал, — послышался тихий голос. — Он ожидал чего-то подобного. Тем более, что в этот момент присутствовало много придворных. Это было делом принципа.

И тогда принц просто исчез... Оракул замер и умолк. Все списали на недоразумение. На старого чародея — маразматика.

— И он его убил? — ужаснулась я, вспоминая, что мне рассказали по прибытию.

— Да. За то, что вместо того, чтобы выбросить принца в безопасное, заранее подготовленное место, где его ждали, принц очутился в вашем мире, — продолжил бородатый. — Вот поэтому в народе царит такая паника. И вот поэтому они требуют прилюдного имянаречения. Чтобы убедиться, что слухи о страшной судьбе принца — это всего лишь преувеличение.

— Да-а-а... — протянула я, глядя на ничего не подозревающего малыша.

— И мы откладывали эту церемонию до последнего. Именно поэтому его величество отдал приказ заточить малыша в башню, проверить ее безопасность и даже все острые предметы, о которые принц может пораниться или удариться, все было вынесено или обмотано шкурами, — закончил бородатый со вздохом.

— А, теперь понятно, почему у меня пушистый стул! — заметила я. — И пушистая кровать!

— Раньше принц пытался убиться обо все... Несколько няnek лишились жизни за то, что не уследили за принцем. Однажды мы едва успели. Принц чуть не вывалился из окна. Его заметила служанка, проходившая по коридору. Она завывала. И мы успели, схватить принца. Нянька просто уснула, а он выбрался и полез смотреть...

— Птичек, — кивнула я, беря на руки драгоценного принца. Тот сидел на руке, как на велосипеде и настойчиво требовал кушать.

— Ладно, не буду вас задерживать, — выдохнул бородатый. — Я просто переживаю. А то его величество притих. Страшно, не когда рычит. Страшно, когда он притих...

Бородатый исчез за дверью. А я вышла в комнату, глядя на мохнатую мебель. А я-то думала, откуда это смелое дизайнерское решение? Хотя, сердце было не на месте. Неужели у малыша все так плохо?

Мой взгляд скользнул по зеркалу, как вдруг я замерла. Я вспомнила этот рокоchущий голос и взгляд, которым меня облизывали...

— Твою мать! — процедила я сквозь зубы, видя насквозь мокрое платье, прилипшее к телу. Тут даже мужчина, напрочь лишенный фантазии от природы, способен если не представить, то разглядеть то, что женщины привыкли таинственно прятать.

Я мрачно сидела на кровати и делала вид, что кровожадно терзала мясо. И даже урчала, а потом отдавала его принцу. Я понимала, что если все так и будет продолжаться, то скоро мне придется жевать половину коровьей туши, чтобы потом отдать ее на растерзание принцу!

В дверь поскреблись, и вошел бородатый. Я тут же накинула на себя одеяло, сидя, как в палатке.

— Есть одна маленькая, очень деликатная просьба, — заметил он, тихонько прикрывая за собой дверь. — Она продиктована нашим очень горячим желанием жить... Скажи мне, как в вашем мире мужчина ухаживает за женщиной?

— Вы что там? Кроссворды разгадываете? — спросила я, видя, как принц с урчанием терзает кусок мяса, который он утащил с тарелки.

— Нет, мы разгадываем задачку, — вздохнул бородатый. — Так вот, как мужчина ухаживает за женщиной? Есть какие-то ... эм... ритуалы...

— Нет, только ритуал жертвоприношения женских нервов, — выдохнула я, понимая, для чего это может пригодиться.

— Я тебя умоляю, — прошептал бородатый. — Что-то существенное! От этого зависит наша жизнь...

— Ну... Пригласить на ужин, — пожала я плечами. — Подарить цветы... Собственно, у нас как бы ... Все стандартно. Встретились, он подарил цветы, они погуляли и поужинали. А потом сидят и решают, будут ли они повторять это друг с другом. Или поищут кого-нибудь подходящего...

— Все, огромное спасибо! Будем должны! — с облегчением выдохнул волк. — Ты просто спасла нам жизнь!

Не прошло и двадцати минут, как в комнату влетел бородатый.

— Вас торжественно приглашают на ужин! — произнес он, словно объявил третий акт спектакля.

Я вспомнила огромные клыки, свирепую морду, и поежилась.

— Уточните сразу. Я точно не ужин? — спросила я с подозрением. С одной стороны это было так мило рычать друг на друга, а с другой... Вот что мне с собой делать?

— Что вам понадобится для ужина? — спросили братья. Я выглянула и увидела второго, который стоял уже наготове.

— Ну, красивое платье, туфли, прическа, — пожала плечами я, пытаюсь припомнить что-то еще. Возможно, я что-то упустила, но это было вовсе не так важно.

— Понятно! — закивали волки, пока я обреченно смотрела на себя в зеркало. «Ты ему нравишься!», — что-то внутри меня сладко мурлыкало. «Осталось определиться, как женщина или как еда!», — мрачно оборвала я розовые мечты.

— Вот! — слышался голос, а мне чуть не выломали дверь. На кровать легло красивое платье, изящные туфельки и набор бриллиантовых заколок для волос. — Служанка сейчас подойдет, чтобы помочь!

Через двадцать минут я с удивлением посмотрела на себя в зеркало. Выглядела я очень красиво. Прямо на удивление!

«Возможно, это была не такая уж и плохая идея?», — закусила губу, накручивая тугой локон и глядя на блеск бриллиантовых заколок. Я даже не знала, настоящие бриллианты это или просто стекляшки. Но смотрелось и правда здорово!

— Вас уже ждут, — кивнул бородатый. — Мы посидим с принцем! Да? Prrr!

Я повертелась перед зеркалом, видя, как рассыпается роскошная юбка.

— Я готова, — улыбнулась я. Няня ведь заслужила маленький выходной?

— Она готова! Несите шубу! Платки! Варезки и сапоги! — крикнул бородатый. — И муфту!

Глава четырнадцатая. Мышку бы...

Глава четырнадцатая. Мышку бы...

— Зачем? — удивилась я, видя, как слуги втаскивают в комнату теплую одежду. Вокруг меня уже рисовали магический круг. А я не успевала следить за всем, что происходит.

— Вас пригласили на ужин, — радостно заметили волки. — У вас, в вашем мире, ведь есть такая традиция? Вот его величество решил, что вам будет приятно отужинать вместе с ним...

— Считайте, это знаком уважения к вам, — прошептали мне на ухо. — Он обычно не приглашает на ужин девушек...

— Он вас действительно очень уважает, раз согласился последовать вашей доброй традиции, — шепнул мне на ухо бородатый. — Обычно он в таких вопросах очень принципиален.

— Может, это связано с тем, что я сказала, что я королевских кровей? — прошептала я, чувствуя, как мои ноги трамбуют в пушистые унты.

— Его величеству, — прошептали мне. — Абсолютно плевать, каких вы кровей. С его могуществом и властью, он может позволить себе заставить любую королеву бегать за ним с подносом, как служанка.

На меня уже хлопучили мохнатую шубу и огромную шапку. Из зеркала на меня смотрел ... полярник. Не хватало только белого медведя и заиндевелого приемника.

Такое чувство, словно меня собирали на подледную рыбалку!

— Удачи! — помахали мне волки.

Вокруг меня внезапно вспыхнул круг. У меня было много вопросов. Я даже хотела выйти из круга, но не успела. Ослепительная вспышка заставила меня покачнуться и зажмуриться.

Я очнулась посреди снежной пустоши... Завывала метель, снег слепил глаза, а ветер пытался сдуть меня с лица земли, как одинокое деревце.

— Я очень рад, что ты решила разделить со мной мою скромную трапезу, — слышался голос его величества, а мне сквозь снег

протянули что-то. Я пока еще не видела, что это... А потом открыла глаза полностью и увидела букет заиндевевших цветов.

— Спасибо, — прошептала я, сплевывая снег и сжимая обледенелые цветы. Ветер трепал их, пытаюсь вырвать из рук. Но я держала их изо всех сил.

— Остановите метель! — прорычало его величество куда-то вверх. Я так и не поняла, кому. Может, маги во дворце его слышат? Но в этот момент ветер действительно начал стихать.

— Я просто люблю, когда дуют северные ветра, — слышался голос его величества.

Как его зовут? Сумрак чего-то там... Смерть кого-то там... Я даже не знаю, как его позвать, если вдруг меня куда-нибудь унесет.

Я наконец-то увидела, что мы стоим посреди снежной пустоши. Совершенно одни.

Я застыл, залюбовавшись на снежные просторы. Где-то вдалеке стояли стеной снежные горы и виднелись очертания далекой и неприступной цитадели. Мне почему-то подумалось, что это — наш замок... На фоне гор он казался таким крошечным. А если так посмотреть, то он напоминал корону, украсившую лежащего каменного льва.

1.1.

Неподалеку я заметила каких-то мохнатых зубробизонов. Они напоминали нечёсанный блондинистый парик. Что-то вроде фотографии «до» ламинирования. Бело-желтые космы спадали вниз, подметая снег. Только в отличие от бизонов, у них было три рога. Два по бокам, а один, массивный по центру лба. Словно какой-то единорог вдруг согрешил со шваброй.

— Ой, а кто это? — удивилась я. Вглядываясь в белое стадо.

— Наш ужин, — очень вежливо заметили мне. — Выбирай...

— Эм... Я не знаю... — робко заметила я. — Все такие ...эм... вкусненькие... Наверное... Давайте на ваш выбор... Вы в них лучше разбираетесь...

Опомниться не успела, как рядом со мной стоял огромный белоснежный зверь. Он плавно, абсолютно бесшумно стал красться к стаду.

— Бегите, — занервничала я, видя, как молниеносным прыжком, ирбис валит на землю огромную тушу. Но туша очень не хотела быть тушенкой! И попыталась пробить его огромными рогами. Она чуть не поддела его центральным рогом, заставив меня вздрогнуть.

Я чувствовала, словно попала в детство, когда по телевизору лиса гнала зайчика. Все они казались такими милыми и пушистыми, что я не знала, за кого болеть.

Его величество схватил ее за горло, а на белой шкуре появилась кровь. Тушенка вырвалась и бросилась бежать. Но далеко ей убежать не удалось!

Ее тут же настигли, снова валя на снег. Остальные бизоны — блондинки разбежались кто куда.

Через мгновение мне тащили огромную тушу. У меня чуть букет из рук не выпал, когда видела, кровавый след на снегу.

Туша легла у моих ног.

— Первый кусочек девушке, — слышался голос, когда дернула головой. Его величество стирало кровь с щеки, глядя на меня, а потом на бизона...

«Ой, а помнишь ты недавно говорила подруге за рюмкой чая, что перевелись мужчины — добытчики! Про то, что хорош тот мужик, который мамонта уложит голыми руками, а не тот, который будет выбирать мамонятину по акции в ближайшей «Пящерочке» с требованием пробить ему дубинкой на кассе полкило мамонятины!», — заметила память, глядя на поверженного бизона.

«Эм...», — сглотнула я, вспоминая смех, вечно недовольного кота и магниты на холодильнике.

«Ты тогда еще говорила, что если бы так оно и было, то человечество вымерло бы! Ты тогда была очень красноречива!», — подсунула память, намекая, что она все как бы помнит.

«Ха-ха-ха!», — истерично ржала надо мной судьба. Она утирала слезы, выступившие на ее бесстыжих глазах. — «Ой, не могу-у-у!».

От меня явно ждали первого куся. Но желудок свернулся в трубочку и объявил голодовку.

— Не хочешь этого, выбирай другого... — заметило его величество. Стадо собралось в кучка, как ни в чем не бывало. Они разрывали снег, опуская косматые головы.

1.2

— Кушайте, кушайте, — прошептала я, пытаюсь выдавить улыбку. — Не стесняйтесь! Я целого би-бизона не осилю... Я на ди-диете... А есть здесь ... эм... диетические бизоны? Или салатик? О, а поймите мне какую-нибудь ... мышку... Не очень калорийную...

— Мышку? — внезапно рассмеялось его величество. — Да что в той мышке есть?

— Да, ма-ма-маленькую, — показала я варежкой. — П-п-порцию...

И заглянула в хищные глаза с надеждой.

— А можно и не мышку... Я ... эм... — замялась я, совсем растерявшись. — Я салатик поем! У меня тут ... эм... салатик!

Мой взгляд опустился в букет. Я в упор не знала, что это за цветы. Но сорвала травинку и стала жевать.

— Мммм, как вкусно, — закивала я, стараясь не обидеть.

— Тогда, с вашего позволения, — улыбнулись мне. На его щеке был росчерк крови. И сердце екнуло, когда я вдруг подумала, что это его кровь.

— Это просто немыслимо! — выдохнула я, медленно отвернувшись.

— Я при-при-припудрю носик... — кивнула я, глядя квадратными глазами в снежную пустоту.

— Зря, очень вкусно, — слышался голос. — Ммм...

Внезапно мне почему-то стало до ужаса смешно. Я, с обледенелыми цветами, стою в снегу, а мне тащат огромную тушу: «Приятного аппетита!».

«Напомнить про мамонтов и добытчиков?», — ехидно заметила память.

«Не надо!», — выдохнула я, пока снежные хлопья пудрили мне нос.

«И все-таки он животное!», — с грустью заметила я, глядя в букет.

«Да не ругай кота! Он к тебе, с лучшими побуждениями! Представляешь, сколько он этого воробья ловил! Сам не съел, тебе нес! Облизывался, но сдержался!», — вспомнила я свой голос и визги

в трубке телефона. — «Ну положил на подушку! Правильно! А то у тебя в холодильнике что? Йогурты и салатики! Вот кот и решил, что ты голодаешь! И вообще, животные лучше людей! Они преданней!».

— Ммм, — простонала я, слыша, как умирает со смеху судьба.

«Погоди-погоди!», — пообещала память. — «Сейчас-сейчас!».

«... вот если бы у меня такой заботливый кот был, то я бы вообще замуж не вышла! Да он в сто раз лучше любого мужика!», — заявил в памяти мой собственный голос.

— Все, я сейчас уписаюсь со смеху!», — истерила судьба.

— Может, все-таки? — спросили меня, пока я боялась повернуться к ужину.

— Не-не-не! И не соблазняйте! Сама едва сдерживаюсь! Чтобы с диеты не сорваться! — вежливо возразила я. — А то поправлюсь еще! Мужчинам нравится перестану... И все такое...

Последние слова я произнесла тихо — тихо, ковыряя лед на одной цветке.

— Горе тому мужчине, который решит показать, что ты ему тоже понравилась, — послышался голос.

В этот момент мне показалось, что я увидела вдалеке что-то странное... На мгновение мне показалось, что это тоже ... ирбис. А потом все исчезло за снежной пеленой. Я потрясла головой, пытаюсь понять, померещилось мне или нет. Скорее всего, показалось.

1.3

— Ну как тебе ужин? — слышался голос. Мне на плечо легла рука.

— Очень романтично! — согласилась я. — Это — самый романтичный уж-ж-жин, который у меня бы-бы-был...

Нет, все-таки я ошиблась в нем... И от этой ошибки стало как-то совсем холодно.

«А почему он, собственно, должен доказывать тебе, что он — не верблюд?», — слышался голос разума. Я и сама понимала, что нельзя вот так вот взять человека, выпотрошить его, отбросить недостатки, оставить достоинства и...

А, впрочем, то, что он — ирбис, это не недостаток... Для кого-то это достоинство. Например, для тех, кто живет в этом мире. Может, быть все дети этого мира мечтают стать ирбисами!

«Я просто боюсь, что однажды, он не рассчитает силу, впадет в ярость и прикончит меня...», — сказала я себе.

— Я вижу, что ты замерзла! — слышался шепот на ухо. Голос тут же изменился.

— Д-д-данет-т-т-ч-ч-ч-т-т-т-т-т-ты! — выдала я нечто, похожее на древнее заклинание.

— Обратно! — слышался приказ.

Через мгновение мы очутились в красивом зале. Везде горели свечи, а на столе стояло столько еды, что можно было не только смело накормить весь замок! Но и бегать за ними с криком: «Кому добавки?».

Друг напротив друга стояли два роскошных кресла. Они были почти одинаковыми, если бы одно не было бы украшено короной, а второе нет.

В огромном камине в человеческий рост горел огонь. Откуда-то набежали слуги, снимая с меня шубу, шапку и унты. Я осталась в мятом платье и туфельках.

— Мышки поданы, — заметило его величество, пока я смотрела на очень крупных мышей с копытами, украшенных зеленью и посыпанных душистыми специями.

— Отличный мышки, с копытами, — заметила я, понимая, что все было задумано именно так. Этот разительный контраст до сих пор заставлял меня не верить своим глазам.

— Мне так нравится смотреть на удивление в твоих глазах, — слышался смех, пока я видела, как стелиться вокруг меня мантия. Мой взгляд упал на диван, расположившийся возле стены. На нем лежала толстая книга. На столике рядом валялась целая куча каких-то бумаг.

Мой взгляд скользнул выше, как вдруг остановился на портрете. На нем была нарисована красивая женщина в мехах. Рядом с высоким мужчиной. Но не это было самым удивительным.

На портрете было два мальчика. На них были белые одежды. Они стояли и смотрели куда-то вдаль. На голове одного была корона побольше. На голове второго мальчика корона поменьше. Все они сверкали драгоценностями от макушки до красивых сапожек.

Но это было не самым страшным. Я смотрела на портрет, потеряв дар речи.

Самое страшное было то, что они были... абсолютными близнецами.

Глава пятнадцатая. Я откушу тебе голову!

Перед глазами снова встал снег. И только сейчас я обратила внимание на то, что у моего видения были отчетливые полосы. Он был очень похож на его величество. Если бы не снег, я была бы точно уверена. Там я была уверена, что видела. А сейчас мне почему-то кажется, что мне просто показалось...

— Догадаешься, кто из них я? — спросил голос позади меня, заставив вздрогнуть.

— Да, наверное, — заметила я, показывая на мальчика с короной поменьше.

Послышался смех.

— Нет, не угадала, — послышался голос, на который я почему-то смущалась обернуться. — Я вот он. Смотрю прямо на тебя. Я — кронпринцем. У нас без разницы, кто был старше, а кто младше. И изначально корона должна была достаться мне. Но все изменилось из-за пророчества. Оракул сказал, что — то вроде... И в окровавленной короне я буду стоять над мертвым телом брата.

Я промолчала. Никогда не думала, что мы будем рассматривать детские портреты.

— И родители решили обмануть судьбу. Они отобрали у меня корону и отдали ее брату. Они решили, что такому, как я власть доверять нельзя. И семья отвернулась от меня за то, чего я еще даже не совершил, — я чувствовала близость его тела, ощущала его дыхание.

— А брат мог выжить? — спросила я, провожая глазами портрет.

— Я так понимаю, что историю тебе уже рассказали.

Я встретила взглядом и честно соврала: «Нет».

— Кому ты врешь, — послышался снисходительный голос.

— Я не вру, — замотала головой я, решив не сдавать пушистых информаторов.

— Я сам разрешил рассказать тебе ее, — на меня смотрели с улыбкой.

— А что случилось с девушкой, — сдалась я, понимая, что врать бессмысленно.

— В тот момент, когда я штурмовал замок, у нее начались роды. Ребенок родился раньше срока, — спокойно произнесло его величество. — И я не знаю, как относиться к маленькой памяти о большом предательстве. Присаживайся!

— Я не голодна, — поежилась я, вспоминая охоту.

И тут на меня нарычали так, что я тут же приземлила попу на стул.

— Что-то случилось? — удивилось его величество, пока я сидела и уныло, не поднимая глаз, ковыряла еду.

— Нет, нет, — помотала я головой. Мне так не понравилось, что он на меня рыкнул!

Вилка приподняла кусочек мяса и шлепнула его обратно в соус или подливку.

Стоило мне поднять глаза, как я встречалась с пристальным взглядом.

— Так, мне это надоело, — послышался голос, от которого я вздрогнула. Огромный зверь шагнул прямо на стол. Он шел, а стол трещал под его весом.

Если честно, то мне стало не по себе, когда на меня двигается огромная страшная кошка. Он сидел на столе, расчистив себе место хвостом.

Через мгновение он снова был человеком.

— Итак, — заметил он. — Что случилось?

— Вы нарычали на меня, — произнесла я, глядя ему в глаза.

— Я сказал тебе, чтобы ты обязательно попробовала мясо, — на меня смотрели с улыбкой. — Это прозвучало, как...

И тут я снова чуть не обделалась от рыка. С таким рыком не мясо предлагают! С таким рыком предлагают стать этим мясом!

1.1

— А мне показалось, что вы предложили стать этим мясом, — заметила я.

— Если бы я предложил тебе стать этим мясом, я бы сказал вот так, — оскалил зубы его величество.

Если честно, то я разницы не почувствовала. Попа, обнявшая стул тоже.

— Просто этот внезапный, — напряглась я, пытаюсь воспроизвести звук. — Эрррррр! Звучит угрожающе...

— Ты мне только что в любви призналась, — послышался голос.

— Что? Как? — ужаснулась я. Я, конечно, подозревала в себе вундеркинда, то не в таких масштабах!

— То есть вот это... Эррррр! ... означает, что я тебя люблю? — спросила я.

— Нет, ты только что сказала, что звезды здесь свежие и сопливые, — послышался смех. — Я в жизни столько не смеялся, пока ты пытаешься выучить наш язык... Сопливые звезды! Я не знаю, как тебя научить!

— Все совсем плохо? — улыбнулась я. До чего же он был красив сейчас. Пламя свечей и камина играло на драгоценных камнях. И отражалось в голубых нечеловеческих глазах. Белоснежные волосы были небрежно рассыпаны по плечам, а идеальный профиль заставлял делать глубокий вздох.

— Почему вы решили пригласить меня на ужин? — спросила я, вспоминая фигуру с ледяным взглядом, при виде которой начинали трястись поджилки.

— Наверное, за твое «рррр», — послышался ответ.

Он грациозно прыгнул со стола и зашел мне за спину. Я сначала не поняла, что произошло, а потом услышала ... музыку... Она была нежной и плавной, словно где-то играла музыкальная шкатулка.

— Боюсь спросить, — заметило Его Величество, незаметно подкрадываясь сзади.

Я дернулась от звука его голоса. Мне протянули руку.

— Ты сразу согласишься, или мне на тебя нарычать? — слышался голос.

Я положила руку поверх его руки, понимая, что не умею танцевать.

— Я не умею танцевать, — созналась я, пытаюсь расправить юбку. — Честно, не умею!

Есть люди, которым медведь на ухо наступил. А есть те, кому он отдал все ноги...

— Я смотрю, вы очень ... многогранная личность, — заметила я, чувствуя, как мне на талию ложится рука. Куда девать свою руку я не знала, поэтому положила ее ему плечо.

— Ты про то, что сожрал в снегах тушу, а потом почитал стихи? — слышался голос. — Знаешь, что было самым сложным? Научиться сидеть ровно. Наши ноги и спину даже привязывали к трону, чтобы не было соблазна извернуться, как удобней. А так хотелось...

Я вспомнила, как он сидел в кресле. Это была отдельная «камастура» для отдыхающих. И для того, чтобы повторить хотя бы половину поз, я должна заручиться поддержкой травматолога.

— Вы показались мне совсем другим в самом начале, — заметила я.

— И это не значит, что я не откушу тебе голову, если ты еще раз наступишь мне на ногу, — слышался голос его величества.

1.2

— Что? — ужаснулась я.

— Я пошутил, — слышался голос.

— Рррр, — порычала я, чувствуя, как он подводит меня все ближе и ближе к себе.

— Не согласен, — заметило его величество.

— Рррррр, — фыркнула я, пряча улыбку.

— Неужели? Ты уверена? Ты начинаешь меня интриговать... — у меня в волосах слышался мягкий, слегка вибрирующий голос. Ой...

Я чувствовала, как он осторожно, приподнимает мою голову. Сердце замерло, когда я понимала, что сейчас будет... Мы уже не танцевали. Мы просто стояли, пока музыкальная шкатулка доигрывала последние аккорды, постепенно замедляясь.

До губ оставалось дыхание... Я чувствовала, как замираю, а рука, держащая меня за талию, сжала меня еще крепче. В тот момент, когда к моим губам едва-едва прикоснулись чужие губы, в дверь слышался страшный стук.

— Что?! — рывкнуло его величество, а у меня сердце оборвалось от неожиданности и страха! Мне в корсет впились когти.

— Ваше величество, — влетел в комнату бородатый. — Принц пропал! Вы велели сторожить башню, мы с братом стояли возле двери. С ним оставались три няньки!

— Как?! — дернулась я, чувствуя, как обрывается мое сердце. — Как он пропал?! Титикака!

Через мгновение рядом со мной был огромный и страшный зверь.

— Ваше Величество! Я прошу вас! — взмолилась я, но он меня не слышал.

Подобрав платье, я бросилась вслед за ним, в надежде остановить его.

Несколько раз споткнувшись на ступеньках, я в очередной раз мужественно вскочила, преодолевая боль в коленке. Сверху уже слышался ужасающий рев.

— Ваше Величество! — влетела я в комнату, тут же вставая на пути зверя. — Я прошу вас!

Три девушки сжались в комочек. Одну из них я тут же узнала!

Занесенная лапа со страшными когтями уже не могла остановиться. Она полоснула корсет, распоров его и оставив неглубокие царапины. Мелочи! Могло быть и хуже!

— Успокойтесь, — взмолилась я, прикрывая девушек. — Давайте выясним, как это произошло!

На меня бросились, заставив зажмуриться. Но голову не откусили. Я робко открыла глаза, слыша, как щелкнула пасть, едва не откусив мне нос.

— Тише, я прошу вас, — прошептала я, глядя на перепуганных волчиц. Они уже прощались с жизнью. — Ваше Величество, я умоляю вас...

Моя рука дрожала, когда я пыталась поднести ее к страшной оскаленной пасти.

— Так мы ничего не узнаем, — прошептала я, дрожащим голосом. Я смотрела в глаза его величеству. — Если вы сейчас их прикончите, мы ничего не узнаем... Прошу вас...

— Где котенок? — послышался страшный голос, а вместо тигра стояло разъяренное чудовище. — Где принц?

— Он только что был здесь! — показали дрожащими руками няньки на жеваного крота. — А потом ... потом он просто исчез... Мы не знаем, где он! Мы обыскали всю комнату! Его нет!

1.3

— Окно! — бросилась я к закрытому окну. Я открыла его и высунулась по пояс, осматривая крышу.

— На крыше его нет! — дернулась я. — Как это исчез?

— Я не чую его, — мотнул головой безбородый. — Нет, в комнате есть его свежий запах, но в коридоре запах старый... Здесь все пропитано его запахом, поэтому найти его сложно...

— Ррррры! — послышался жуткий рык. Мне показалось, что в замке задрожали не только стекла, но и стены. После рыка воцарилась тишина. Все молчали и прислушивались.

— Обыскать все! Каждый закоулок! — послышался страшный голос его величества, пока девушки — служанки застыли в поклонах. — А вы...

— Ваше Величество! — снова заслонила я от него несчастных девушек. Я видела, как у них дрожат руки. А у одной по щекам текут слезы. — Давайте мы сначала найдем принца, а потом вы решите, как поступить дальше!

— Принца нигде нет! — послышался голос. — Запах принца старый!

Мне казалось, что весь замок сбился с ног, пытаюсь разыскать принца.

— Он не мог выйти из замка! — кричали в коридорах. Я с тревогой ждала вестей, поглядывая на обледеневшие крыши.

— Нет его там! — рявкнуло его величество, при виде которого все тут же замерли в поклоне. На его волосах был снег.

Слуги стояли так, пока он переворачивал мебель в нашей башне.

— Может, он до сих пор в комнате? — спросила я, вылезая из-под кровати с кожаным ежом в руках. — Может, чего-то испугался? Спрятался? Залез куда-нибудь?

Пушистый стул полетел в стену, а на столе остался страшный росчерк когтей.

— Ищите, — прорычало его величество, а ему уже доносили из коридора, что принц не обнаружен.

Как только я слышала эти вести, у меня сжималось сердце. Мой маленький, что же случилось?

Я уже перерывала комнату по третьему кругу. Отодвигала мохнатые тумбочки, перерывала матрас и постель. И постоянно бегала к окну и двигала шторы. Это такое чувство, когда нужно что-то делать, а ты не знаешь что именно?

— Прошу вас, — умоляла я, видя, как его величество смотрит на трех дрожащий девушек.

Теперь мне еще за них тревожится! Его величество вышел.

— Иди за ним, — взмолились мои волки.

Я подобрала юбки и за его величеством по коридору. Мало ли, вдруг сейчас девушек выведут из комнаты под каким-нибудь предлогом! Я видела его страшный взгляд, когда он проходил мимо них.

Мы шли по коридору, а все, случайно попавшие в этот коридор, шарахались в стороны, прижимаясь к стенам.

— Он не мог выйти из замка? — спросила я, чувствуя, как меня берут за руку и нервно впиваются в нее когтями. — Просто я видела... Я не уверена, но ... Мне показалось, что в снегах был ... ирбис... Еще один... Тоже полосатый...

— Это невозможно, — процедило его величество, резко открывая дверь своих покоев. — Нас было трое таких. Я, брат и принц.

— А вдруг? — прошептала я, чувствуя, как замирает сердце.

— Если только он умеет собираться по частям, что вр-р-ряд ли, — произнесло его величество, как вдруг я замерла.

На моем стуле, среди разбросанных тарелок лежал ... Титикака. Он спал, свернувшись в комочек.

— Малыш, — выдохнула я, бросаясь к нему и обнимая его изо всех сил. Мои руки дрожали, пока я проверяла, цел ли он.

— Остановить поиски! Принц нашелся! — послышался рык, снова заставившись стены замка задрожать.

На меня смотрели сонные глаза, а сонные коготки впились в мое платье. Меня обнюхивали и щекотали усами.

— Как ты здесь оказался? — удивилась я, тыкаясь носом в его макушку.

— Арррррау, — произнес принц. Мне показалось, что он просто зевнул.

— Он сказал, что потерял тебя, — произнесло его величество, устало обрушиваясь в кресло.

Глава шестнадцатая. Постельная сцена

Я не могла думать ни о чем, кроме пушистой морды, которая бодала меня и пыталась снести мой нос.

— Я так за тебя переживала, — прошептала я, тиская дрожащими руками малыша. — Как ты убежал?

Титикака рыкнул мне в лицо, а я с надеждой посмотрела на его величество, который смотрел на нас ледяным взглядом.

— Он сказал, что просто захотел! — перевели мне, глядя на меня испытывающим взглядом.

— Что? Ты в крови? — ужаснулась я, видя розовую шерсть. Меня охватила паника. — Где? Как?

Я осматривала принца со всех сторон, как вдруг поняла... Мой взгляд опустился на корсет. Разорванный корсет обнажал длинные неглубокие, но все еще кровоточащие царапины. Мои пальцы промокнули кровь. Я растерла ее пальцами, успокаиваясь.

— Главное, что ты живой, — прошептала я, чувствуя, как на меня навалилась усталость.

— Мы пойдем, — отвесила я неуклюжий реверанс, пытаясь побыстрее унести малыша в комнату.

Как только я закрыла дверь комнаты, как вдруг там что-то с грохотом разбилось. Словно кто-то смел остатки ужина вместе со скатертью со стола. Потом послышался звон. Словно, бокал вдребезги разбивался о стену.

Но я была такой счастливой и уставшей, что мало о чем могла думать, кроме пушистого комочка, плотно покушавшего маминых нервов.

Замок, сбившийся с ног, стоял в коридорах, встречая аплодисментами найденного принца. Волки и люди улыбались, глядя на малыша счастливыми глазами.

Я шла по коридору. Справа и слева стояли слуги, каждый из которых улыбался принцу.

— Пурррр! — слышалось урчание, а меня больно мяли когти. Слышалось блаженное причмокивание моими волосами.

Дверь в нашу комнату закрылась. Я спустила его на кровать. Титикака развалился на белых простынях, словно в снегах. И требовал почесания за ухом.

Я лежала, расчесывая эрогенную зону, и думала о свидании. Наши губы сомкнулись ровно на мгновение. Считается ли это поцелуем?

Если честно, то я ужасно устала за этот нервный день. Мои глаза слипались. Я чувствовала, как мою руку настырно бодают, требуя почесания.

— Чешу, чешу, — прошептала я полусонная, расчесывая ревнивого Титикаку. Меня подвинули, мол, мама, чеши отсюда! Но не переставай меня чесать!

— Так! — внезапно я открыла глаза, понимая, что Титикака не может быть и справа и слева. Двух Титикак я не переживу!

Две мои руки рефлексивно сжимались. Справа и слева я чувствовала мех.

Из темноты на меня смотрели четыре голубых светящихся глаза. Одни маленькие, а вторые большие... Вторые, маленькие, сонные тут же закрылись. А ко мне привалились и снова обмякли.

— Я просто зашел проверить, все ли в порядке с принцем! — слышался хриплый, рычащий голос.

1.1

На кровати сидело его величество.

— А злая я бросилась и тут же принялась чесать... — шёпотом выдохнула я, понимая, что на кровати места почти не осталось. — Из всех чесательных сил унижать королевское достоинство...

Я погладила его ухо, понимая, что королевская гордость не позволит ему признаться, что ему тоже хочется, чтобы его почесали за ухом. Это же ниже королевского достоинства!

— Примерно так все и было! — рыкнула на меня уязвленная гордость.

— Обманом затащила на кровать. Это — официальная версия, если кто-нибудь войдет? — уставшим и сонным голосом спросила я, расчесывая сразу две пушистые головы. Одна, маленькая уже храпела, вытянувшись вдоль меня. Вторая смотрела на меня жутким взглядом из темноты и приказывала: «левее!».

— Может, вам стоит завести себе гарем чесательниц? И им приказывать «левее — правее!» — спросила я, глядя на его выражением морды. Такое чувство, словно мне сейчас руку откусят!

— Ай! — задохнулась я, когда огромный шершавый, как наждачная бумага язык прошелся по корсету и царапинам. У меня слезы проступили на глазах! Жизнь промелькнула перед глазами и решила мелькнуть еще раз, когда шершавый язык прошелся по корсету еще раз.

— Чем ты думала, когда становилась под удар-р-р? — тихо, зловеще и хрипло спросили меня. В этом хриплом рыке сложно было разобрать слова. — Р-р-радуйся, что я успел отвер-р-рнуть его в стор-р-рону!

— Аaaa! — простонала я, снова чувствуя усердный язык, решивший слизать с меня кожу.

— Что вы делаете? — прошептала я, едва не окосев.

— Зализываю р-р-рану, — слышался глухой рык. Если не прислушиваться, то слов не разобрать. — Запомни. Когда я зол, три шага в сторону. Лучше четыр-р-ре...

— Когда-а-а-ай! Я зла... — снова окосела я от наждачки. — Залезайте на шкаф! Больно-больно! Мама! Прекратите! Это кошмар какой-то!

— Лежать! — рывкнули на меня и придавили грудь лапой. Мне оставалось откинуться на подушки и терпеть. — Или я позову лекар-р-ря?

— Нет! — дернулась я, вспоминая убойные зелья. «Умер от пореза на пальце. Причина смерти — болевой шок от лечения!», — пронеслось в голове.

— Видишь, что меня накр-р-рывает — в стор-р-рону! — слышался рык, когда я снова окосевшими глазами впивалась в потолок.

— Там хоть кожа останется? — с надеждой спросила я.

— Р-р-разве? — послышался голос.

— Просто язык очень шершавый... — поежилась я. И тут я вспомнила, что если тигр лизнет десять раз одно и тоже место — пойдет кровь.

— Значит так, будешь себя плохо вести, — послышался рык. — Залижу до смер-р-рти! Понятно?

Вот это угроза! Вот это мощно!

1.2

— Я хотела спросить. А почему вы не берете на охоту принца? Он, между прочим, показал себя достойным противником в неравном бое с мышью у меня дома, — заметила я, вспоминая охоту. — Может, вы будете его потихоньку учить? Просто в том неравном бою, я бы все-таки поставила на мышь... И поставила... Тумбочку...

— Рано ему еще! — рыкнули на меня.

— А мне кажется, уже пора, — заметила я. — Хотя бы начать...

— Учить котенка должна мать, — послышался голос.

— А если он сирота? — спросила я. — Кто его должен учить?

Меня действительно беспокоило будущее маленького принца.

— Из нас двоих, валить противника одним прыжком можете только вы, — заметила я, видя, как его величество облизывает свою огромную лапу. На меня покосились очень нехорошим взглядом.

— На меня не рассчитывайте! Я могу только валить от противника одним прыжком! Нет, читать, писать, я могу его учить. Это не обсуждается! — продолжала я, глядя на него взглядом: «Я так рада, что ты так удачно зашел! Мне есть, о чем с тобой поговорить!».

Лапа замерла на месте. Глаза его величества сузились. До чего же он своенравный! Вот никогда не угадаешь, что у него на уме! Теперь я понимаю, почему его так боятся. Тут с обычным котом все сложно. Сидит, смотрит, словно гвозди в тебя забивает. Потом шарахается в сторону от тебя и тут же бежит тереться.

— Но забить букварем нападающего и посчитать стоимость похорон — это одно! — продолжала я, глядя в хищные глаза. — Но ему нужно уметь охотиться... Мало ли, как жизнь сложится?

Я заглянула в глаза его величеству.

— Мышь, между прочим, почти победила, — едва слышно сказала я, вызывая к королевской гордости. — Он потом просил меня поймать ему еще одну мышь. Чтобы взять реванш!

— У меня нет вр-р-емени, — послышался ответ.

Когда я опустила руку, то там была теплая пустота. Он ушел так же бесследно, как и появился. Словно растворился во тьме. Я даже не

слышала, как скрипнула дверь, хотя она у меня настолько скрипучая, что пора ее записывать в музыкальную школу по классу «скрипы»!

Утром все было как обычно. Мамина тарелка пустела, зато Титикака радостно чавкал мясом. Зато теперь я знаю, кто нам его добывает.

— Rrrrr! — рычал Титикака, требуя подать ему мышь! Видимо, он слышал разговор про мышь! И сейчас горит желанием повторить этот бой века.

Он даже полез смотреть, а не завалялось ли у нас мышки? Что совсем нет? Вот так всегда!

— Они просто все испугались и разбежались. Точно-точно, — утешала я будущего охотника. Впервые я сожалела, что у нас нет мышей! Я лично готова была принести ему эту мышь.

— А давай поохотимся на подушку? — предложила я, понимая, что от его величества в этом вопросе помощи ждать не приходится.

1.3

С одной стороны, я понимала, что один взгляд на принца причиняет ему мучительную боль. А с другой стороны, он, скрипя зубами, все равно о нем заботится. Хотя бы из-за политических мотивов.

— Смотри, — оживилась я, видя, как засверкали глаза ребенка. — Это — снежная степь... У нас тут еще снег идет... Да!

Кровать с подушками и одеялами действительно напоминала снежную равнину, на которой стоял еще неуклюжий охотник.

— А вот пасется ... эм... подушка, — схватила я подушку. — Она еще ничего не подозре... Титикака! Ну в самом деле!

— А фто? — как бы спрашивал меня принц, кусая уже начинающую что-то подозревающую подушку.

— Нет, не так! — отцепила я принца от жертвы. — Подушка пасется на снежных просторах... Она тут ...эм... крошки кушает... И не подозревает, какая пушистая опасность за ней ... Титикака!!!

— Ну фто она пафефа так долфо! — смотрели на меня скошенные глаза, пока зубы держали подушку изо всех сил.

Я вспоминала, как охотится его величество.

— Так, смотри мама все покажет! — заметила я, беря на себя обязанности мамы.

Я встала на корточки, повела плечами и стала внимательно следить за подушкой. Изогнувшись, я подбиралась ней, стараясь сильно не шуршать...

— Нужно выждать момент, когда подушка будет меньше всего готова к кусь! — пояснила я, сплевывая волосы и припадая на руки. — Но нужно, чтобы она тебя не заметила! Если заметит, то она...

Подушка в моей руке сделала тык-дык в сторону моей попы.

— Она убежит! Понял? А теперь мама идет на охоту! — сглотнула я, занимая позицию. — Вот наша подушечка ничего не подозревает... И тут мама как бросится на нее, как схватит зубами и начнет терзать! Rrrr! Rrrr eee!

За спиной послышался странный звук. Словно кто-то медленно сползает по стене.

Я стояла на четвереньках на кровати, сжимая во рту уголок подушки. Разорванная подушка разлеталась перьями, а я смотрела, как медленно сиротеет государство, теряя в лице его величества, законного правителя.

— А мы тут... — смутилась я, тут же выплевывая подушку и пряча ее за спиной. — Мы тут охотиться учимся, да!

— Аррр! — послышался рык Титикаки. Он повторял все в точности, как мама.

— Я все понимаю, — послышался голос его величества, который как песец подкрался незаметно. — Но почему с криком: «Почеши окно тарелкой?».

— Ну, как бы... — смутилась я, видя как будущий узурпатор и диктатор, выронил жертву на пол. — Как бы это образно!

— Ры-ры-ры! — порывал Титикака на дядю, показывая, как научился охотиться на ничего не подозревающую подушку. Пока еще ни одной подушке не удалось скрыться. Но одна только что дала отпор, который к чести принца раззадорил его. С писклявым рыком он бросился на «убегающую» подушку и повалил ее на кровать, взглядом показывая, что это — его добыча!

— Еще раз? Вы что? — послышался голос его величества. Его глаза были квадратными. Титикака дорывал подушку, празднуя триумфальное завершение охоты.

В глазах его величества стоял ужас.

— А что не так? — удивилась я. — Мы следили за подушкой, мы ее нашли и победили!

— Это позор! — послышался рык. Принц решил поохотиться на меня и укусил за пятку. И тут же устыдился. И снова куснул.

1.4

— Да, и учить его должен тот, кто умеет! — заметила я. — А не няня, которая два раза в жизни охотилась на осу и один раз на мышь.

— За мной, — послышался голос. — Я тебе покажу, как мы охотимся!

— Ваше величество! — в один голос вскрикнули волки, с тревогой глядя на меня. — Вы сошли с ума! Она же человек! Девушка! А где мы еще найдем такую няню? Одумайтесь!

— За мной.

Голос был тих, а его величество смотрел на меня в пол оборота. Холодные глаза не сводили с меня взгляда.

— Хорошо, — прошептала я, глядя на волков. Бородатый с тревогой смотрел мне вслед.

— Я не думаю, что он... — начал бородатый, но взгляд его величества заставил его умолкнуть и вернуться к брату.

Я шла следом, видя, как роскошные одежды подметают пол. Белоснежный мех струился с его плеч, пока я с замиранием сердца следовала за ним. «Без паники!», — делала я глубокий вдох.

— Боишься? — послышался тихий голос. На меня снова смотрели в половину оборота. Его величество даже остановился.

— Нет, — выдохнула я, сглотнув.

— Зря, — улыбнулось его величество, заставив меня расширить глаза от ужаса. Он в своем уме? Он действительно собирается на меня охотиться?

Дверь раскрылась передо мной. Я краем глаза посмотрела на непроницаемое лицо, видя почти полностью темную комнату. Только в самом центре был свет.

Я осторожно вошла, осматриваясь по сторонам. Мурашками по коже я ощущала взгляд из темноты. Но не могла понять, откуда он исходит. В комнате царила такая тишина, но она была обманчива.

Обернувшись на звук закрывающейся двери, я не увидела силуэта.

Я инстинктивно чувствовала, что в комнате затаился охотник. А я — всего лишь маленькая жертва. Только вот где же он? Мой взгляд

скользил по темноте, когда мне вдруг казалось, что я слышу шум. Сердце бешено колотилось, когда я поворачивала голову.

Он может быть где угодно... Сердце билось в горле, когда я чувствовала, что за мной внимательно следят.

Ни единого шороха, ни шелеста. Ничего, что могло бы выдать присутствия еще кого-то. Кто-то мог подумать, что комната пуста, пока не почувствует взгляд затаившейся смерти.

Пожирающий взгляд из темноты чувствовался где-то на уровне первобытных инстинктов. Хотелось бежать, прятаться, но любой шаг в темноту мог стать последним.

Я стала вращаться на месте, чтобы не стоять спиной. И мне всегда казалось, что он за спиной. Где же он? Глаза привыкли к полумраку. Я различала очертания вещей, но не видела его. Может быть, он замирал, когда я смотрела на него.

Когда я повернулась еще раз, я почувствовала, как меня сметают на пушистый ковер. Я успела только крикнуть, как тут уже лежала на ковре, откинув голову.

Глава семнадцатая. Церемония Имянаречения

Мою шею держали огромные челюсти. Они держали, но не сжимались. Ровно настолько, что его клыки едва касались моей кожи.

Я задрожала, понимая, что наши с Титикакой «ры-ры-ры» — просто детские игры по сравнению с тем, как на самом деле охотятся ирбисы!

Я оцепенела от безграничного первобытного страха. По моей коже скользил мех. В комнате царила звенящая тишина.

Челюсти разжались, и я выдохнула с облегчением...

Но через секунду по всему моему телу пробежали мурашки — и я поняла, что влипла по — серьезному, когда по моему лицу скользнула человеческая рука.

- Ты никогда не знаешь, где мы затаились, — прошептал голос его величества. — Единственное, что ты можешь почувствовать — взгляд из темноты. Не увидеть... Просто, почувствовать на уровне первобытных инстинктов... В этот момент мы замираем... А вы начинаете оборачиваться... Вы нас чувствуете, но не можете понять, что это?

Его дыхание, словно целовало меня, а губы замерли в сантиметре от моих.

- Мы можем красться очень долго, — шептали мне, осторожно убирая волосы с моего лица. — Медленно и мягко ставя лапу за лапой, чтобы не издать ни звука, ни шороха. Мне всегда интересно точно угадать мгновение, когда жертва меньше всего ожидает смерти.

Я лежала на ковре, а его величество сидел, нависая надо мной. Белоснежные пряди его волос гладили мои щеки и лоб.

- Дальше следует бросок, — слышался шепот, звучащий в темноте зловеще до мурашек. — Внезапный, молниеносный...

Только сейчас я заметила, что зубы его становятся все ближе и ближе к моей шее.

В полумраке на меня смотрели светящиеся хищные глаза в ореоле белоснежных волос.

— Вот так мы охотимся, — послышался едва слышный шепот. Мех королевских одежд коснулся моей руки.

— А потом, — послышался шепот, когда лицо стало опускаться все ниже и ниже к моей шее. — Мы душим... Или перегрызаем шею...

И тут моей шеи коснулись нежные губы. Поцелуй был легким, но, несмотря на свою нежность, он показался мне обжигающим.

А через мгновение я почувствовала, как кожу осторожно прихватывают зубы.

Только сейчас я не только вспомнила, но еще и почувствовала, почему его величество не любит улыбаться.

— Д-д-достаточно, я поняла, — прошептала я, пытаюсь встать, но мои руки прижали к коврику.

— Охотник имеет право делать с добычей все, что хочет, — прошептали мне, поднимая голову от моей шеи. Мне еще раз вежливо напомнили, почему мир так редко созерцает улыбку его величества. — Не так ли? Я слышал, как ты сама это говорила принцу...

Я оцепенела, чувствуя, как его руки давят на мои запястья.

— И сейчас ты моя добыча...

1.1

Я ощутила, как острые когти, слегка впиваются в мои руки, чтобы тут же игриво спрятаться.

Он словно играл со мной, проверяя, стану ли я отвечать на поцелуй или нет... Его величество приоткрывал губы, словно вот-вот поцелует, и тут же отдалялся с улыбкой.

— И я напоминаю, что могу делать с тобой все, что захочу... — прошептал мне голос на ухо.

Я услышала дыхание, сладкое и тяжелое. Я уже почти ничего не понимала. Весь мир сузился до губ, которые едва-едва прикоснулись к моим, чтобы прошептать:

— Как же долго я хотел этого... Если бы ты знала...

Через мгновение я почувствовала самый страстный, пожирающий, убийственный поцелуй в своей жизни.

Темная страсть, в которой не было ничего человеческого завораживала. **Это был не поцелуй. Он меня гипнотизировал, и проникал в душу, словно острое лезвие ножа.**

Я задыхалась от биения своего сердца. Казалось, меня сейчас растерзают.

Убийственный поцелуй продолжался. Меня приподняли, усадив на пол, не отрывая своих губ от моих ни на мгновение.

Мне кажется, одного такого поцелуя хватит, чтобы убить наповал всех девушек в округе. Его пальцы с когтями бережно прочесывали мои волосы, приближая меня к себе до такой степени, что ближе уже невозможно.

— Я бы тебя съел, — слышался тихий опьяняющий голос, обжигающий мои губы жарким дыханием. — Растерзал бы...

В этот момент руки сжали меня так, что я почувствовала уколы когтей на своей, видимо, уже обнаженной спине.

Я выгнулась, словно пытаюсь спастись от его опасных объятий.

— Не надо меня есть... — сглатывая, прошептала я, видя себя в плену чужих рук, сидящей на ковре. — Я невкусная...

Еще один такой поцелуй, и я стану почетной наложницей в штаны! Он шутит или серьезно?

— Кто тебе такое сказал? — слышался шепот, а коготь стал чертить по моей разгоряченной щеке страстную дорожку.

Я чувствовала, как когти разрывают корсет и юбку, пока мои губы накрывал пылкий, глубокий и страстный поцелуй, а его рука тянула разорванную ткань вниз.

— Пожалуйста, — прошептала я, чуть-чуть вырвавшись. — Не надо...

Мне казалось, что его уже ничего не остановит. Платье, которое и без этого держалось на честном добром слове и груди, чуть не рухнуло вниз. Разорванный корсет, распался, словно цветок поверх юбки с непредусмотренными на ней разрезами.

— Я ... я не хочу быть тайной наложницей, — прошептала я, сжимая в руках его одежду так сильно, что разорвала драгоценную вышивку.

В этот момент его величество замер, все еще сжимая меня в объятиях.

— То есть, ты ... готова ... умереть вместе со мной? — слышался удивленный голос, пока я пыталась собрать корсет обратно.

1.2

— Я... — выдохнула я, глядя на свои побелевшие от напряжения руки.

— Я жду ответ, — в его голосе был странный холод. — Немедленно.

— Я должна подумать, — попыталась вырваться я, но меня снова вернули в прежнее положение. Я снова осторожно попыталась освободиться так, чтобы не распался корсет.

Если честно, я не знала, что он имеет в виду.

— Мне еще раз задать свой вопрос? — меня сжали изо всех сил. — Ты согласна в случае чего умереть вместе со мной? Отвечай немедленно! Да или нет!

— Я..., - прошептала я, глядя в его глаза.

Мои губы задрожали, а я отвела взгляд, делая глубокий вдох. А ведь и правда... У меня, кроме него и Титикаки никого нет. Я склонила голову на бок, вглядываясь в красивые черты лица. Моя рука скользнула по его щеке, нежно погладив ее пальцами. От прикосновения я сама чуть не вздрогнула.

— Может быть, я пожалею о своем решении... Я постоянно жалею о своих решениях... Да... Я согласна... — прошептала я, понимая, что подписываю себе приговор. — Зачем вам это знать?

Меня бережно подняли с ковра, пока я не понимала в чем дело. Я смотрела непонимающими глазами и пыталась понять, что так резко изменилось? И когда я это пропустила?

— Я что-то не так сказала? — осторожно спросила я, видя, как его величество молча отстегивает серебряную застежку своего плаща и с замахом набрасывает его на мои плечи.

— Спасибо, конечно, — помялась я, заглядывая в глаза и пытаюсь найти в них ответ. Но ответа не было. — Но, может быть, вы ответите на мой вопрос?

В ответ мне лишь улыбнулись, а потом взяли меня за руку и... поцеловали.

Я смотрела с подозрением, так и не понимая, что произошло.

— Ладно, я пойду, — почувствовала я себя неловко. Вроде бы ничего и не было, а чувство такое, что меня бросили после первой брачной ночи!

Кутаясь в чужие меха, я осторожно открыла дверь, боясь наделать лишний шум. В коридорах было пусто. Но эта пустота была обманчива.

Осторожной тенью я проскользнула в коридор, ведущий в мою башню. Я медленно шла, подметая чужим плащом и нервно считая ступеньки.

— Тридцать пять, тридцать шесть, — выдыхала я, чтобы успокоиться.

Что произошло? Кто-нибудь мне объяснит?

Я толкнула дверь плечом, вваливаясь в комнату. На полу сидели волки. Один из них почти лишился хвоста. Зато Титикака сплевывал добычу. И требовал еще. Он точно видел второй хвост. И его не обманешь.

В тот момент, когда дверь скрипнула, закрываясь, волки вскочили и обернулись людьми. Они стояли и смотрели на меня круглыми глазами.

На секунду мне показалось, что меня просто не чаяли увидеть живой.

— Сама в шоке, — заметила я, показывая на королевскую шкуру.
— Он живой, все нормально...

— Ты... ты... — переглянулись волки, потеряв дар речи.

1.3.

— Нет, а что я могла поделаться! Странные вы! Зато у меня есть хорошие новости, — заметила я, не спеша расставаться с теплой шубой. мех был мягким, приятным. Создавалось чувство, что я в домике.

Волки все еще смотрели на меня и молчали.

— Теперь я точно знаю, как они охотятся! Нет, не то, чтобы учебник смогу написать, — продолжала я, беря на руки Титикаку. — Так, статейку. Но это лучше, чем ничего! Ой, ребята, не смотрите вы так. Нет, когда меня бросили на ковер и едва не хрустнули горлом, сознаться, было страшно. Но потом нормально... Я понимаю, тут мне уже на поминки всем замком скинулись, но рано, ребята! Я еще поживу, с вашего позволения... Ой...

Я зевнула, отдавая на растерзание юному охотнику за хвостами, свой палец.

— А у вас как дела? — спросила я, глядя на волков.

Либо они шерстили в памяти словарный запас, либо до сих пор не могли отойти от новостей, что видят меня живой, здоровой, целой и слегка расстроенной. Да, я была расстроена. Эта разительная перемена заставляла мои мысли кружиться коршунами вокруг того, что я сделала не так? Куда делась убийственная страсть, и откуда, простите, взялась эта холодная вежливость.

С женщинами так шутить нельзя! Стоит вам не так посмотреть, сказать не с той интонацией, как все! Женские мысли уже не остановить!

И тут я увидела, как бородатый молча опустился на колени, Брат последовал его примеру.

— Нет, я понимаю, нянин труд в почете, и сидеть с ребенком — это равносильно разгрузке трех вагонов, — заметила я, слегка удивляясь.

— Ваше Величество, — прошептал бородатый, не поднимая глаз.

— Где? — перепугалась и удивилась я, обернувшись на дверь. — Ребята, не шутите так.

— Ваше Величество, — слышался голос безбородого. Он замер, не поднимая глаз. — Принц поел, поиграл...

— С вами все в порядке? Если на меня надели шубу, то это еще не значит, что в довесок к ней идет государство! — удивилась я.

Волки снова переглянулись.

— Прекратите! Шубу нужно будет вернуть. Мне ее просто дали, чтобы я дошла до комнаты! — заметила я, придерживая драный корсет. — А то в процессе охоты пострадало одно бальное платье. Если можете, передайте шубу назад, а я пока в обычное платье переоденусь! А то неловко получилось...

— Назад?! — ужаснулись волки. — Да он тебя за такое растерзает! Он только что объявил вас своей невестой!

— Фто-о-о-! — поперхнулась я кусочком овощей.

— Это древняя традиция... — наперебой начали волки. — Мы хотели тебе рассказать, но были уверены, что до такого не дойдет!

— Я что? Настолько плохо выгляжу? — спросила я, пытаюсь снять чужие меха.

— Не снимайте! — взмолились волки, глядя на меня. — Иначе это будет расценено, как отказ. А они отказ не прощают!

Глава восемнадцатая. Нет, уж лучше тайной наложницей!

Я сделала глубокий вдох, обычно спасающий чью-то жизнь.

— Малыш, — нежно шепнула я на ушко Титикаке, который упорно решил закончить начатое дядей.

— Друзья мои, — очень добрым голосом произнесла я, глядя в желтые глаза волков. — Я теперь как бы невеста, да? Я имею право приказывать? Видимо, да. Так вот! Я не приказываю! Я требую, чтобы вы мне составили справочник туриста, где бы были указаны все традиции вашего королевства!

— Что такое «туристы»? — спросили меня. — Мы скоро сами будем требовать, чтобы вы составили список слов, которые вы употребляете!

— Вам как? Отдельно цензурные? Отдельно нецензурные? — спросила я, затыкая малышу ушки и тут же сообщив, что такое «туристы».

— А что такое горнолыжный курорт? — спросили у меня с явным любопытством.

— Это когда люди спускаются вниз с горы на лыжах! — пояснила я, погладив мое пушистое сокровище по непоседливой попке.

— Это такая казнь... Как у нас... — шепнул безбородый бородатому. — Ну, помнишь? Тебя привязывают к палкам и спускают с горы.

— Понял, понял! — закивал бородатый.

Я так понимаю, что в этом суровом мире сборная по синхронному плаванию до этого была революционерами. И учатся они плавать синхронно с камнем, привязанным к ногам.

— Хорошо, мы постараемся. Но на это уйдут годы! — заявил бородатый. — Это очень древнее государство!

— Я бы даже сказал, десятилетия! — согласился безбородый. — Вы согласны ждать столько?

— Понятно, — выдохнула я. — Давайте про шубейку!

Вот надо ж было! Если бы подруга выходила замуж за каждого, кто дарил шубу, то ее кот, гадя в ботинки, с удивлением замечал, что

они быстро меняются!

— Расскажите, все как было, — заметил бородатый. — Просто шуба еще может означать...

Мои глаза округлились! Она еще что-то означает?

Я начала свой рассказ, вспоминая, как его величество резко остановился.

— Знаешь, если бы ты согласилась стать «тайной наложницей» и отдалась ему, то короны ты бы никогда не увидела, — переглянулись волки. — На наложницах никогда не женятся. Они навсегда остаются наложницами. Особенно «тайные».

1.1

— Ага, настолько тайные, что весь дворец знает и может безошибочно показать, кто тут самая тайная любовница! — заметила я, видя, как Титикака устраивается в чужой шубе.

Он блаженно терся об нее. Я с подозрением провела рукой по меху, проверяя, нет ли здесь традиции, пускать надоевших родственников на шубы. Вроде нет. Хотя, кто его знает!

Если что, из меня получится так себе шуба. Если все — таки решат пустить меня на шубу, то пусть предупреждают заранее. Чтобы я смогла отрастить шерсть на ногах!

— Не всегда. Иногда даже о наличии любовницы не догадываются даже особо приближенные, — заметили волки.

— Погодите, если бы я поддалась неземной страсти, то осталась бы тайным носочком, который периодически меряют втайне от законной супруги и остальных? — ужаснулась я.

— Мы немного не поняли, — вздохнули волки, пока Титикака всосался в шубу ни на жизнь, а на смерть. Она мняла ее когтями и блаженно посасывал.

— Хорошо, я была бы влажной салфеточкой, которой втайне вытирают... — начала я, вспомнив, что в другом мире. Очень трудно, когда ты привык к одному, а тут совсем другое!

— Я понял вас. Да, — кивнул бородатый.

— Отлично, — согласилась я. — Мне теперь до свадьбы в шубе бегать? Или можно будет мыться без нее? Нет, просто если свадьба летом, я сама слегка озверю! По жаре ходить в шубе! — возмутилась я, втайне поражаясь.

Он решил на мне жениться! Не может быть! Я еще не знала, радоваться или плакать. «Давайте будем радоваться тихо!», — посовещались душа, разум и сердце. И утащили тихую радость куда-то в глубины души.

— И теперь положение обязывает его величество относиться к вам как к невесте, — пытались объяснить волки. — А не как к наложнице. Вы имеете право стоять рядом во время церемонии. Вы

имеете право не делать поклоны в его присутствии... Вы имеете право появляться рядом с ним в открытую и сопровождать его везде...

— Он хоть не замерзнет? Или у него шуб на целый гарем припасено? — спросила я, рассматривая дорогую вышивку. И счастливого Титикаку, который сожрал уже половину.

Мне не ответили.

— И что дальше? Могу ли я снимать эту шубу? — спросила я.

— По древней традиции, если кто-то увидит вас без нее, то это будет означать, что вы опорочили свою честь, — заметил бородатый.

— Я сегодня чуть не опорочила не только честь и совесть, — заметила я, вспоминая поцелуй. У меня до сих пор от него колени трясутся.

— Так что в ваших интересах, оставаться в ней до свадьбы, — объяснили мне волки. — Тут дело не сколько в шубе, а сколько в запахе... Это древняя традиция. У нас, например, мужчина волк дарит понравившейся девушке свою одежду, которую невеста обязуется носить... Чтобы на ней остался его запах. Это означает, что она теперь принадлежит ему!

1.2.

— И все определяют это по запаху! Да? — удивилась я, принюхиваясь к себе. Скажем так, я не понимала ничего. Ну шуба, как шуба. Пахнет шубой!

На меня смотрели так, словно уже догадывались, как я таскала у своих несостоявшихся женихов носки и рубашки. Правда, чистые, но все же! Судя по запаху, на меня претендовал порошок и кондиционер для белья!

— О, запах будет! Это я вам обещаю! Мне уже жарко! — заметила я, глядя на горящий камин. Если раньше он казался мне лучшим другом, то сейчас, в свете помолвки, моим злейшим врагом.

— А кого я хоть ношу? — спросила я, проверяя рукой мех. — Чей мех?

— Это мех первого зверя, убитого его величеством, — гордо заметили волки. — Вот. Я тоже ношу своего первого зверя. И брат носит!

Я посмотрела на коврики из Икеи, и вздохнула.

— И однажды, наступит день, когда мы подарим это своим невестам! — обрадовали меня. — Так что первый убитый зверь всегда ценен! Ладно, мы пойдем...

Волки покинули свой пост и собрались возле двери, поклонившись.

— Давайте без церемоний, — выдохнула я, глядя на целиком довольного моей помолвкой Титикаку. Вот, кто-кто, а он был просто в восторге, валяясь в шубе и намекая, мол, мама, выходи замуж почаще!

— И как мне теперь помыться? Хорошо! Спрошу проще! Как мне снять это платье? — проворчала я, решая, что делать с камином.

— Так, Титикака! Мама пытается снять платье, которое порвал Титикака-старший, — усмехнулась я, пытаясь стянуть его вниз. Что-то в платье хрустнуло, и оно упало на пол.

— Есть такая высокая мода, — заметила я, глядя на белоснежную шубу с роскошным мехом. — Шубу в трусы заправлять!

Я провозилась со стрингами и шубой, наматывая ее по обе стороны от бедер.

— О, как хорошо, — простонала я, глядя на босые ноги. — Так! Куда вываливаешься!

Мне пришлось заправлять шубу снова. В белой роскошной шубе и трусах я выглядела, как развратная Снегурочка с очень взрослого корпоратива.

— Первый зверь, убитый на охоте становится шубой... Отлично! Давай мы будем думать, что та мышь, которую ты поймал у нас дома, все-таки выжила! — заметила я, вспоминая, как придя домой обнаружила по приходудохлую мышь. — Мы будем думать, что она просто так уснула. С оторванной головой... И все мышки так спят! А то невеста будет очень рада, когда ты будешь дарить ей ... варежку из мыши!

Я представила, как вырастает мой Титикака, становится таким же красавцем, как его дядя, как видит красивую девушку, охотится на нее, а потом достает варежку из мыши: «Все, теперь ты моя невеста!». Я не хочу видеть лицо девушки в этот момент. Особенно, если она хорошо знает местные традиции!

1.3.

Я расхаживала вокруг купальни, мечтая принять ванну.

— Так, малыш, — прошептала я. — Стой на стреме! Сейчас мама сходит в туалет и примет ванну. Если что — рычи!

— Куда-а-а-а! Куда-а-а! — читалось в сонных глазах Титикаки, обнимающего двумя лапами растерзанную подушку. — Куда-а-а исчезла моя мягкая шу-у-убка...

Я зашла в ванную, как вдруг дверь чуть не вынес Титикака. Он был уверен, что мама идет на свидание к белому другу.

— Посиди пока в комнате. Одну минуточку! — взмолилась я, закрывая двери на погнутый королевской стражей засовчик.

— погоди, — прошептала я, пытаюсь закатать шубу повыше. — Мама сейчас вернется!

Я сидела и думала. Нет, ну мог бы подарить мне какую-нибудь варежку из мыши! Я бы носила ее на шее! Или в кармане! Нет! Шуба!

«Ха-ха!», — помирала судьба, просто валясь от смеха.

В памяти всплыл мой собственный голос.

— Нет, не всем же шубы и бриллианты! — спорила я с кем-то из девчонок по телефону. — Я, может, тоже хотела бы, чтобы мне шубу подарили, а не чахлый букет тюльпанов и открытку «С женским днем!». Но вот! Стоит в вазе! Дорог не подарок! Дорого внимание! Какую? Да, красивую, в пол... Эх, давай не будем мечтать о несбыточном! Белую... Чтобы прямо белую-белую... Нет, норковую я не хочу! А что за белый зверек такой?

«Ой. Не могу!!!», — ржала судьба, заставив меня скрипнуть зубами.

— И где ты раньше была? — спросила я, осторожничая с шубой.

— Шубу выбирала! — хихикнула судьба, как вдруг к моей ноге привалился Титикака.

Я мельком глянула на закрытый засов, потом на принца...

— А ты как сюда попал, дружок? — спросила я, видя, что он уже пытается откусить мне палец. — Дверь-то закрыта! Даже на засов!

На всякий случай я подошла и подергала дверь. Да, действительно, закрыта! Окно тоже было закрыто.

— А... — заметила я, ловя его на руки. — Ты проскользнул, пока мама отвлеклась на то, чтобы спасти шубу от двери! Да?

— Ур! — ответили мне, так боднув по носу, что у меня чуть искры из глаз не посыпались.

Видимо, он действительно прошмыгнул, пока я возилась с шубой. Попробуй дверь закрыть теперь.

Я сгребла шубу и Титикаку в белый ком, неся его в комнату.

— Тоже мне, невеста! У нас кольцо подарил и все! А тут запах, шуба... Мне срочно нужен тот, кто расскажет мне обо всех традициях! А то я могу еще и стать государственной преступницей ненароком.

В комнате было душно. Снег на окнах таял.

— Сейчас я изменю его величеству, — выдохнула я, обмахиваясь рукой. Погасить камин я не рискнула. Мало ли, а вдруг малыш простудится?

— Ладно, давай купаться. Не думаю, что случится что-то страшное, если мы осторожно снимем шубу и повесим. А потом наденем, как ни в чем не бывало! Может, все девушки так делают! Не будут же они ходить немытыми до свадьбы?

Титикака сидел и внимательно следил, не утащит ли меня какой-нибудь злой мыш? Если что — он готов принять неравный бой, зарабатывая невесте на вторую варешку.

— Лучше стринги с пушком, — заметила я, с блаженством растирая себя мылом...

Глава девятнадцатая. Церемония Имянаречения

В дверь резко постучались. Я выпрыгнула из воды, тут же натягивая на себя шубу и запахивая, ее как халат.

— Сейчас открою! — прошептала я, дергая засов.

— Не надо! Его величество просил передать вам: «Спокойной ночи!», — послышался голос бородатого за дверью.

Я что? Зря одевалась? Запахнув шубу и распахнув дверь, я вышла из ванной.

— Еще раз? Он просил передать мне спокойной ночи? — удивилась я. На него это было так не похоже!

— Ну, передайте ему тоже самое, — заметила я, немного удивляясь. Я уже боюсь спрашивать, что это за традиция! Как будто кто-то нарочно сидел и сочинял традиции, зловредно потирая ручками.

— И еще, — тихонько произнес волк. — Постарайтесь не испачкать шубу...

— Это еще почему? — так же тихо спросила я, мысленно гоняясь с топором за тем, кто придумывал эти традиции.

— Потому что если шуба будет испачкана, то значит, невеста не берегла ее. А это может послужить причиной больших неприятностей, — вздохнул волк.

— Кто бы сомневался! И снова у нас что? Традиция! — развела я руками. Тут чихнешь — традиция, повернешься — традиция!

— Не переживайте, вы скоро выучите их, — успокаивали меня.

— Если доживу, одним словом! Нехорошим, между прочим! — согласилась я.

Сон был беспокойным и очень нервным. Мне снился тот самый ирбис в снегах. Этот эпизод повторялся, как заезженная пластинка.

— Фу! — проснулась я, чувствуя, как мне жарко. — А потом принялась... Пахло большим «Фу!». Маленький пушистый преступник смотрел на меня честными глазами и зарывал в одеяла какашечку. Он достиг уже огромных успехов. Он испачкал лапу, вымазал простыню и ... шубу!

— Титикака! — возмутилась я, — Ты опять?

— Не опять, а снова, — посмотрели на меня честный глаза. Роскошный королевский горшок, больше напоминающий лоток чувствовал себя в углу, как забытая любовница. Не звонит, не пишет, расстраивает, одним словом.

— Ладно! — выдохнула я, таща Титикаку в сторону ванной. Вода уже полоскала лапу и промывала шерсть.

— Все, свободен! — выдохнула я, беря в руки шубу и украдкой снимая ее. — Ой, мама!

Я достала скользкое мыло и принялась отстирывать шубу. Как маленькая прачка, я корпела над пятном.

— А то подумает, чем я считаю эту затею! — заметила я, сплевывая волосы и прополаскивая мыльную пену. — Вроде бы чисто!

— Его величество просит вас прийти в зал вместе с принцем, — послышался голос за дверью, пока я пыталась через ноги натянуть платье.

1.1

— Отлично! — обрадовалась я, видя, как в комнату, низко опустив голову вошла та самая служанка, которую я недавно спасла от неминуемой смерти.

— Я все уберу! — слышался ее тихий голос. — Ваше Величество...

Странно, но я еще не королева, но обращаются ко мне, как к королеве.

— Вам просили передать, что сейчас пройдет церемония именная коронация принца. Она пройдет втайне, — слышался голос бородатого. — Для церемонии все готово. Ждут только вас и принца.

— А как на счет людей? — удивилась я, глядя на Титикаку, который пытался мышковать на какашечно — простынных просторах, мешая служанке убирать грязные покрывала.

— Его величество хочет покончить с этим как можно быстрее. Люди, как сказал, его величество, облизнуться! — негромко заметил бородатый. — Я не знаю, чем это обернется...

— Его величество и так народ не любит, — заметила я, вспоминая его же слова.

— Народ не любит никого. Думаешь, его брата народ любил? — усмехнулся бородатый. — Он полюбил его только после его смерти, когда вместо золота с балкона, людям пришлось платить налоги. Поэтому они надеются на принца. Они верят в то, что он будет таким же ... недальновидным, как его отец. Вот отсюда и проистекает народная любовь.

— Вы хотите сказать, что посадив на трон несмышленного ребенка, — задумалась я. — Придворные смогут мастерски им управлять?

— Вот видите, вы сами догадываетесь о положении дел, — вздохнул бородатый. — Народ просто любит маленького принца. А придворные очень хотят этим воспользоваться.

— А где сейчас придворные? — спросила я, не видя в замке никого, кроме волков.

— Его Величество отослал их подальше, чем обидел их ужасно, — прошептал волк. — Но он прекрасно понимает, что каждый посторонний человек рядом с принцем — это дополнительный риск. Вот поэтому они и подняли народ. Всем важно знать судьбу принца... Даже иногда важнее, чем судьбу собственного ребенка...

Я задумалась. Это было действительно правдой. Не нравится мне эта ситуация...

— Можете не наряжаться. Церемония пройдет тихо. Без лишнего шума, — заметил бородатый. — Вы готовы?

— Пойдем, малыш, — прошептала я, прижимая Титикаку к себе. — Ты, главное, ничего не бойся.

1.2

«Потому что мама ужасно боится за тебя!», — мысленно добавила я, неся Титикаку в сторону зала. Мои гулкие шаги отдавались в огромных коридорах. Попадающиеся на пути слуги, сгибались в поклоне. Я просто вздыхала, глядя на их головы. На некоторых служанках были коврики, похожие на полушубки. На некоторых нет.

— Значит, кто-то помолвлен, а кто-то еще нет, — подумала я, понимая, что с одной стороны это очень удобно!

Передо мной впервые в жизни открыли двери в огромный, мрачный зал, похожий на царство снежной королевы. Сначала я думала, что это лед, а потом поняла, что весь зал сделан из камня.

Прямо в центре зала стояло нечто похожее на зеркало без стекла. Заиндевелая, покрытая сосульками рама была круглой. Сквозь нее виднелась противоположная стена. Возле странного зеркала стояло Его Величество. Он вежливо улыбнулся мне, а потом сделал вид, словно меня не замечает.

Я вопросительно посмотрела на его новую шубу. И вздрогнула, когда за спиной закрылись огромные двери.

Мы казались такими маленькими в этой огромной пустой зале. Я подняла голову вверх, пытаясь увидеть, где спрятался потолок. Прямо на зеркало падал луч света. А откуда-то сверху падали белые снежинки.

— Это то, что осталось от великанов, — слышался голос бородатого. Хоть и говорил он тихо, но мне показалось, что он кричит. — Понадобилось много столетий, чтобы разгадать секрет оракула...

— Заклинание тишины готово, — слышался голос его брата. — Во дворце никто ничего не должен слышать.

Мой взгляд буравил спину в белой шубе. Это что еще за новости? Он ведет себя так, словно разводиться собрался, а не жениться.

Если честно, то мне это не нравилось. Титикака сидел у меня на руках, пытаясь поймать ртом снежинки.

— Мы будем звать мага? — спросил негромко один из волков.

Только сейчас я заметила подставку со старинной обледеневшей книгой.

— Я сам справлюсь, — слышался негромкий голос его величества.

Он направился к постаменту и встал за него. Его ледяной взгляд остановился на нас с принцем.

— Это такая традиция, — пояснил бородатый. — Жених и невеста до свадьбы не должны как бы проявлять друг к другу особых чувств. И не должны до свадьбы спать в одной постели...

— У вас есть некромант? Он может найти того, кто придумал эти традиции, воскресить его на пару минут, чтобы я забила его лопатой! — вздохнула я, видя, как начинают вспыхивать на стенах огни.

Книга под бледной рукой засветилась, а зеркало стало оживать. Голубой огонь пробежал по раме, оставляя сверкающие искры.

— Погодите, — прошептала я, видя, как внутри рамы собирается сверкающий сгусток, похожий на шаровую молнию.

Я недоверчиво смотрела на руку, лежащую на книге.

— Он что? — прошептала я, не сводя взгляда с будущего мужа. — Маг?

Глава двадцатая. Оракулом вас всех!

Мне не ответили, но ответ казался очевидным. Стусток, похожий на шаровую молнию, ожил, стал вертеться, потрескивая, как старый приемник.

— Мы пришли, чтобы узнать судьбу принца, — произнес Его Величество. — Скажи ее нам!

— Сначала скажите имя, — произнес женский равнодушный голос с подвыванием. Если честно, то у меня мурашки по коже пробежали. Такое чувство, словно там сидит гадалка!

— Северный мрак, Раздирающий Врагов, Смертоносный Коготь Морозной Ночи, крадущийся в снегах, ужас Севера... — перечисляли кровожадные подробности дальше.

— Rrrrr! — послышался голос Титикаки.

— Нет! Он не считает это своим именем! Оно ему не нравится!

— Тогда, — замерла я, когда все смотрели на меня. — Титикака...

На меня еще раз посмотрели так, словно в роду как раз не хватало Титикаки.

— Я не позволю назвать ребенка таким странным именем! — послышался голос Его Величества.

— Между прочим, — я посмотрела на своего жениха. — В моем мире у одного древнего народа это имя означало Каменный Горный Лев... Или каменная пума... Есть еще одно значение, которое тоже рассматривают... человек из пепла... Был такой народ, который поклонялся пуме, как божеству. И назвал в честь нее озеро. Говорят, что из этого озера родилось божество, создавшее целую цивилизацию...

— Каменный Горный Лев, Человек из Пепла? — произнесло Его Величество, задумавшись.

Ну, разумеется! В нем не было когтей-зубов, разрывающих разные части тела, ужасов, кошмаров и смертей, затаившихся в ночи, снегах, за спиной или в темноте. Короче, не было в нем ни стоматологических и маникюрных подробностей, приправленных многообещающими подробностями кровавой расправы.

С точки зрения местных имя было очень скучным, так что вряд ли на него согласятся. Оно не звучало, как угроза, от которой кровь стыла в жилах или как предупреждение о том, что, когда ходишь, нужно постоянно оборачиваться.

— Хорошо, — выдохнуло его величество. — Пусть будет Каменный Горный Лев, Человек из Пепла.

— Нарекаю тебя, принц... — произнес оракул, зловеще растягивая слова. — Каменный Горный Лев, Человек из Пепла...

— Но мама будет звать тебя Титикакой, — прошептала я, целуя его в ушко.

В голубых глазах отразился явный интерес.

— Что до судьбы, скажу вам прямо, — снова стал зловеще растягивать слова оракул. В этот момент он стал серо-черным. Я почувствовала слабость, понимая, что в этом нет ничего хорошего.

— Скоро, о принц придет твой черед... — послышался голос. У меня руки затряслись. — Дядя родной тебя убьет...

Оракул вспыхнул и погас. Лишь отблески магии все еще бегали по стенам.

— Что? — прошептала я в воцарившейся тишине. Мой взгляд медленно полз в сторону его величества. Тот стоял, не шевелясь.

— Это ... это невозможно, — слышался голос бородатого. — Ваше Величество?

— Может быть, я не питаю особой любви к этому котенку. Может быть, он каждый день напоминает мне о предательстве. Но если бы я хотел его убить, я бы сделал это намного раньше, — слышался ледяной голос его величества.

Повисла тишина. Я прижимала к груди малыша, понимая, что сама за него убью, кого хочешь!

— Единственное, когда я могу убить его, — продолжило его величество. — Это когда он вырастет и решит отомстить мне за своего отца. И бросит мне вызов. И вот тогда я забуду про милосердие. Потому что у меня есть, для кого жить...

Взгляд скользнул по мне, заставляя замереть.

— И с этим ничего не поделаешь, — произнесло его величество, глядя на маленького принца. — Я не имею права отклонить вызов. И я приму его. Но пощады не будет. Предупреждаю сразу.

Я выдохнула, глядя на моих тигров. Большого и маленького.

— Поделаешь, — мысленно усмехнулась я, глядя то на одного, то на второго. — Еще как поделаешь!

Его величество развернулся и направился в сторону выхода из зала. Дверь грохнула так, словно кого-то пристрелили.

— Что будем делать с народом? Они требуют судьбу принца! И хотят присутствовать на церемонии, — слышался голос бородатого. Он задумчиво теребил коврик.

— А если переименовать принца? — предложила я. — Дать другое имя...

— Поздно, имянаречение уже состоялось. Церемония прошла. И оракул слово в слово повторит то, что сказал сейчас.

— Ауууу! — в отчаянии завыл безбородый.

— Не вой! — толкнул его старший брат, рыкнув.

Пока ни тихо рычали друг на друга, я гладила Титикаку по голове, словно пытаюсь успокоить. Но, казалось, его это не волновало. Может, потому что он еще маленький и ничего не понял. Мне бы хотелось в это верить...

— Мне кажется, что это бред, — громко произнесла я. — Пророчества часто не сбываются... Как там? Скоро, о, принц придет и твой черед...

Передразнила я оракул.

— погоди! — задержались волки, глядя на меня. Они забыли о том, что только что скалили зубы друг на друга, выясняя отношения. — Повтори, то, что ты только что сказала! И как ты сказала!

— Хорошо, — удивилась я, не понимая, зачем им это. — Скоро, о, принц придет и твой черед...

Я точно так же подвывала, растягивая буквы. Мой голос был зловещим и благодаря эху звучал очень правдоподобно... Так!

— Не может быть, — прошептал бородатый. — Почти один в один... Еще и эхо... А ну, скажи еще что-нибудь... Так же... Брат! Быстро приведи его величество и закройте дверь. Проследи, чтобы там никто не ошивался!

1.2

— Ваша невеста хочет вам кое-что показать... — переглянулись волки. — Давайте...

— Из лесу елочку-у-у взяли мы домой, — протянула я очень зловеще.

Как вдруг увидела, что лицо его величества меняется. До этого он явно был страшно зол, а сейчас смотрел на меня странным и долгим взглядом.

— Вы слышали? — сверкнул белозубой клыкастой улыбкой Бородатый. — Почти один в один...

— А что если... я буду оракулом? — спросила я, пристально глядя на его величество. — Мы сочиним пророчество, которое я прочитаю. Тут что-то засветится. Люди убедятся в том, что принцу ничего не угрожает и успокоятся!

В зале было тихо. Принцу было все равно на то, что творится вокруг него.

— ... и заклинание пустить, — обсуждали волки, размахивая руками. — Пусть здесь разряд висит... Нет, не похоже... Давай попробуем удержать заклинание, чтобы оно не разлеталось по залу... Может, иллюзия!

Я видела, как в зале вспыхивают «пробнички». Нет, а что не так? По-моему должно сработать!

— Что-то не так? — шепотом спросила я его величество, который стоял рядом и упорно делал вид, что не замечает меня. — Почему вы так себя ведете?

— Ты о чем? — едва слышно прошептал он, снова не глядя в мою сторону.

— Вы сейчас разговариваете с подсвечником. Но не со мной, — негромко заметила я, чувствуя, как принц нашел на шубе новую вышивку и ужасно обрадовался! «Как я тебя раньше не замечал?», — обрадовалось его высочество. И тут же принялось исследовать его на предмет «что еще может отвалиться»!

— Если я сейчас начну разговаривать с тобой, — послышался его тихий голос. — То нарушу древнюю традицию. Жених и невеста

должны вести себя так, словно встретились в первый раз...

А, то есть мы до свадьбы должны упорно делать вид, что слабо знакомы?

— К тому же в прошлый раз я еле остановился, — произнес голос его величества. На меня мимолетно покосились голубым глазом. — Ты же не хочешь, чтобы прямо сейчас я взял наследника, вручил его братьям, выпнул их за дверь, а потом мы с тобой долго и громко оскверняли древнюю святыню?

«Ждет вас до-о-олгая... жи... Смерть! Мучительная... Ик! Корона дост... Править му-му-му...», — рисовало мне воображение акт вопиющего вандализма на древнем оракуле и попытку предсказать судьбу по частям тела.

— Да нет же! Смотри! Если считать вот отсюда... — громко спорили волки. Безбородый отсчитывал шагами расстояние между книгой и спящим оракулом. — То не хватит!

Я почувствовала, как мою, не занятую Титикакой руку осторожно берут и скребут коготочком, словно рисуя им символы на моей ладони и запястье.

— То есть все настолько серьезно? — спросила я, чувствуя странное и очень приятное волнение. Неужели?

— Тебе лучше не знать насколько, — послышалась усмешка, а потом раздался тяжелый и глубокий вдох. — Поэтому я тебя очень прошу. Не стой так соблазнительно близко.

1.3

Меня облизали взглядом, чтобы тут же отвести его и сделать очень серьезное и каменное лицо. Мне кажется, или в королевской семье должен быть обязательный учитель по «покерфейсу»?

— И как далеко мне нужно стоять? — едва слышным спросила я, чувствуя, как каждое его слово рассыпается волнительными мурашками по коже. Нет, ну надо же! Мою руку отпустили, бросив мимолетный взгляд.

— Не спрашивай, — послышался все такой же тихий голос. Взгляд снова ушел в пустоту. Лицо стало гордым, холодным и неприступным.

— Я могу отойти на пару шагов, — шепотом предложила я, понимая, что впервые в жизни древняя традиция вызывает у меня столько странных волнительных и каких-то непередаваемых эмоций.

— Наивная, — послышался вздох.

— Мне встать в другом конце залы? — спросила я, стараясь не шуметь.

— Мне понадобится две секунды... — послышался ответ, от которого у меня внутри все перевернулось, словно я ухнула вниз на качелях.

— Зачем вообще нужна эта традиция? Волки мне ничего про нее не говорили, — прошептала я. — Что нужно стоять вот так вот...

Я-то была уверена, что он смертельно обиделся. А тут оказывается все настолько страшно, что мне тот час же захотелось бежать. Но бежать помедленней. И периодически оглядываться.

От звука его слегка рокочущего и вибрирующего голоса у меня внутренние органы качались, словно на качели.

— Эта традиция распространяется только на браки с людьми. Ее придумали давным-давно родственники невест, чтобы убедиться, что рядом с невестой жених не теряет контроль, — послышался тихий ответ. — Способны ли мы сдерживать внутреннего зверя, который смотрит на вас, людей, как на самую желанную, самую сладкую добычу? Способен ли зверь сдержаться его, когда вы просто стоите рядом... Может ли он сохранять спокойствие, когда вы стоите близко.

Не броситься на вас среди толпы гостей, разметав ее по стенкам, чтобы зубами и когтями сорвать с вас одежду и овладеть прямо там, где поймали.

Мне понадобилось пара мгновений это представить. И примерно минута, чтобы отойти.

Лично я не знакома с такой женщиной, которая смогла бы устоять на ногах после таких слов. Хотя нет, знакома! Она стояла у нас в парке и держала весло. А под ней была клумба! Ой, чувствую, мне придется у нее поучиться.

— А что? — предельно тихо и осторожно спросила я, медленно выдыхая. — Такие случаи уже были?

— И не раз, — слышался шепот.

Глава двадцать первая. Горный лев и трепетная дань

— Поэтому на свадьбах с человеком всегда есть так называемая охрана со стороны жениха. Или друг, который помешает ему это сделать прямо в зале, — слышался голос.

Я никогда не думала, по поводу роли дружка и дружки в свадебной церемонии. На наших свадьбах у дружки было несколько имен: «Подержи букетик. У меня чулок сползает» и «Пошли со мной в туалет, платье поможешь подержать». У дружка тоже были имена «Эй, не пей!» и «Стой ровно!». А тут, оказывается, у дружка есть конкретная и понятная функция. Красавица — невеста в белом, соблазнительно платье и чудовище, которое пожирает ее взглядом. Тут тебе и драка на свадьбе, тут тебе и конкурсы интересные... Главное, что без тамады!

— А со стороны девушки на свадьбе есть... подруги? — с улыбкой спросила я. — Они что? Невесту держат? Или жениха отгоняют!

Я представила подругу с фигурой бодибилдера и дубинкой в руках, которая зыркает на жениха: «Ты только метнись, похотливый утырок!».

— Нет, надеются, что жених случайно ошибется и схватит не ту, — слышался голос его величества. — Часто родители невесты брали самых красивых служанок, одевали их так же как и дочь. И невеста со служанками в одинаковых платьях, стояла возле алтаря. На случай, если ее захотят похитить или убить. Именно тогда было очень много таких ошибок...

Султан женится на гареме.

— Я — результат такой ошибки... — усмехнулось его величество. — Но отец никогда о ней не жалел... Так служанка стала королевой вместо своей госпожи.

— А он мог ошибиться нарочно? — удивилась я, на всякий случай, обещая убить всех девушек в окрестностях.

— Он так и говорил, — заметило его величество с легкой улыбкой. — Что он ошибся нарочно.

И тут нас отвлекли от столь интересного разговора.

— Аууу! — взвыл младший волк, потирая руку. — Ты хоть предупреждай, когда заклинание бросаешь!

Они что-то мудрили, высчитывали шагами и обсуждали. Титикака рвался помочь! Как же так! Там что-то происходит и без него. Он недовольно ворчал, не желая больше сидеть у мамы на руках. Он требовал ему хрустящий молнией шарик.

— И чтобы книга вспыхнула! — слышался голос бородатого! — Смотри, он кладет руку сюда, книга вспыхивает! Просыпается оракул! И ее величество говорит... Потом принца выносят на балкон и показывают народу, объявляя его имя.

— А когда свадьба? — спросила я, пытаюсь представить, сколько мне еще шубу в трусы заправлять.

— Через десять дней, — слышался голос его величества. — Раньше нельзя.

— Дай-ка угадаю! Традиция? Да? — мрачно уточнила я, чувствуя, что мне жарковато в шубе.

— Я хочу, чтобы твои родители присутствовали на свадьбе. Вся твоя семья, — слышался голос его величества. — Без исключения!

1.1

— Дедушку выкапывать или так принести? — спросила я, намекая, что это плохая идея.

— Хорошо, пусть в сторонке постоит. Разрешаю не танцевать, — с непередаваемой иронией ответил будущий муж.

— Для чего тебе моя семья? — спросила я, на ходу придумывая отмазки: «Много дел в королевстве! Карета сломалась и стоит в гараже в разобранном виде!».

— Сейчас ты ответишь мне на три вопроса, — голос был суров и властен.

О, проснулось властное величество. Именно таким я увидела его впервые.

— Вопрос первый. Сколько бриллиантов было на свадебном платье твоей сестры? Сколько бриллиантов было в ее короне? — абсолютно серьезно спросили у меня.

Сколько ... чего?

Финансовое могущество моей семьи сводилось к трем квартирам. Моей однушке, сестринской трешки и родительской двушке и старенькому ведру с болтами, которое нужно полгода чинить, прежде чем съездить в магазин. И если при этом ты не заедешь в магазин за запчастями, то последующие полгода тебе будет нечем чинить машину.

Из активов у нас бабушка. Она — очень активная для своего возраста дама, способная перекопать нашу бескрайнюю фазенду в пять соток за два часа. Из пассивов покойный дедушка.

Сестра второй раз вышла замуж за бизнесмена средней руки, средней ноги... Все у него, короче, было средним, что расстраивало сестру, мечтавшую о большой-большой любви.

На первой свадьбе бриллианты были только в пожеланиях и в виде надписей на открытках.

На второй — всем подругам выдавали лупу, чтобы насладиться игрой бриллианта на пальце невесты.

— Не смотри на меня так, — улыбнулась я. — Я ... эм... вспоминаю! О, вспомнила! Много!

— Много — это сколько? — прищурилось его величество.

— Много — это... двадцать! — кивнула я, вспоминая дорогие свадьбы, на которые меня приглашали. Это если считать сережки, кольцо, украшение на шею и браслет, то было двадцать. — Но вот таких!

Я показала пальцами размер моей зарплаты и размер бриллианта. Для бриллианта было слишком много. А для зарплаты — слишком мало.

— Двадцать? — на меня смотрели удивленные глаза. — Тысяч?

— Двадцать. Всего, — честно ответила я, чуть-чуть соврав, что это была вовсе не свадьба сестры. — Они просто были редкие... Да...

Я имела в виду, что расстояние между бриллиантами было достаточно большим.

— И за кого же ее выдавали? — удивилось его величество. — Хотя, пусть и двадцать, но редких камней, то вполне терпимо... Особенно, если камни очень редкие...

— Эм... Ну они в одном дворе жили... — пожала я плечами, вспоминая машину возле соседнего подъезда.

— Придворный, понятно! — слышался обстоятельный голос. — Так, сколько золота отсыпал жених родителям?

Эх, нужно было сказать, что я не помню! Вот теперь и конвертируй микроволновку с грилем в золото!

— Я не помню, — вздохнула я, решив, что ответа на один вопрос будет вполне достаточно.

— Хорошо, — ответили мне.

1.2

Мне казалось, что он уже понял, что королевство у нас маленькое. И очень скромное.

— Сколько гостей присутствовало на свадьбе? — спросило его величество, пока в зале что-то вспыхнуло и затрещало.

На свадьбе присутствовало человек пять. Остальные уже отсутствовали! По уважительным причинам. Кто отсутствовал на полу, кто отсутствовал на танцполе, кто отсутствовал на стульях.

— Много, — заметила я, пытаюсь не ударить в грязь лицом.

— Держи руку на книге! — крикнул бородатый, вглядываясь в шаровую молнию внутри зеркала. — Похоже?

— Не знаю! Отсюда плохо видно, — отозвался его брат, бегая и суетясь вокруг оракула.

Кажется, я начинала понимать, почему «оракул» назвали именно так.

— Судьба... — послышался громкий голос настоящего оракула, который тут же задавили магией.

Видимо, слово «оракул» произошло от слова «орать!».

— Я услышал то, что хотел, — послышался задумчивый голос его величества. — Значит так, я не знаю, что считается у вас редким. На твоём платье бриллиантов будет двадцать шесть...

Вау! Двадцать шесть бриллиантов! Тоже неплохо! Ну, как бы для королевской свадьбы — это очень даже круто!

— Двадцать шесть бриллиантов? — кивнула я, чувствуя себя очень дорогой невестой.

— Двадцать шесть тысяч, — поправили меня. — У матери моей было двадцать пять тысяч...

У меня колени прогнулись, а в голове наступила звенящая тишина. Сколько-сколько? Двадцать шесть тысяч? Бриллиантов? Это куда столько! А вдруг отпадут? Мы что? Всем королевском будем конкурс проводить: «У невесты отпал бриллиант! Кто первый найдет, тот и заберет себе!».

— Куда столько? — обалдевшим голосом спросила я, все еще надеясь, что он шутит.

— На юбку и на корсет. Украшения и корону я считаю отдельно, — абсолютно спокойно ответили мне.

По спокойному голосу его величества можно было судить, то речь идет не о бриллиантах, а о том, кто пойдет за хлебом и заодно вынесет мусор. Мне до сих пор не верилось в такие масштабы. И я начинала их почему-то бояться.

— Каждый будущий король увеличивает число бриллиантов на тысячу. Так считаются династии, и измеряется их могущество, — пояснили мне.

Принцу придется уже двадцать семь тысяч. Бедный мой Титикака!

— Я пришлю официальное приглашение для твоей семьи, — послышался голос Его Величества.

«Мама! Мама! Я замуж выхожу! За короля!», — начала я мысленный разговор по телефону. «Иу-иу-иу!», — выехала за мной бригада скорой помощи.

«Мама! Мама! Он у меня умеет оборачиваться в тигра!», — продолжала я мысленный разговор в воображаемую трубку. «Иу-иу!», — вслед за первой скорой ехала скорая к маме.

«Точнее, я чуть-чуть неправильно выразилась! Это тигр, который умеет оборачиваться человеком!», — продолжала я. — «Нет, не Тигран! Тигран у сестры! У меня просто тигр! Он не совсем тигр... Он — ирбис! Просто у кого-то могут быть пятнышки, у кого-то просто один цвет, а у кого-то полосочки! Нет, у меня не две полоски! Пока еще! Нет, у тигра не стало на две полоски больше! Хотя, у нас уже есть малыш! Тоже тигр! Мам, я не могу привезти его тебе. Во-первых, мой муж будет не очень доволен. Во-вторых, он тебе весь диван новый покромсает. Нет, муж заплатит за диван! Не вопрос...».

И вот как мне это сказать маме?

Глава двадцать вторая. Короношапочка

Погруженная в мысли про то, как не обеспечить себе уютное местечко под присмотром санитаров, я смотрела на будущего мужа, а потом переводила взгляд на Титикаку.

Неужели у него поднимется рука на малыша? Нет, не верю! Пусть он не целует котенка в пушистую попу, но малыш ни в чем не нуждается. Хотя, мужское пример ему бы не помешал.

А то такими темпами будущей невесте Титикаки придется довольствоваться трусиками из пойманного в туалете паука (я не уверена, считается ли он полноценной добычей или нет!) и шубой из мышки.

— Готово! — послышался довольный голос. Бородатый бросился к книге и положил руку. Внезапно все вспыхнуло, засияло, а внутри зеркала появилась шаровая молния.

— Ничего себе, — заметила я, не видя разницы между настоящим оракулом и магией. Гордые братья переглянулись.

— Хорошо, собираем народ, — мрачно произнесло его величество. Он уже уходил, но его взгляд задержался на мне.

— Вы так смотрите, словно охотитесь на меня взглядом, — нервно улыбнулась я, помня про местные веселые свадьбы и занимательные конкурсы.

— Нет, что вы, — послышался ответ, обнаживший острые клыки в легком подобии улыбки. — Я просто доедаю вас поцелуем...

Он вышел, а я решила выждать время. Не хотелось наносить Титикаке моральную травму и объяснять, что это так дядя охотится на няню и пытается ее съесть, поскольку считает ее вкусной.

Вернувшись в комнату, я решила привести принца в порядок.

— Корона его высочества, — послышался голос служанки. На подушечке лежала серебристая корона с крупными синими камнями. — По традиции его высочество должен присутствовать в ней на всей церемонии.

Она поклонилась, спешно покидая комнату. Принц сделал «высочество» из одеяла, тут же потеряв интерес к роскошному

атрибуту власти. Еще бы! Мамина шуба стала его официальной фавориткой, опередив жеваного крота и кожаного ежа.

Корона выглядела, как на картинках.

— Неужели, она действительно из драгоценных камней, — присматривалась к ней я. После красивых и дешевых подделок сложно поверить в то, что камни настоящие, а не полированное стекло.

Огромные камни, похожие на королевские топазы просто притягивали взгляд и приковывали его.

— А ну-ка, давай корону померяем, — предложила я, юному высочеству. — Тебе придется сидеть в ней всю церемонию. Да, малыш...

У меня была робкая надежда, что корону на принца уже надевали. И не раз! Но она тут же рухнула в пропасть «вот было предчувствие!», когда корону взяли в зубы и прижали лапой.

— Ура! Новая игрушка! — обрадовался принц, пробуя на зуб это дорожное произведение искусств.

1.1

— Она же острая! — ужаснулась я, пробуя пальцем острейшие грани. Они были, как лезвия ножа.

Я чувствовала себя узурпатором власти, пытающимся отобрать у принца его законную корону. Я организовала восстание попы с кровати и поползла за убегающим в подушки его высочеством. Потом мятеж рукой по одеялу, требуя принца сложить полномочия и выплюнуть корону.

Буйный народ в лице мамы пытался изловить опального принца, лишить его короны и чуть-чуть казнить по попе. Но принц уносил корону в зубах, как бы подчеркивая, что просто так его не свергнешь.

В итоге революция, возглавляемая мамой победила. И мама протерла простыней слюнявую корону, пытаясь нахлобучить ее на голову принцу. Пережив процедуру коронации «ушки бы не зацепить!», принц мотнул головой, и корона покатилась по кровати.

Я уже поняла! Так дело не пойдет!

Штора лишилась красивой белой веревочки, а корона теперь напоминала шапочку с бантиком на подбородке.

— Это, чтобы ушки не мерзли, — заметила я, делая красивый бант.

— Быдым! — мотнул головой принц, но корона не упала. Маленькая лапа пыталась содрать ее. И когда у нее ничего не вышло, на помощь пришла вторая.

— Ар-ар-ар! — возмущался принц, елозя лапами по ушам.

— Мы ее обязательно снимем, — убеждала я Титикаку. — Но пока придется посидеть в ней! Договорились?

Только я наклонилась, чтобы поднять любимого ежа в качестве утешительного приза, как вдруг мои глаза расширились. Рот открылся в беззвучном крике. А я застыла на месте в позе радикулитницы.

Весь словарный запас бережно перебирался, чтобы пощадить детские уши.

— Ой, как же так, то! — выдала я, самое подходящее для детских ушей выражение. На меня смотрел маленький бык, решивший, что

попа мамы — самое лучшее, куда ее можно боднуть для заряда бодрости. А то мама что-то какая-то вялая сегодня!

— Не надо так делать, — намекнула я юному буйволу, видя, как он, возомнив себя парнокопытным, бросился на подушки, вспарывая их и «поднимая на рога». Забава так понравилась малышу, что он уже искал, куда бы прицелится и войти.

Робкий стук в дверь возвестил о том, что на пороге мнется новая жертва. Принц радостно соскочил, как вдруг послышался голос служанки.

— Мы принесли ваше платье..... Ай! — послышался душераздирающий крик, переходящий в протяжный волчий вой.

1.2

— Привет с большого бодуна! — усмехнулась я, видя как юный коронованный бык узнал, что такое коррида.

— Простите, — ужаснулась служанка, прыгая на одной ноге. Довольный Титикака решил подождать следующую жертву. И за дверью не заржавело! Откуда ни возьмись, набежали служанки, чтобы соорудить у меня на голове замысловатую прическу. Я сидела, глядя в зеркало, но не на свое отражение, а на комнату, в которой высматривала непоседливого принца.

— Не вертитесь, ваше величество, — слышался голос одной из служанок. Она пыталась что-то соорудить из моих волос навесу.

Я ожидала услышать, что если я буду вертеться, то прическа не получится.

— Мы не имеем права прикасаться к подарку его величества, — пояснила служанка. Поэтому просто сидите ровно, прошу вас!

И только сейчас я заметила, что к шубе служанки действительно не прикасались, стараясь тянуться ко мне с расстояния нескольких шагов. Я чувствовала себя бомжом в трамвае. И это чувство усиливалось с каждой косичкой на голове.

— Мне нужно посмотреть, где там принц? — выдохнула я, заметив, что Титикака исчез с горизонта.

Как вдруг раздался писк: «Ай!». Следом запищала еще одна служанка: «Ой!». «Ыыыы!», — выдала третья. И я успокоилась. Юный буйвол нашелся.

— Ай! Ыыы! Ой! Ой! Ай! — мужественные служанки сплетали на моих волосах прическу.

— Малыш, — взмолилась я. — Прекрати! Не видишь, что девочкам больно!

— Ничего-ничего! — стали убеждать меня служанки. — Мы потерпим!

«Будущий руководитель хора», — вздохнула я, терпеливо ожидая конца приготовлений. Прическа закончилась раньше, чем я. И это радовало, так как шея уже порядочно затекла.

Служанки исчезли, а я смотрела на платье. До церемонии еще было время.

— Так, а где тут перед, а где зад? — спросила я у платья, не видя четких обозначений. В мире есть много сомнительных кофточек, но даже подлые производители всегда намекают, где тут что хотя бы этикеткой! Но здесь этикетки не было, поэтому я решила в будущем просто попытаться судьбу.

— Ваше Величество... Ай! — послышался голос бородатого. Он запрыгал на одной ноге, пока резвый принц мотал головой, яростно пытаясь поднять его на рога.

— Попробуйте изобразить оракул. Чтобы мы послушали. Пророчество мы уже составили! — ткнули мне в руку бумажку. Почерк был явно врачебный. Таким почерком выписывают рецепты самые опытные врачи.

В последний раз, когда я простыла, мне выписали «шишигадку» и «машагон». Я не знала, как «шишигадка» помогает при простуде. И чем полезен «машагон». Но зато я точно знала, что принимать их нужно три раза в день. «Шишигадку» до еды, «машагон» — после. Можно так же на ночь выпить таблетку «Машагона».

Криптологи из аптеки развели руками. Даже их опыт оказался бессильным против «шишигадки».

1.2

— И... ши... — читала я, напрягая зрение. — Принц... ил...

— Кто это вообще писал? — ужаснулась я, понимая, что мне нужен автор. Волки молчали. Лишь изредка охали.

— Это что еще за буква... Покажите мне прописи с ней! Покажите и сожгите, — бормотала я, пытаюсь разобрать слова. — Это ж какой герой додумался...

Волки расступились, а в комнату зашло его величество.

— Я! Давай сюда!

Через десять минут я была в зале. Тренировала связки, чтобы желать принцу всего самого наилучшего.

— Подвываний больше, ваше величество, — заметил бородатый.

Я стала подвывать, вслушиваясь в страшный до мурашек звук собственного голоса. Вроде бы и пожелания хорошие, но звучат жутко.

Старательно повывая и делая голос таким, словно я не долгих лет правления обещаю, а мучительную смерть, я почти охрипла.

Титикака сидел на руках у его величества и радостно сосал новую накидку.

— Ну все? Всех все устраивает? — спросила я, а мне озвучили план. Сначала я прячусь, потом меня осторожно выводят и презентуют, как будущую королеву.

Стоило мне подойти, как Титикака переехал мне на руки. Шубу его величества украшали слюнявые сосульки.

— Гости уже собираются! — послышался голос волка, вбежавшего в зал.

Отлично! Я уже бегу одеваться. Ступеньки до двери нашей комнаты казались бесконечными. Стянув с себя платье и перешагнув через него, я стала рассматривать торжественно нарядное. Оно сверкало мелкой вышивкой.

— Где перед? — спрашивала я у платья, рассматривая вышивку. — Ты перед?

Платье молчало. Видимо, оно было очень скромным в глубине души.

— Может, это перед? — спросила я платье.

Мир не состоял из детских колготок, где одна полосочка — перед, а две — зад. Поэтому я приняла решение пробовать. Если я почувствую легкий дискомфорт, то это зад. Этот принцип меня еще никогда не подводил! С трусами точно!

Я затаскивала платье на себя, пытаюсь влезть в рукава.

— Кажется, это зад! — заметила я, чувствуя себя крайне неудобно!

Платье проворачивалось на фигуре, словно гайка по резьбе.

— Ну-ка? А так? — спросила я у себя.

Эксперименты намекали. У будущей королевы сразу две задницы. Спереди и сзади. И спросить не у кого!

— Эй! — крикнула я в дверь. — Есть кто? Помощь нужна!

В ответ прозвучала тишина. Видимо, все готовились к важному ритуалу.

— Ладно, — повертела я платье. Через минуту я смотрела на очень аппетитное декольте, мечтающее выпрыгнуть из платья навстречу любовным приключениям. Все было строго, как в любовном романе. Стоило мне поднять руки, как мужчины бы падали к моим ногам. Дохлые и без глаз. А один ревнивец вытирал бы окровавленные когти о свежий труп.

— Сам предложил! — заметила я, снова возвращая грудь на место.

Глава двадцать третья. Няня переписывает историю!

— Ваше величество! — кричали уже не лестнице, намекая, что все собрались! Вы готовы?

— Ко всему! — мрачно заметила я, пытаюсь поймать Титикаку. Он каким-то чудом развязал корону и теперь учился прыгать с кровати на пол.

— Иди сюда, малыш, — прошептала я, пытаюсь поймать непоседу. — Шапочку — корону надеваем!

— Аррр! — прихватили меня зубами за руку, протестуя против произвола и насилия над игривой личностью.

— Шапочку — корону надеваем, а не то простудишься и заболеешь. В темнице, куда сажают свергнутых принцев! — убеждала я, пытаюсь завязать бантик посимпатичней.

Заправив грудь обратно в корсет, я взяла Титикаку и прикрыла им все бесстыжие и любопытные прелести, мечтающие вылезти и себя показать да мир посмотреть! Если по поводу «мир посмотреть» я не имела ничего против, то на счет «себя показать» очень даже имела!

Самой любопытной была почему-то левая прелесть! От нее я такого не ожидала!

— Пойдем, не бойся! — шептала я, чувствуя, что у меня от волнения ноги подкашиваются и язык заплетается.

Стоило мне в сопровождении служанок дойти до переполненного зала, как вдруг я услышала крики на улице. Ничего себе! Я выглянула видя просто тьму-тьмущую народа!

Холодный и пустой замок превратился в оживленный вокзал, ожидающий прибытия поезда.

— Принц! Принц! — скандировали люди, пока я пыталась представить масштабы церемонии.

— Давай сюда, — послышался тихий голос. Меня уводили в какие-то покои, где нас уже ждало Его Величество. Я торжественно передала Титикаку дяде. «О! Вторая любимая шуба!», — обрадовался Титикака, тут же с наслаждением отправился по иссосанным тропам.

Нас оставили наедине.

— А вдруг не получится? — нервно прошептала я, зябко кутаясь в шубу. От платья виднелся только пышный подол. — Вдруг я что-то не так скажу? Вдруг не поверят?

Жизненный опыт подсказывал. Можно репетировать сколько влезет, но мастерски облажаться на выступлении.

— Запомни, — прочесала мне волосы рука с когтями, разрушая строгость прически. — Если что-то не получится, если что-то пойдет не так, если ты забудешь или растеряешься, тогда я убью...

Ой, не нравится мне это начало! Бррр!

Меня взяли за подбородок и приподняли голову, словно собираясь поцеловать.

— Всех, кто присутствовал на церемонии за исключением стаи, — абсолютно спокойным голосом, словно мы обсуждаем, что купить к чаю, произнесло его величество.

Я замерла в ужасе и растерянности. Я ожидала услышать: «Я тебя убью!». И даже мысленно готовилась к этому...

— Стража закроет дверь, и я покажу принцу, что такое королевская охота. А впечатлительным няням на это лучше не смотреть, — слышался шепот возле моих губ. — Поэтому, если ты видишь, что я зол. Четыре шага в сторону и "Ах! Какой красивый у нас потолок, оказывается!". И еще... Постарайтесь до свадьбы не стоять ко мне близко... Это моя личная просьба... Потому что....

Его Величество не договорил. Меня даже не поцеловали. Меня просто... лизнули, на мгновение приоткрывая языком мои губы. А потом резко удалились.

Я не знаю, сколько я простояла, прикасаясь рукой к своим губам. Но дверь открылась, а меня взяли в оборот два волка.

— Ничего не забыла? Все помнишь? — с двух сторон шептали они, ведя меня по потайной лестнице. До нас начал доноситься гул, идущий из зала.

Чем ближе были голоса, тем сильнее прогибались мои колени. Публичные выступления не были моей сильной стороной. Начиная от первой линейки, где я рассказывала стишок про школу в большой — большой микрофон, а потом забыла и сказала то, что слышала от взрослых, когда у них что-то не получается. Заканчивая защитой диплома, когда я так перенервничала, что хлебнула воды из вазы с цветами.

— Ради двух пушистых поп! — убеждала я себя, придавая себе мужества.

Гул стал невыносимо громким. Он доносился откуда-то снизу. Я посмотрела в прозрачное окно, видя пеструю толпу придворных. Посреди зала стоял белоснежный трон, на котором сидело мое пушистое царство. Принц упорно пытался снять корону, как бы намекая, что к власти он не стремится. Но ему упорно не давали это сделать, пытаясь подставить свою руку.

— Давай! — послышался голос безбородого, когда я увидела, что оракул вспыхнул.

«Мы просто репетируем!», — подумала я и начала. Люди слушали внимательно мои завывания. Стоило мне закончить и выдохнуть, я поняла. В зале стоит тишина.

И нет, чтобы искренне порадоваться за принца и его долгие годы жизни! Придворные просто разразились жиденькими овациями. Кто-то крикнул: «Да здравствует принц!».

Все стали такими грустными и задумчивыми, словно кончились темы для обсуждения. И теперь с родственниками предстоит говорить о погоде за окном и самочувствии. Жить стало скучно. Жить стало не интересно.

— Быстрее! Ваше величество! — дернули меня. Я чуть не вывалила самое ценное, вставая и спеша по лестнице в зал.

— Пусть тебя блохи берут на абордаж! — проворчала я, замедляя шаг только возле двери.

Зал затих. Я поняла, что следом за первой новостью летит вторая. Кирпичом. Прямо в голову.

Но есть и третья новость, которую я хранила до момента, когда люди оклемаются от двух новостей сразу.

Я гордо шла к протянутой в мою сторону руке. Придворные смотрели на меня с нескрываемой ненавистью. «Кажется, это та самая!», — перешептывались они. «Да неужели! Это она!», — присматривались ко мне.

Один глаз каждого внимательно смотрел на меня, а второй косился в сторону его величества. Я, наверное, слишком недолго живу при дворце, чтобы научиться делать точно так же.

— Не смотрите так на меня, — громко заметила я, не выдержав взгляда незнакомого мужика. — А то у меня такое чувство, что у вас на меня восстание поднимается! Вам его подавить, как следует, или оно у вас само опустится?

Я усмехнулась, глядя на растерянное лицо придворного. Шепот стих моментально. Повернув голову, я встретила глазами с его величеством. Он смотрел на меня с нескрываемым восторгом.

Правильно. Нужно их сразу воспитывать!

«Еще не жена, а уже ведет себя, как королева!», — тихо-тихо фыркнул кто-то за спиной, — «Обещать — не значит жениться!».

— А пригласить, не значит отпустить! — пожала плечами я.

Ну и гадюшник! Правильно! Держать его подальше от принца!

Я подошла и встала рядом. И тут повалила очередь с подарками для принца.

— О, примите наш скромный дар! — слышался подобострастный голос. И красивый меч лег на ступени. Платье прошуршало, а чета удалилась.

— О, примите наш скромный дар, ваше высочество! — следующий в очереди тоже протягивал меч. — В честь церемонии имянаречения!

Подарки делились на три вида. Мечи, лошадки из дерева и украшения.

— Двадцать восьмой! — прошептала я, видя, как очередной меч кладут на ступени.

— Нет! Двадцать девятый! — вздохнуло его величество.

— Откуда двадцать девятый? — спросила я. — Их было двадцать восемь!

— Ты просто моргнула. Двадцать девять, — послышался голос рядом.

1.2

Я нервничала, понимая, что еще немного и наступит тот момент, когда я подпишу себе либо смертный приговор. Либо огромные неприятности!

При мысли об огромных неприятностях, мне стало как-то не по себе. Я посмотрела на будущий источник неприятностей и мысленно попросила у него прощения.

— Эти готовят восстание, тихо поднимают народ, — шепнул бородатый. Голубые глаза его величества медленно поднялись на побледневших гостей.

— С имянаречением, ваше высочество, пролепетали гости, спешно удаляясь подальше от ледяного взгляда.

— Я запомнил, — слышался мягкий и вкрадчивый голос. Взгляд

И вот настал момент, когда от лица принца его величество встал поблагодарить всех присутствующих.

Судя по интонации, непередаваемой цензурными словами, улыбке, которая иногда скромно украшала бледное лицо и атмосфере всеобщей напряженности, придворные хотели, чтобы его величество был неблагодарным. И просто отпустил их домой.

— На балкон, — слышался голос бородатого.

Извозчик впрягся и понес весьма подросшего принца в сторону процессии. Огромные ворота открылись, и мы очутились на балконе.

— Принц! Принц! — скандировала толпа, пока виновник торжества решил тихо всхрапнуть. Он устал, все отстаньте. «Закругляйтесь!», — зевнуло пушистое чудо, свернувшись на моих руках.

«Вы там скоро?», — сонно и недовольно посмотрели голубые глазки. Я начинала узнавать это взгляд.

Малыш потянулся. Лапа уперлась мне в подбородок. Вторая отогнула корсет.

Его величество был прекрасен и краток.

— Подними малыша повыше, — лизнули меня взглядом, а я направилась в сторону балюстрады.

— Ура!!! — разразилась толпа. Маги стояли наготове. Его величество повел плечами, словно готовясь к прыжку.

Настроения в толпе менялись. Они то роптали, когда видели его величество, то радовались, когда видели маленького заспанного принца. Одиночный крик «доло й!», утонул в гуле голосов. По толпе шел недовольный ропот. Придворные, которые высыпали вместе с нами на балкон, улыбались. Но ровно до тех пор, пока на них не поворачивались голубые глаза.

Пора! Потом еще спасибо скажут!

— Я, как будущая королева, заявляю! — наконец-то произнесла я, когда народ притих.

«Долой узурпатора!», — слышались голоса в тысячной толпе.

— Долой его королеву! Он убьет принца!

— Как будущая королева... — громко заявила я, внутренне сжимаясь от страха. — Я знаю, что вы все переживаете за судьбу принца. Я тоже за нее очень переживаю! Поэтому...Я заявляю, что принц будет усыновлен нами!

Я набрала воздуха в грудь.

— Мы с его величеством решили его усыновить! Теперь — это наш сын! — выкрикнула я.

1.3

В толпе стояла гробовая тишина. Слышно было даже, как кто-то чихнул.

Народ не знал, как реагировать. У меня тряслась коленка, но этого никто не замечал.

— Пойдем, малыш, — прошептала я, возвращаясь на место.

Улыбки на лицах придворных тут же поникли. А что не так? «Бедного принца мучают, бьют, голодом морят? Бедный маленький узник — сирота, которого никто не любит!», — сочувственно посмотрела я на собравшихся на балконе. Ну конечно люди соберутся, если им такое рассказывать. А тут все просто, доступно и понятно. И, главное, без испорченного телефона дворцовых сплетен про несчастную судьбу малыша.

Я гордо направилась в сторону неприятностей. Меня просто исполосовал взгляд голубых глаз. Живого места на мне не оставил.

Мы уходили обратно в замок. Толпа расходилась по домам. Я старалась идти так, чтобы между мной и буравящим меня взглядом оставался хоть кто-нибудь из волков.

Я знаю, это огромный риск. Но если все будет хорошо, то он положит конец народным волнениям!

Я прекрасно осознавала, что его величество ни за что бы не одобрил моего решения. Слишком предвзято он относится к племяннику. И вполне возможно, предупреди я его заранее о своей речи, мне был не дали бы слова. Но сейчас, когда все свершилось, я вместе с Титикакой поспешила в сторону башни, как вдруг меня остановили.

Гости уже разошлись. Зал опустел так же быстро, как и наполнился. Меня, словно под конвоем вели в по коридорам в сторону покоев его величества.

— За что они его так ненавидят? — спросила я едва слышно.

— За то, что когда он сажал на трон своего брата, он вырезал целыми династиями. Король не должен был пачкать руки в крови. Но его брат мог себе это позволить, — послышался голос бородатого. — Король должен быть справедливым, мудрым, но никак не жестоким

убийцей. Поэтому все убийства легли на плечи Его Величества. Потом, когда брат стал королем, он якобы все узнал и изгнал своего злого брата из дворца. Они поймут его справедливость. Однажды или никогда.

— Он меня сильно убьет? — спросила я, едва слышно.

— О, нет, что ты! Он тебя и пальцем не тронет! — успокаивал меня бородатый. — Но если что, беги к двери! Или прикидывайся мертвой!

Спасибо! Очень полезная информация!

— Отдай, пожалуйста, принца охране, — послышался вкрадчивый до мурашек голос его величества.

От звука его голоса, от его интонаций мои волосы шевелились, как у медузы — горгоны.

— Молодец, — шепнул бородатый, осторожно забирая Титикаку. — Есть шанс, что тебе поверят. И народ успокоится... Держись! Он просто в ярости!

— Ваше величество! — послышался встревоженный голос безбородого. — Ее величество сделала все возможное, чтобы...

— Молчать, — тихо-тихо произнесло его величество, стоя ко мне спиной.

— Это может помочь, ваше величество успокоить людей, лучше один раз услышать, чем... — послышался голос бородатого, но тут же оборвался.

— Дверь там, — послышался зловещий голос. Его Величество смотрел на меня искоса, в пол-оборота. Он стоял ко мне спиной, а с его красивых широких плеч стекала драгоценная накидка.

— Ваше величество.... - послышалось уже возле дверей. Титикака тянул ко мне лапу, но его уверяли, что все будет хорошо. Дверь закрылась.

Глава двадцать четвертая. Няню вызвали на ковер!

Застыв посреди комнаты, я стояла и смотрела на то, как его величество медленно поворачивается в мою сторону.

— Я ни о чем не жалею, — тут же гордо ответила я. А потом посмотрела в его глаза и добавила. — Все мое имущество завещаю принцу. Так, на всякий случай!

— Как ты могла!!! — послышался рев, а он уже обернулся. Когти просвистели в сантиметре от моего лица.

Я даже не дернулась. Мне тоже интересно, как будут проходить у нас семейные скандалы. Попа сжалась, намекая на то, что скандал может начаться со мной, но потом продолжаться уже без меня. Причем, я гордо уйду, громко хлопнув дверью на тот свет!

Белая пушистая и очень разъяренная тень одним ударом отшвырнула красивый столик через всю комнату.

Есть верные приметы. Когда настроение начинает опадать, предметы в комнате собираются в стаи, и начинают с дикими криками улетать на «йуууух». Когда отношения начинают холодать, соседи роют себе теплые норки, а в душе собираются осадки. Это первые призраки наступления «я — зол! Осень-осень!».

Вот и сейчас мимо меня пролетал стол. Он ударился об стену.

— Ты могла бы мне сказать! — ревело разъяренное чудовище, оставляя страшный след когтей на обоях.

— А вы бы не одобрили мой план, — вздохнула я, видя, что происходит с роскошной кроватью. — Я хочу, чтобы вас перестали ненавидеть. Только и всего! А еще я понимаю, что вы любите принца.

— Я? Люблю? — послышалось рычание мне в лицо. Он открыл страшную пасть передо мной и едва не сдул с меня лицо и прическу.

— Любите, — ответила я, выдыхая и приглаживая волосы. Его Величество вырывал тяжелые шторы, прорезая их страшными когтями. Его хвост воинственно делал «туда-сюда», словно нервно переключался из одной стороны в другую.

— Если я его не убил, то это еще не значит, что я его люблю! — рычало чудовище, переворачивая стол. — Это вечное напоминание о

пр-р-редательстве!

— И то, что вы заботитесь о нем, по — своему, это тоже, я так понимаю, ничего не значит! — заметила я, когда когти просвистели мимо лица, а на пол с грохотом завалился роскошный шкаф. На обоях уже не оставалось целого места. Все они были расчесаны огромными когтями. То, что происходило вокруг, действительно выглядело страшно.

— Напоминание, которое даже не помнит своего отца. И которое пытается подражать вам во всем. Даже в походке! — ответила я, еще не зная, угрожает мне что-то или нет. Пока что вокруг меня бушевал ужас и кошмар. Но я стояла словно на островке безопасности. Мимо меня пролетали стаи книг. Роскошная люстра шаталась, стекла звенели от ужасающего рыка.

— Да, но... — прорычал огромный зверь, огромными когтями раздирая и переворачивая матрас.

«Мяу!», — вспомнила я кота подруги, который в моменты ссор и ревности садился на туалетную кассу и лихо разматывал рулон туалетной бумаги. Или с остервенением драл подушку.

1.1

То, что он любит малыша, я не сомневалась. Просто он никогда никому в этом не признается. Вот и все! Если бы не любил или был с этим категорически не согласен, то не стал бы стоять спокойно, когда я объявляла про усыновление! Не отдал бы приказ обматывать все, во что мог навредить юному принцу, мягким и пушистым мехом. Значит, дело тут в чем-то другом.

— Я восхищаюсь вами, — вздохнула я, глядя на ад вокруг. Рваная штора напоминала парус, переживший кораблекрушение. — Найти в себе силы не убить ребенка, а взять его на воспитание, заботиться о нем, не смотря на то, что он — живое напоминание о страшных днях и ужасных личностях.

— Arrrrr! — когти прошлись по стене, оставляя яростный росчерк.

— Я видела, как вы спали с малышом, — произнесла я, решив не щадить королевскую психику. — Вы даже сонно лизали его, подгребая к себе лапой.

В этот момент рухнул балдахин кровати. А на меня обрушился ужасный рык, пытающийся сдуть меня с места.

— Он должен был быть моим сыном! Моим! — зарычали на меня. — Я безумно хотел р-р-ребенка! И бр-р-рат об этом знал!

— А вы пр-р-редставьте, что вы нашли его в снегу! — зарычала я в отчет, выдавая раскатистое и фыркающее «rrrr». — Что вам его подбр-р-росили! И тепер-р-рь он ваш!

— Я очень богат, но вообр-р-ражение у меня бедное! — пошутило его величество. Надо будет запомнить!

— Ты пер-р-речер-р-ркнула тр-р-рон для нашего с тобой р-р-ребенка! — хрипло произнесло чудовище, глядя на меня горящими глазами. — После меня тр-р-рон унаследует пер-р-рвенец! И нашим пер-р-рвенцом с твоей легкой р-р-руки стал пр-р-ринц!

— Замечательно, — заметила я, видя, как скалится пасть и как морщится морда. — Другие короли, между прочим, жен меняют, чтобы им сына — наследника родили. А у нас готовый!

— Он станет таким, каким был его отец! — слышался рык. — Первое пророчество оракула было именно таким.

Ну тогда я дважды молодец! Ай — да, няня!

— Где в пр-р-рор-р-рочестве сказано, что как его настоящий отец? Где? — зарычала я прямо в огромную морду.

Если бы кто-то видел нас со стороны в этот момент! Стоит себе такая красавица от горшка два вершка, склонилась и рычит в морду огромному зверю.

— Может, р-р-речь идет, о том, кого пр-р-ринц будет считать отцом? — прищурилась я, понимая, что сейчас озверею. И не просто озверею, так еще и укушу! За ухо, например!

— Возможно, ты и пр-р-рава, — клыки исчезли, а взгляд зверя скользнул вниз.

Я провела рукой по груди и... Ой! Простите! У нас тут... эм... зрители вывалились с трибуны! Им тоже было интересно посмотреть, что тут происходит!

1.2

— Ой! — дернулась я, поймав на себе страшный взгляд. — Извините! Я тут это... Вы... То есть, ты... Ой, вы...

На меня плавной походкой двигалось чудовище.

Его когти распороли ковер.

Один прыжок повалил меня на пол. Я упала и в последний момент, почувствовала, как под мою руку под мою голову, чтобы бережно ее опустить!

Через мгновение я чувствовала, что меня вот-вот раздерут на части и убьют на месте глубоким, кровожадным поцелуем. Когтистые пальцы схватили одну из любопытных преступниц и сжали ее. Но пальцы решили, что сами не справятся, и позвали на помощь кровожадные губы, только что оторвавшиеся от убийственно страстного поцелуя. На помощь одной преступнице пришла вторая преступница. Однако, программа защиты свидетелей на нее не распространялась. Поэтому жадные поцелуи и руки с непередаваемой страстью обезвреживали целую банду.

— Мамочки, — ойкнула я. Мои пальцы впивались в чужой ковер. Если завтра на пушистом ковре будут две проплешины, знайте. Это была я.

Кажется, теперь я понимаю, что значит, броситься на невесту на свадьбе, разорвать в клочья ее прекрасные юбки, смять расшитый драгоценностями корсет, а потом на глазах всех гостей продемонстрировать, что намерения ну прямо очень серьезные!

Когда-то я читала, что на первой брачной ночи королей могла присутствовать целая делегация, удостоверяющая, что «таки было». Причем, делегация со стороны жениха выдыхала с облегчением: «Таки смог!». А делегация со стороны невесты: «Таки девственница!». Где-то еще стоял архиепископ, который проверял, насколько богоугоден был процесс.

Внезапно его величество замер, склонившись надо мной. Он тяжело дышал.

Рука с перстнями скользила от моего живота вверх. Со страстным нажимом она выглаживала полосу на съехавшем корсете, ведущую к

шее.

Его величество низко склонил голову. Я не видела его лица из-за волос, зашторивших лицо.

— Зачем ты это сделала... — слышался тихий рык. — Ты же знаешь, что в тот момент, когда я держал тебя на руках и целовал, я уже не могу остановиться, пока не получу всю тебя без остатка...

Я уже потянула корсет вверх.

— Заправь, не дразни, — слышался выдох...

Его пальцы обняли одну из преступниц сквозь плотную ткань корсета. Было слышно, как из его губ вырвался мучительный вздох.

— Нет, нельзя, — прошептал он, мотнув головой. Дрожащая рука с когтями накрывала собой истерзанных и измученных поцелуями преступниц. — Иначе оракул не проведет ритуал.

— Опять оракул? — ужаснулась я, все еще тяжело дыша.

1.3

— Ты не понимаешь, — послышался голос Его Величества. — Такой магией, которой владеет оракул, в мире не владеет никто. И не будет владеть. Твой срок уже четыре раза успеет пройти. А я буду прежним. И оракул привязывает тебя ко мне. Поэтому ты будешь жить столько, сколько и я. И стареть ты будешь так же... Моя мать была человеком. Она прожила больше трехсот лет. И выглядела, как на портрете.

Я бросила взгляд на портрет. На нем была изображена трехсотлетняя красавица. С виду она была молодой. А по нашим меркам для нее нанял киллера пенсионный фонд, а черви на кладбище давали ориентировки своим прапраправнукам, кого, собственно, нужно ждать.

— Я не знала, — прошептала я.

— Однажды мой отец встретил девушку, на которой был тот самый запах, от которого он сходил с ума... Он ему даже снился...

— Погоди, — понюхала я себя. — Ты хочешь сказать, что все решает...

— Не перебивай, я так отвлекаюсь, — послышался выдох. Все-таки, очень своенравное у меня величество. И однажды я его все-таки укушу! Требую законных прав, чтобы укусить его!

— Он готов был жениться немедленно! Ее отец увез ее в другую часть королевства, подальше от сходящего с ума зверя. В день свадьбы ее привезли. Вокруг нее стояли служанки, одетые точно так же, как и невеста. Как вдруг отец понял. Запах стал намного сильнее... Оказалось, что это — не запах невесты. Это — запах ее личной служанки. Одной из девушек, робко опустившей голову. Людям, наверное, этого никак не понять.... Потом тихий «Ой». Дикий визг вокруг. Так моя мать стала королевой.

Повисла тишина.

— В день той самой встречи, маленькая, любопытная служанка, пока никого не было, посмела примерить роскошное платье госпожи. Вот так открылась тайна, — послышался тихий голос.

— Погоди, то есть запах! — прищурилась я. — Не богатый внутренний мир!

— Богатство твоего внутреннего мира я мог изучить в первый момент нашей встречи. Я был ужасно зол, а ты попала под горячую руку. Так то твой внутренний мир чуть не очутился на полу. Если бы не... запах...

— То есть, мои красивые глаза... — продолжала я, глядя на его величество. — Без запаха ...

— Могли красиво моргать и дальше, — усмехнулось его величество. — Но не мне!

— То есть, — в моем голосе прозвучало что-то похожее на женскую обиду. — Если бы не запах, то какой бы умницей — красавицей я не была... Все равно бы...

— Зато у нас навсегда! А не то, как у вас, людей. Сегодня одна, а завтра вторая! Вы такие сложные! — его величество скривился. — Придумываете себе какие-то критерии! Хочу, чтобы светленькая, но темная... Чтобы пухленькая, но худая! А как что не так, так сразу: "Фу, уйди отсюда!". Вы цепляетесь глазами за лицо. Как будто это шкурка что-то значит? А что если завтра со шкуркой что-то случится? Однажды в детстве я случайно изуродовал лицо своей няни. Она так плакала. Много дней подряд. Я думал, что ей до сих пор больно. А потом мать мне объяснила, что девушку замуж никто не возьмет теперь! Меня ругали долго, говорили, что я капризный, думающий только о себе тиран! Которому нельзя доверять править людьми...

Я вздохнула, вспоминая когтистые лапы Титикаки, все норящие выколоть мне глаз или оставить росчерк на лице.

— Но никто так и не узнал, что я тогда собрал все свои драгоценности, которые мне дарили и тайком принес няне. И тогда для меня открылась еще одна ваша, человеческая тайна. Ваша шкурка, оказывается, продажная. Если девушку со шрамами не берут замуж. То девушку со шрамами и драгоценностями берут! — выкатили мне претензию за все человечество.

Это было безумно интересно слушать. Я никогда не знала, что творится в загадочной кошачьей душе. А тут, оказывается, такие интересные мысли...

— погоди! У тебя здесь есть служанки со шрамами! Я видела несколько в коридоре... Вроде бы они, не волки! — опомнилась я. — Здесь же не только волки служат, но и люди? Не так ли?

— У меня есть тайная традиция. За каждый шрам дарить девушке драгоценность., чтобы она могла потом выйти замуж. раз для нее это так важно... Но дарю я уже потом, когда отойду и успокоюсь... —

произнесло его величество. И тут же мрачно закончил. — И поэтому многие из них нарочно подставляют лицо под удар.

1.5

Я села, поправив декольте. Преступницы отправились в расшитую драгоценностями тюрьму.

Вторая когтистая рука прочесала мои волосы, красиво разложив их по плечам.

— Ой, а что это у тебя такое? — прищурились голубые глаза, когда я наклонилась, чтобы встать. Из декольте вывалилась тонкая золотая цепочка с первой буквой имени.

Я опомниться не успела, видя, как мне на колени ложится голова, а когтистая рука играет с мой медальоном. В этот момент он напомнил мне большого Титикаку. Тот тоже любитель играть с этой висюлькой.

— То есть, ты знаешь об этом и все равно даришь? — удивилась я, видя, как его величество

— Ну, разумеется, — послышался смех. А лапа вцепилась в игрушку. До сих пор не могу поверить, что у большого-большого котика есть свои маленькие, милые слабости. — Мне интересно смотреть на тех, кто готов изуродовать себя ради денег! У каждого свои причуды.

— А казна от этого не обеднеет? — с тревогой спросила я, беспокоясь за чужой бюджет.

— Ты шутишь? — посмотрели на меня очень внимательно, но тут же качнули медальон. — С какой-то золотой безделушки?

— Я, наверное, пойду... к малышу, — осторожно произнесла я, видя с каким азартом играли моей побрякушкой.

— Иди, — послышался голос. На меня смотрели красивые, небесно-голубые глаза так, словно помогали раздеваться...

Наверное, мне придется смириться с тем, что он все-таки ирбис.

— Мне не нравится твое украшение, — послышался голос. — Маленькое ...

— Вот только не надо сначала меня царапать, чтобы потом подарить что-нибудь из сокровищницы, — усмехнулась я, видя, как его величество садится напротив меня.

Я перевела взгляд на его руку, из которой выдвинулись когти, создавая клетку для моих пальцев.

— Учти, я ревнив и очень жесток, — слышался голос, завершившийся зубастой улыбкой. — Поэтому не дразни меня больше... Это может плохо, но очень приятно кончиться...

Когти мгновенно втянулись, а я встала, на всякий случай, пряча руками залежи неприятностей.

Я почувствовала, как моих губ неосторожно коснулись губы.

— Ты слишком медленно уходишь? — слышался голос.

Я поняла, что отпускать меня никто не собирался. Это напоминало мне игру в кошки — мышки, причем, мышкой была я.

Поцелуй оборвался, и в это же мгновение я увидела его величество в другой части комнаты.

— Все, иди, — слышался глухой голос. — Хватит мучить меня! Я не хочу потом ползать по комнате на... шестереньках...

— Шестереньках? — спросила я.

— Ты хвост не учла, — слышался смех.

— Вы как это сделали? — настороженно спросила я, понимая, что он только что был здесь. А теперь уже там!

— Легко, — слышался ответ. — Я с детства так умел. Возможно, именно поэтому меня выбрали кронпринцем!

— Погодите, а разве ваш брат так не умел? — спросила я, насторожившись.

— Нет, не умел. С магией у него все было плохо, — слышался голос его величества. — Иди, я тебя прошу!

На меня нашипели, и я вышла за дверь, одергивая и поправляя платье.

Глава двадцать пятая. Охота на дрыса!

Никогда не искушайте судьбу. Особенно, если она может искушать тебя! Я вышла за дверь и отправилась напрямик в башню. Слуги, которые видели меня, тут же начинали кланяться, словно я уже была чуть-чуть королевой.

Дойдя до двери, я открыла ее. На кровати сидел воинственный Титикака, который, завидев меня бросился ко мне со всех неуклюжих лап. На полу сидели два обсосанных волка, напоминающих ежей.

Отряхнувшись, они обратились в людей. И теперь на меня смотрели страдальческими глазами.

— Что случилось? — спросила я, видя перевернутую вверх дном комнату.

— Его величество отдал приказ, чтобы мы учили принца охотиться, — заметил безбородый, поглядывая на счастливого Титикаку.

— После церемонии имянаречения, проходит первая охота принца, — заметил бородатый.

— И как успехи? — спросила я, глядя на вздыхающего Титикаку.

— Три как было, один сик был. Сумел поймать подушку, — опустил голову бородатый. — Все скверно!

— Насколько скверно? — спросила я, понимая, что так просто волки бы не колотили панику.

— Очень скверно... — подтвердил его братец, потрянув рукой. — Мы создавали ему дичь... Его высочество должен был ею заинтересоваться. Он как бы охотник! Это у него в крови! Но он Как бы так сказать?

— Да говори, как есть! — рявкнул бородатый. — Боится он ее! А ему нужно при всех показать свои умения и кровожадность.

— А ну-ка! — присела я на стянутое покрывало. Я собиралась проверить одну важную вещь, но тут такое! Так что я решила пока отложить проверочку! О результатах проверки не должен знать никто кроме меня и того, кому она предназначалась!

— Вот! — махнул рукой бородатый. Прямо в комнате появилось нечто огромное, лохматое. Такое чувство, что медведь гризли

перетаскал миллион алых роз какому-то коротконотому единорогу. Распылился в сотнях комплиментов. Исписал всю поляну признаниями.

— А! — дернулась я, глядя на вытянутую морду.

Не знаю, как произошла эта случайная встреча, и как долго медведь гризли ухаживал за единорогом, но факт остается фактом. Плод ухаживания был передо мной.

— Это что? — ужаснулась я, не желая вести местную передачу «В мире животных».

— Это — дичь! — сообщили мне.

1.1

— То что это реальная дичь, я уже поняла, — кивнула я, сглатывая. При виде такой дичи я становлюсь туалетожадной! Не представляю, что творится с... Так! А где наш главный охотник? Он только что слез с рук!

Попа охотника торчала из-под свесившихся с кровати одеял. Она намекала, что под кроватью «меня точно нет!». И хвост вообще не мой!

— Может, что-то поменьше? — спросила я, глядя на это творение. Если есть твари «ископаемые», то эту я бы отнесла в разряд «закопаемых»! И чем быстрее, тем лучше!

— Да он же безобидный! — убеждали меня. — Он же травоядный!

— Мы рассказывали принцу о животных, которые здесь обитают! Он ведь никогда не бывал за пределами замка!

— З-зачем так радикально? — спросила я, стараясь убедить себя в том, что это просто иллюзия. — Я думаю, что пора начать заниматься с малышом. Давайте попробуем книжки! Здесь есть книжки про зверушек! С картинками! Желательно добрые?

Волки переглянулись. Они что-то порычали друг другу. Один скульнул.

— Хорошо, мы принесем добрые сказки! — согласились они, а чудовище исчезло. — Про животных!

— И еще вопрос... — спросила я, глядя на Титикаку. — Он когда начнет оборачиваться человеком?

— Когда посчитает нужным! — пожали плечами волки. — Я вот начал в год! А брат в три!

— Понимаешь, — присел бородатый. — Человек — это уязвимая форма... Ни зубов, ни четырех лап, чтобы убежать или догнать... А еще нужно стоять ровно... Учиться ходить, улыбаться, чтобы люди принимали тебя за своего.

— Да! — подтвердил безбородый. — Но зато блох нет!

— О, что верно, то верно! Помнишь, тебе волчица нравилась одна! Ты потом от нее столько блох принес! Позор! — рассмеялся

бородатый.

— Не позор-р-рь меня перед будущей кор-р-ролевой, — прорычал младший. Он даже покраснел. — Я не знал, что у нее блохи!

— Иди сюда мой маленький, — гладила я меховую попу. — Не бойся... Няня сама чуть кучу не наложила! А ты у меня храбрый... А еще, кажется, малыш... Я подозреваю, что на самом деле...

Так, не надо! А то мало ли! Вдруг расскажет!

Зажав себя рот рукой, я решила. Нужно провести несколько испытаний, чтобы увидеть воочию, как один маленький мамин «Кусь» сумел пройти через закрытую дверь.

— Вот! Добрые сказки! — ворвались в нашу башню волки. В руках у бородатого была огромная черная книга в кожаном переплете. Выглядела книга весьма зловеще. Со стороны она напоминала гримуар, над которым справляли черные мессы и мерзкие таинства.

Эту книгу вручили мне. Я тут же почувствовала, как перешла на темную сторону силы.

— Точно, это добрые сказки? — спросила я, поглаживая мрачные узоры. Что-то мне подсказывало, что не очень. — Почему она такая мрачная?

— Переплет из человеческой кожи! — переглянулись волки, когда я брезгливо посмотрела на обложку.

1.2

Волки словно хотели что-то сказать, но не решались. Изредка они переглядывались.

— Ну? Что еще? — не выдержала я, пристально глядя на братьев.

— Принц отправится на охоту, когда ему исполнится год, — начал бородатый. И судя по интонации, очень издалека.

— По древней традиции... — перебил его младший брат, — Вы, ваше величество, должны преподнести его величеству шкуру... В качестве свадебного подарка...

— А можно я преподнесу шкуру того, кто придумал эти традиции? — сглотнула я, понимая, что разговор про охоту был затеян не случайно.

— Увы, их придумали задолго до нашего рождения, — развели руками волки. — Раньше в суровые времена, каждый должен был уметь охотиться. Даже человек. И это означает, что вы сможете выжить и спасти детей, если вдруг чего случится! Его величество еще не говорил вам...

— И вы хотите, чтобы я лично пошла и убила кого-нибудь? — спросила я, глядя на снег за окном. — Слабо верится, что предыдущие невесты лично рыскали с обветренными лицами и топором наперевес!

— О, не обязательно вы! — замотали головами братья. — Обычно это делает кто-то из членов семьи невесты. Брат, отец. Или всей семьей. Чаще всего старшие братья.

Теперь я поняла, почему явка моей семьи была столь желательна.

На мгновенье я представила, как мама орет: «Держи скотину!». За ней бежит отец с монтировкой. А сестра с мужем и детьми бегут наперерез какой-нибудь косматой твари. «Держите! А то меня замуж не возьмут!», — кричу я, пытаюсь забить чудовище табуреткой.

— Это точно обязательно? — уныло спросила я. — А шкуру можно купить? И сказать, что я на нее как бы наохотилась!

— Нет. Только охота! — возразили мне.

Значит, так, да? Ладно, сейчас два будущих охотника будут смотреть весь ассортимент! Я вздохнула, обещая себе что-нибудь придумать.

Волки удалились, что не мешать нам заниматься «добротой» и познавать мир.

— Нда, — заметила я, открывая книгу. — Кто-то попал в переплет!

Любопытный Титикака уже был тут как тут!

— Давай вместе смотреть! — предложила я, с интересом перелистывая страницу.

— Ааааа! — заорала моя детская психика. Но я всего-лишь моргнула. Со страницы на нас смотрело хтоническое нечто, с тремя рогами. Природа решила, что у нее остались запасные бивни. И их срочно нужно реализовать, поэтому добавила этому «нечту» еще и бивни!

Книга была настолько старая, что ее знатно откушала плесень. Поэтому слова можно было разобрать весьма условно. Я посмотрела на вооруженного до зубов рогоносца. В его названии были буквы «д», «р», «ы», «с». Это все буквы, которые удалось отковырять. Там были еще какие-то буквы, но плесень меня опередила.

— Дрыс, — решила я для себя. Очень подходящее имя! Тут же понимая, что охотится на «дрыса» мы не будем. При виде «дрыса» мы сделаем «дрыс» галопом!

Мы листали дальше. С каждой страницей я понимала, что охотиться мы будем на мышь! И фиг с ним, с мышиным гультфиком! Мы возьмем не качеством, а количеством!

— Это у нас что такое? — с тревогой я посмотрела в окно. Там где-то на снежных просторах можно увидеть вот это вот, нарисованное на картинке! Если оно там водится, то я предпочту гулять внутри замка. И дышать свежим воздухом в окно.

— «С»... непонятная буква... Это похоже на «ц». Или «у». Но больше на «ц». Опять непонятные буквы, — ковыряла я ногтем плесень. — «У»! Значит, первая была «ц», опять непонятные буквы... «К». Ну, здравствуй, Сцук!

1.3

Мы с Титикакой вздохнули. Сцуковая шапочка и шубка из дрыса не устраивали будущих охотников.

Дальше книжка радовала такими тварями, от которых я бы провела все детство, трясясь под одеялом в обнимку с чесноком, колом и пачкой соли.

Мне искренне хотелось посмотреть в глаза матушке природе, чтобы ненавязчиво поинтересоваться, чем она думала, когда создавала двухголовое, трехлапое чудовище с внушительной челюстью.

Мне кажется, что в этот момент матушка — природа была в запое.

Долистав эту добрую книгу с добрыми зверюшками до конца, я поняла, что у меня рука не поднимется причинить вред таким... эм... милахам...

— Да они просто прелесть! — пинала я свою спящую совесть. — Ну вот зачем обижать их? Разве так можно?

Совесть зевнула, обнажая острые клыки. Никогда еще я не была таким ярым защитником природы от древних обычаев и традиций.

— Да их явно мало осталось! Все они наверняка занесены в красную книгу! — отчаянно трясла я будильником над совестью. Но, видимо, совести, нужна была еще одна совесть!

Ну конечно, этих бедных зверюшек и так мало осталось! Если ты выглядишь в зеркале, как...

Одну минуточку!

Я пролиستала книгу и с непривычки ужаснулась картинке.

— Цмок! — обозвала я тварь, согласно буквам, которые сумела разобрать. — То вряд ли тебя будет кто-то... эм... цмокать!

Но со шкурами нужно было что-то делать! И желательно не откладывать вопрос.

Титикака смотрел с ужасом на картинки. И полностью разделял мое желание стать местным зоозащитником! Вот так у нас, будущих охотников, сформировалась тайная организация: «Попозажип». Первая Организация По защите Живой Природы.

— Ребята! — позвала я, видя, что спрятавшийся за мной Титикака полностью согласен вступить в наши стройные ряды.

— Да! — ввалились в мою комнату волки.

— На когда назначена церемония? — спросила я, прикидывая, как сильно я буду любить дикую природу, когда она будет за мной охотиться.

— Все зависит от того, когда его величество назначит свадьбу! Обычно это проводится за неделю до свадьбы! — пояснили мне волки.

1.4

— А, это еще не скоро! — расслабилась я, пытаюсь пинками выгнать из памяти местную фауну. — Спасибо за книгу! Очень увлекательная! Можете вернуть на место! И не говорить, где она лежит!

— Я понимаю, что ты никогда в жизни не охотилась, — с тревогой заметил бородатый. — Но по шкуре, принесенной невестой, оценивается сама невеста... Ее умения, ее таланты...

— Отложим этот разговор, — улыбнулась я. — Свадьба еще не назначена, так что бояться раньше времени не стоит...

Внезапно волки подскочили, вытянулись по струнке, а в комнату вошел Его Величество.

— Наша свадьба состоится через девять дней, — произнесло его величество. — Этого времени будет достаточно на подготовку торжества.

— А... — замерла я, чувствуя, как судьба задыхается ржущей гиеной. — А мне тут сказали, что мне нужно будет... принести какую-нибудь шкуру... Чтобы меня оценили... Как бы...

— Послушай меня, — его величество соблюдал дистанцию, словно мы находились на обледенелой дороге. — В твоём случае достаточно даже ... мыши...

И он улыбнулся.

— А что подумают придворные? — спросила я, прижимая к себе Титикаку. — Это как-то повлияет на их мнение?

— Мне плевать, как это повлияет, — отрезал его величество.

— Это значит, что церемония будет завтра, — прошептала я, в надежде, что свадьбу еще не объявили и могут перенести.

— Не переживай. Я выдам тебе полудохлую мышь, — усмехнулось его величество.

— А я имею право охотиться не в вашем мире, а в своем? — прищурилась я, вспомнив кое-что важное.

— Имеешь, — кивнули мне, все еще соглашаясь на мышь. Ага, мышь, размечтались! И после этой мыши все будут думать, что королева — безобидная!

Вот как удачно я вспомнила! Нет, ну надо же! Прямо, как почувствовала, что попаду в мир с древними традициями!

Я мысленно потирала руки, в надежде утереть розовые сопли всем невестам сразу.

— Я согласна пройти ритуал охоты! Но! — гордо вскинула я голову. — Охотиться я буду в своем мире! Шкуру я предъявлю!

Впервые в глазах его величества был испуг.

— Ты же не умеешь, — послышался осторожный вопрос. Ко мне приблизились на шаг. — Подумай хорошенько... Это может быть опасно!

— Да, это будет очень опасно! — кивнула я, чувствуя, как в голове созрел хитрющий план. — Но почему бы и нет?

Глава двадцать шестая. Призрак в окне или охота по скидке

А то мне тут мышами разбрасываться будут!

— На мышь я не согласна! — заметила я, представляя бедную мышь.

Титикака оживился. На мышь мы с ним уже ходили! Два великих охотника, вооруженные до зубов «Мама! Мышь!» и тапочкой уже преследовали и загоняли мышь по квартире.

— Хорошо, я готов оставить последний удар, — слышался голос его величества. — Я приволоку что-нибудь покрупнее, а ты просто добыешь! Или хотя бы чихнешь в его сторону! Постараюсь правильно все рассчитать!

— Нет, — я была прекрасна в своей категоричности. — Я буду охотиться одна. В своем мире!

— Нет! — наседали на меня. Его величество нависал надо мной. Его глаза сузились.

— Да! — отвернулась я, скрестив руки на груди. — Я сказала, что буду охотиться, значит, я буду охотиться! И принесу шкуру!

Еще бы! На кону репутация будущей королевы!

— Я не отпущу тебя на охоту! — прошипело его величество.

— А кто сказал, что охотиться будут на меня? — удивилась я, зная, что ничем не рискую. Максимум — копчиком. — Между прочим, в своем мире я считалась неплохой охотницей!

«Да-а-а! За наггетсами по скидке! В этой охоте ты достигла небывалых высот!», — согласилась судьба, уже не имея никаких душевных сил смеяться.

— Я приказываю тебе! — прошипели на меня, а коготь скользнул по моей щеке.

— Пфууу! — подула я краем рта на коготок, расправив плечи. — Пфу-пфу-пфу!

Нет, а что?

Меня развернули к себе лицом, а в подбородок уперся острый коготок.

— Ты уверена? — смотрели на меня с подозрением.

— Да, — усмехнулась я, сощутив глаза.

— Волки пойдут с тобой, — произнесло его величество.

— Нет! — возмутилась я. Волки бочком выходили за дверь. Они взяли Титикаку, которому было ужасно интересно, чем кончится дело.

Если бы кто-то стоял за дверью, то слышали бы звон перевернутой мебели и «Да!». А следом ужасный рев разъяренного зверя. «Бзем!», — прозвенела тарелка, которую я разбила об пол.

А то все невесты, как невесты, а я с мышью! Не пойдет!

— Хорошо, — мои плечи сжали до боли. Если бы не шуба, то их бы проткнули когтями. — Завтра тебя отправят в твой мир на охоту! И... и...

Я нахмурилась, глядя в голубые глаза.

— Попробуй только не вернуться, — прошипели мне в лицо. — Попробуй только погибнуть!

1.1

Это была самая страшная угроза в моей жизни.

Дверь за ним закрылась, а я выдохнула. Я начинаю его обожать... Надо же! Готов принять дохлую мышь! Мышь! Там, небось, другие невесты такие шкуры дарили!

— Ты правильно сделала, что настояла, — слышался тихий голос волков. Они заходили бочком и заносили принца.

Чтобы немного остыть, я подошла к окну, как вдруг... Мне показалось, или ... Я прищурилась и прильнула к стеклу, чтобы получше рассмотреть. На крыше был ирбис...

— Тут ирбис! — удивилась я, подзывая охрану. — Похож ...на его величество...

— Где?!! Не может такого быть! — переполошились волки, бросаясь к окну. Но ирбис исчез. Словно его и не было. Только густой снег заметал следы. И было непонятно, действительно ли на крыше кто-то был, или это просто снег осыпался под собственной тяжестью.

Только не говорите мне, что меня преследует призрак отца Титикаки. Или того, кого все считают отцом.

— Ладно, мы проверим! Закройтесь на всякий случай! И окно не открывайте! Оно под заклинанием! В комнату никто не войдет! — встревожились волки, переглядываясь и резко исчезая за дверью. Замок переполошился в считанные минуты. В коридорах слышался протяжный вой. Его подхватывали со всех сторон. А снег все заметал и заметал огромный замок, который по легенде был построен великанами на заре чужой цивилизации.

Мы остались с Титикакой одни. Он честно пытался выть, но у него не получалось. Он расстроился. Пока весь замок стоял на ушах, мы сидели на кровати в обнимку. Плотно задернутые на всякий случай шторы хранили тайну того, что происходит на улице. Лишь топот намекал, что весь замок встал по тревоге...

Мы сидели тихо, как мышки, пока дверь не открылась.

— Никого, — слышался облегченный голос бородатого. На его коврике таял снег, превращаясь в капли. Его брат стоял чуть поодаль, смешно отряхиваясь

Он сначала тряс головой, потом плечами, потом вертел попой, словно в ритме диско, а под конец дрыгал ногой.

— Если и были следы, то их успело замести. Снег сегодня слишком сильный... — Мы все проверили!

1.2

— Ну, значит, опять показалось, — вздохнула я, понимая, что мне действительно могло показаться.

— Спокойной ночи, ваше величество! Комната защищена! Можете не бояться! Мы под дверью! Если что, зовите нас! Помогите и Спасите придут быстрее, чем вам покажется.

— Ага, — кивнула я, осторожно отгибая тяжелую штору. На улице и впрямь разгулялась непогода.

— А ну-ка, — прищурилась я, глядя на малыша, который драл когтями ножку кровати. — Мама идет в туалет!

Я отошла в туалет, демонстративно прикрывая двери и закрывая ее на защелку. В последний момент я видела встревоженные глаза Титикаки, ревнующие маму к унитазу.

Странно, но его пока не было. Я открыла дверь, видя, как малыш сидит под дверью и вздыхает. Может, показалось тогда? И няньки просто невнимательно следили за ребенком. Мало ли, вдруг кто-то из них выходил, случайно выпустив малыша. А потом решили не признаваться!

— Нет, — улыбнулась я, пробуя еще раз. На этот раз я постояла в туалете чуть дольше, чтобы открыть дверь и увидеть Титикаку, ждущего под дверью.

— Ладно, — задумалась я, глядя на пушистого малыша с подозрением. Пока малыш самозабвенно грыз ежа, я думала над планом.

А что если...

Мой взгляд упал на кровать. А точнее, под нее...

Уличив момент, я нырнула под нее, натянув на себя покрывало и оставляя маленькую щелку.

Сначала Титикака ничего не замечал. Он самозабвенно жевал ежа. Вид у него был такой сосредоточенный, словно он рассуждает о сущности бытия, экзистенциальном кризисе и немного о квантовой физике. Только потом он понял, что мамы нет. Выплюнув ежа, он направился в сторону ванной. Заглянув туда, он сделал выводы, что мама смылась. Неуклюжей трусцой, он оббежал комнату и застыл,

поглядывая на дверь. Вид у него был такой несчастный, что мне хотелось закончить эксперимент немедленно. И тут я потеряла его из виду. Только что Титикака стоял возле двери, как вдруг меня кто-то укусил за пятку!

1.3.

— Ты как это сделал? Покажешь маме? — прищурилась я, глядя на невозмутимое пушистое бедствие, способное превратить комнату в руины за считанные секунды.

Я решила сходить в ванную, обдумывая свой хитрый план. Гадкая муха внутри меня потирала лапки в предвкушение героической охоты. Нет, а мне определенно начинают нравиться местные традиции!

Пока я ходила ванную, дергаясь, как пугливый суслик на стреме, в комнате слышался грохот и довольное урчание. Это был намек на то, что мама должна принимать ванну быстро. Пока горит спичка в детской руке!

Я вышла, кутаясь в шубу, как в халат.

На меня смотрело венценосное безобразие с куском шторы в зубах. Завалившийся карниз уныло валялся на полу. Перевернутый столик лежал рядом. Охота удалась!

Умение превратить за пару секунд мамину нервную систему в ключья у нас не отнять!

Я еще раз посмотрела в окно. За окном все заметало снегом. Кто же это может быть? Наверное, опять показалось! Хотя, два раза «показалось» уже повод задуматься.

Стребая Титикаку в охапку, я легла на кровать, не сводя взгляда с окна. Нет, ну на окне как бы есть заклинание. Но я что-то сомневаюсь в магии...

Маленький «Топтыжка» решил, что в будущем станет военным! И теперь учился маршировать по ойкающей маме. Последний марш завершился тем, что, маму слегка скрючило, а сон, который уже крался к кровати решил сходить в гости к другим.

Я лежала и смотрела в окно, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли в кучку. Пока что они напоминали детсадовскую группу, которую никак не может собрать в кучку строгая воспитательница.

— Нет, я так не могу уснуть! — поежилась я, слыша, как соглашается со мной храпом Титикака. Встав с кровати, я снова подошла к окну, осматривая заснеженные крыши. А потом занавесила окно одеялом. Стало чуточку спокойней.

— Да кто это там по мне топчется! — проснулась я, среди ночи, чувствуя, как натягивается одеяло.

— Я, — слышался голос его величества, а на меня посмотрели два огромных горящих глаза. Круглых-круглых. Лапа застыла в воздухе, так и не успев сделать шаг.

— Одного мне мало! Теперь два «топтыжки», — проворчала я, пытаюсь раздвинуть себе ареал обитания. Пока что я напоминала молнию, пытаюсь уместиться между одной пушной попой и второй.

Титикака решил, что его отжали от самого дорогого, что у него есть. От мамы. И полез по мне на другую сторону. Несколько раз он споткнулся, цепляясь когтями за одеяло.

— Уважаемый пушной пасьянс «Косынка»! — не выдержала я. — Вы можете как-то улечься? А? А еще у меня в носу чей-то хвост! Тьфу!

Хвост исчез, так и не сознаваясь, чей он был.

Через минуту возни все вроде бы успокоились.

Я проснулась от того, что запуталась в шубе и пытаюсь утащить к себе что-то мягкое. Это мягкое тащится, но с трудом. Но во сне я очень упрямая.

Проснувшись окончательно, я поняла, что нашла голову его величества, и теперь прижимаю ее к груди, словно плюшевого мишку.

— Бу-бу-бу! — проворчала я, нервничая при мысли о том, что за мной кто-то следит...

Повернувшись на другой бок я уткнулась носом в чью-то пушистую задницу.

— Ладно! — я повернулась обратно и увидела там еще одну задницу.

Прямо как в жизни!

Я подползла повыше, как вдруг рука сама автоматически потянулась за телефоном, чтобы сделать снимок. Это было так умирительно. Они спали одинаково. Свернувшись какашечками и свесив лапы и хвосты с кровати.

— Ничего, я докажу тебе, что это твой сын, — мысленно покивала я. — Но утром!!! Так, попы, двигайтесь! Мама пытается найти место среди пушиныны!

— Может, человеком обернешься? — вслух взмолилась я, видя, как открывается ленивый глаз.

— А ты думаешь, что человеком я сплю по-другому? — послышалось сонное рычание. — Лучше так, а то мало ли, как тело повернется.

— Чье тело? — спросила я, пытаюсь отвоевать одеяло.

— Твое, — послышался тихий рык, обещающий массу приключений на соблазнительную часть тела.

— Да что вы, в самом деле! — проснулась я от того, что меня прикусили за попу! Видимо, в порыве чувств.

Снова пошипев, я мысленно потребовала десятиметровую кровать, чтобы мы все расползлись, как таежные поселки.

Утром я проснулась от странного ощущения. Куда, интересно знать, делось его величество! И откуда, интересно знать, взялась эта

шапочка?

На подушках, свернулось его величество, а его высочество только что чебурахнулось с кровати.

Я решила подремать, как вдруг послышался оглушительный вой!

— Что? Где? — дернулась я, раскидывая вокруг себя подушки.

— Проснулась! Наконец-то! — выдохнули волки, оборачиваясь в людей. — Мы будили вас, будили... Но вы не просыпались!

— Тоже мне, нашли сахар, — зевнула я, растирая глаза. Такое чувство, что по мне каток проехал. А потом подумал и проехал еще раз!

— Так! Будильник запомнили! — вздохнула я, пытаюсь понять, куда бежать, чего бояться!

— Быстрее! Его величество уже рвет и мечет! — послышались голоса, когда я расправила мягкое платье и направилась из комнаты.

Мы спустились быстрее лифта. Петляя гигантскими коридорами, я поняла, что меня ведут в ту часть замка, в которой я еще не была.

— Это что такое? — спросила я, глядя на массивную дверь.

— Это — королевская оружейная! — сообщили мне, провожая внутрь. Магические факелы вспыхнули, освещая мечи, доспехи и много чего интересного.

— Вот! — я опомниться не успела, как на меня нахлобучили тяжеленный нагрудник с ирбисом. Мои колени подкосились под тяжестью доспехов. Юбку разорвали пополам дважды и заправили с огромные железные сапоги. Следом на мне появился наплечник, две металлические перчатки, подбитые мехом, наколенники и...

— Это что за «наляшники»? — спросила я, не сильно разбираясь в военном деле. Я принимала участие в военных действиях только раз. Когда выбирала отраву для тараканов.

— Это — поножи! — пояснили мне.

— Давай еще один нагрудник! — переглянулись братья.

— Вы что творите! — крикнула я в шлем.

— Приказ его величества! — рявкнули мне в оба уха. — Он хочет, вас защитить максимально!

— На мышь я бы тоже так ходила? — пробурчала я гулкий тазик шлема, который пыталась стянуть. — Так, все, раздевайте меня обратно! Вы подумайте сами, как я буду охотиться в таком виде! Да от меня вся дичь разбежится!

— Приказ его величества! — снова повторили мне. — Зато в целости и в сохранности!

— Шлем я все-таки сниму! — возмутилась я, понимая, что бабушка со свитером — ерунда по сравнению с котиком и доспехами.

— Так, вас нужно вооружить! — потащили меня в сторону приоткрытой дверцы.

— Да от такого грохота я могу охотиться только на обморочных коз! — возмутилась я, пытаюсь железной печаткой расстегнуть ремни.

— Так, вам может пригодиться ... эм... лук! — суетились братья.

За моей спиной появился лук и колчан со стрелами.

— Еще стрел. Мало ли вдруг? — сустились вокруг меня.

— Все! Хватит! Прекратить! — выкрикнула я, понимая, что правильно сделала, что привалилась к стене.

— Но ведь приказ... — переглянулись братья.

Глава двадцать седьмая. Шкура неубитого мемедя!

— А вдруг вас съедят? — не выдержал младший. — Его величество очень боится за вас! Поэтому отдал приказ снарядить вас так, чтобы вам никакая опасность не была страшна!

Пока он говорил, бородатый уже сунул кинжалы мне в сапоги. Нет, а что? Вид у меня очень воинственный... Почему бы не воспользоваться?

— Ну, хорошо, — согласилась я, отлипая от стены. — Мне еще вон тот топор!

— Вот этот? — спросил у меня бородатый, подлетая к стенду с оружием.

— Нет! Это ерунда! Мне вон тот! — показала я на огромный топор, мысленно представляя, как я его дотащу до зала.

— Ого! — переглянулись братья. Но топор вручили!

Рукоять у топора была высокой. И я могла на нее опираться. Поднять его я не могла, но могла тащить по полу с диким скрежетом. Что тоже было вполне неплохо.

— Еще припасы в дорогу! — повесили на меня сумку, когда я с умилением представляла его величество. Разве можно его не обожать?

— Тут зелья! Пить залпом! — выдали мне десяток флаконов с подписями.

Я открыла одно из зелий, понюхала его и поняла, что запах прелых носков смешивался с ароматом селедки с чесночком.

— И занюхивать рукавом, — согласилась я, прекрасно зная, что они мне не понадобятся.

— Вроде бы все, — переглянулись братья. — Вам пора в зал. Церемония уже началась.

Я вспомнила лица, которые лицезрели меня в позорный момент, когда я в тапках и халате семенила за Титикакой. И потащила топор по коридору. Звук был ужасен. Я останавливалась и передыхала каждые десять шагов.

— Экономлю силы для битвы, — усмехнулась я. — Бой предстоит долгий и тяжелый...

На меня посмотрели с тревогой и пониманием.

Весь замок уже был в курсе, что железный дровосек выходит на тропу охоты. Даже те, кто меня не видел, наверняка слышали мою тяжелую поступь.

Двери зала открылись, а чувствовала себя уставшей, словно разгрузила целый локомотив.

Все смотрели на меня с удивлением. И опаской. Ну, еще бы! Я скрежетала топором по полу, словно палач. И дышала, как паровоз. В тишине притихшего зала было слышно мое дыхание в кастрюльку.

— По традиции, — послышался голос его величества. Он стоял на ступенях, ведущих к морозному трону. Его роскошные меха стекали вниз, укрывая ступеньки, словно пушистый сугроб. На руках у него восседал Титикака. И всем видом показывал, что чхал он на древние традиции.

— Моя невеста должна показать свои умения охотиться... И в доказательство принести шкуру.

«Мышь, мышь, соглашайся на мышь!», — умоляли голубые глаза.

«Ага! Щас!», — как бы отвечала взглядом я.

1.1

— Она выбрала охоту в своем мире. Традицией это не запрещено, — произнесло его величество спокойным и ровным голосом.

Зато его глаза смотрели на меня: «Предложение о мыши еще в силе!».

— Поэтому она отправляется на охоту, — голос не дрогнул. Вот это выдержка!

Братья вручили мне какой-то медальон. Я неловко взяла его железной перчаткой и чуть не уронила на пол. Прорев в цепочку палец, я кивнула.

— Как только охота закончится, ты сможешь активировать его, чтобы вернуться. Мы будем ждать возвращения, — ледяным голосом закончило его величество. Титикака на его руках зевнул. От мыши он бы точно не отказался!

«МЫШЬ!!!», — убивали меня его глаза.

Меня вместе с топором отвели в круг. Бросив взгляд на его величество, который застыл ледяной статуей, сжимая в руках принца, я пожала плечами.

Яркая вспышка заставила меня ослепнуть буквально на несколько секунд. И вот я уже стояла в родной прихожей. Топор был привален к обувной тумбочке. Железные перчатки сняты, а где-то на кухне закипал чайник.

Быстро являться обратно я не собиралась. Не солидно. Пока я громыкала доспехами и посудой, чайник закипел. Я проверила новости на телефоне. Слегка удивилась, что меня никто не искал. Даже с работы звонили скромный один раз. Видимо, для приличия.

— Так, где у меня лежит черный пакет с ..., - прищурилась я, взглядом допрашивая каждый шкаф.

Первый шкаф раскрыл свое нутро, вывалив мне на голову коробки с обувью, пакеты с одеялами, лишнюю подушку на случай «а вдруг!». И коробки с вещами бывших. Не то, чтобы я очень сентиментальна, просто валяются на случай, если рядом заведется приличный бомжик.

— Тэкс! — проверяла я пакеты. — Это не то! Это тоже не то! Куда я могла его деть?

В доспехах было ужасно жарко. Но я продолжала охотиться в этом шкафу. Мне показалось, что я в последний раз видела этот пакет здесь.

О, сколько нам открытий чудных готовит застарелый шопоголизм.

— И вот нахрена я их покупала? — вздохнула я, рассматривая коробку с туфлями на два размера меньше.

Здесь же лежал позолоченный подсвечник. Видимо, я надеялась однажды разбогатеть, купить себе замок в ипотеку и бить подсвечником какого-нибудь графа. «Ах, сударь! Как вы смеее ко мне приставать!».

Миновав затор из гламурных валенок и мягких игрушек, я вгрызалась вглубь шкафа, изредка бегая попить чай.

1.2

— Так, наверное, стоит поохотиться в другом шкафу! — задумалась я, вспоминая недавнюю «уборку». Примерно через четверть часа, я отодвинула коробку с люстрой и книги «Как удержать мужчину своей мечты и не загреметь в полицию», «Как познакомиться с олигархом в очереди за картошкой», «Камасутра с тонометром. Пособие, кому за двадцать пять», «Как говорить с мужчинами на их языке и не стать Валерчиком».

— Нашла!!! — оповестила я соседей громким криком. — Вот ты, родненькое!

Я полезла разворачивать пакет, глядя на то, как квартира превратилась в «я тут недавно переехала». Огромная белоснежная шкура, разумеется, не настоящая, но о-о-очень похожая, была куплена мной в интернете на доске объявлений. Я назвала ее «мемедь» и представляла, как сижу на ней возле камина.

— Ура! — вздохнула я, расправляя ее и отрывая ценник. — Кто бы мог подумать, что она мне пригодится! Как хорошо, что я ее не выкинула!

Теперь можно было возвращаться обратно со спокойной совестью! Но перед этим нужно немного антуража! Чтобы все видели, что я была на охоте, а не чай пила с печеньем!

Раскопав тюбик с красным тоником для волос, я щедро размазала его по доспехам, стоя перед зеркалом в ванной. Потом пришла очередь топора. На него я налила прилично. Теперь он выглядел, как оружие маньяка.

Чтобы шкура выглядела натуральней, я размазала по ней смородиновый джем, залежавшийся в холодильнике. На лице я оставила красный росчерк тем же джемом.

— Вот! — заметила я, рассматривая в зеркале всю картинку. — Теперь верю!

Довольная, вооружившись «свежеснятой шкурой» и топором, я направилась к столу, где лежали железные перчатки.

Так, а где медальон? Железная перчатка лежала на столе, кружка с недопитым чаем стояла рядом. Телефон сосал электричество.

— Без паники! — успокоила я себя. — Сейчас все найдем!

Я прошарила диван с тщательностью массажиста. Встряхнула покрывало. Медальона не было! На тумбочке в прихожей его тоже не наблюдалось.

— Это только я так могу! — уныло вздохнула я, решив начать вторые поиски.

1.3

— Это только я так могу! — уныло вздохнула я, решив начать вторые поиски.

Генеральная уборка растянулась на час! Чай уже несколько раз входил в меня. И несколько раз покидал. Набросив на голову шубу и пытаясь не разбить собой унитаз, я честно провожала сладкий чай, по которому очень соскучилась.

— Ки-я! — запихнула я с ноги последнюю коробку, в надежде, что шкаф закроется. Медальона нигде не было. Грустно подойдя к окну и вздохнув, я посмотрела на заснеженный город, вслушиваясь в привычный шум городской суеты. Опустив глаза, я замерла. Медальон лежал на спинке кресла.

— Ура! — обрадовалась я, выдыхая от облегчения. Схватив шкуру и сдвинув брови, я приобрела вид суровой и кровожадной охотницы.

— Обратно! — скомандовала я командирским голосом и предусмотрительно закрыла глаза, ожидая яркую вспышку.

Открыв правый глаз, я обнаружила, что все еще нахожусь в своей квартире.

— В замок! — выкрикнула я, зажмурившись еще раз.

И снова я была посреди зала.

— Возвращай в другой мир! Срочно верни меня обратно, откуда взял! — перебирала я варианты. — Верни на родину! Вертай меня взад!

Но пока ничего не происходило.

— Тук-тук-тук! — постучали мне в дверь ногой.

— Да кто там? — закатила я глаза и направилась к двери. За дверью стоял сосед — алкоголик. Он работал ковриком в подъезде. Имел хобби. Кусать за ногу тех, кто через него переступает. Иногда его пытались успокоить всем подъездом и полицией. Иногда просто всем подъездом.

— Хозяйка, дай на опохмел, а то дверь обоссу! — тут же поставили мне и шах, и мат.

Взяв топор, я взглянула на себя в зеркало. К кому-то приходит маленькая и пушистая белочка. А к кому-то с топором.

— Драсте! — выдала я, глядя на обалдевшего шантажиста, который уже занимался поисками орудия возмездия в старенький трениках.

— Ты что? Кого-то убила? — ужаснулся алкоголик.

— Да, — прошептала я, улыбаясь. — Только никому не говори!

Я прислушалась к тому, как по ступеням шлепают тапки со скоростью звука. Эх, какой талант пропадает!

Я закрыла дверь, вернулась в комнату и стала внимательно изучать медальон. Нет, ну могли бы инструкцию к нему приложить? Хотя, может, в их мире им может пользоваться даже ребенок?

— Так! — сбегала я за лупой, в надежде найти инструкцию по эксплуатации. Но ее не было.

Прошло уже полчаса. Медальон лежал на столе.

Я потыкала его пальцем, склонилась и прошептала:

— Медальончик, медальончик, няня обратно хочет!

Нет, а что? Попробовать стоило!

— Ну пожа-а-а-алуйста! — гусаво протянула я, глядя на драгоценный камень. — Ну чего тебе стоит?

Часы тикали, медальон не реагировал. Я строила философские теории о том, что магия в нашем мире не работает!

— Домой! Я кому сказала! — постучала я медальоном по столу.

Согласна! Мои познания в магии могут впечатлить любого!

— Ну, позязя, — склонилась я к медальону. — Ну чего тебе стоит? Авада Кедавра? Фусрода? Сим Салабим? Ляськи Масыськи?

Вот и весь мой магический справочник.

В шубе и доспехах было душно. Пришлось открыть форточку. Прошел еще час. Мне хотелось выть. Часики тикали, намекая, что где-то соскучился мой маленький тигр. И рвет и мечет большой. Мое кошачье царство наверняка уже перенервничало. Я представила, как его величество сидит и мысленно считает, сколько котлет из меня успели накрутить.

От отчаяния я попробовала медальон на зуб. Нет, ну мало ли? А вдруг?

Позорная операция по спасению меня в мои планы не входила. С горя я доедала остатки джема.

— Абра- кадабра? — спросила я, обреченно понимая, что все бесполезно. Нет, ну хоть бы дернулся! Или загорелся!

Я схватила медальон, и что есть силы швырнула его на пол!

— Да чтоб тебя! — психанула я, выдав еще с десятков смертельных для ушей заклинаний, от которых открываются закрытые двери, нитка попадает в иголку, резко начинает застегиваться молния на сапогах и приезжает нужный автобус.

Медальон вспыхнул, резанув по глазам ярким светом. Я едва успела схватить шкуру и прижать к себе.

— Ой! — покачнулась я с закрытыми глазами. — Фу-у-у-х!

— О! — прокатилось множественное по залу, пока глаза снова учились видеть. Топор забыла! Жа-а-аль!

Я увидела, что возле трона стояли волки. По обе стороны, словно часовые. Его величество посмотрел на меня ледяным взглядом. Что? Неужели не ждал?

Я триумфально подняла шкуру, вызывая шепот в зале: «Ничего себе...», «Вы ее видели?». «Это ж какого размера было животное?», — шептались придворные, которые вот — вот превратятся в «задворных».

— Это только фрагмент попы! — беззаботно, словно всю жизнь охотилась на мамонтов, сообщила я, вызывая вздох удивления. — К сожалению, всего притащить не смогла.

Кто-то упал в обморок. Очки уважения росли прямо на глазах.

Громыхая, как терминатор, я дошла до трона, с которого спокойно спустилось его величество.

— Вот, — произнесла я, слизывая варенье с лица.

Абсолютно спокойно, не делая ни одного лишнего движения, выдавшего его волнение или слабость, он принял шкуру. В его глаза я боялась смотреть.

— Ничего себе, — перешептывались придворные, глядя на меня недоверчиво.

Судя по взглядам, встречаться со мной в темном переулке, передумали даже маньяки.

— Она его загрызла... Посмотрите на ее губы. Они все в крови! — слышались тихие голоса. Я решила не развеивать прекрасную легенду о кровожадной королеве.

Мило и гадко улыбаясь, я демонстративно облизала языком сладкую щеку. Нет, джем все-таки классный! Жаль, что по акции только один оставался...

Придворные стали постепенно расходиться. Они на всякий случай оглядывались. Вдруг я брошусь на них и покусая? Потому что вид у меня был явно недружелюбный. Вспотевшие после чая в шубе, волосы облепили лицо. Половина банки джема тоже делали свое дело.

Зал пустел очень быстро. Придворные уже прикидывали, как будут пугать мною непослушных детей.

Глава двадцать восьмая. Тест на ОТЦОВСТВО

Золушка ждала полночи, когда ее роскошное платье превратится в обноски. На огромных часах пробило полночь. И великая охотница и будущая королева, превратилась в обычную, расстроенную няню. Расстроенную тем, что ее не встретили объятиями, не закружили на руках, не поцеловали.

Зал опустел. С его величеством шутить никто не любил. А по хмурому взгляду исподлобья было видно, что хорошее настроение сегодня не пришло на работу.

— Он хоть переживал за меня? — спросила едва слышным шепотом у бородатого, который рассматривал мой трофей. — Или так и просидел с каменным лицом?

— С каменным лицом, — шепнули мне. — Как обычно.

— Неужели вы за меня не переживали? — вздохнула я. Наверное, я ждала объятий, поцелуев, сгребания в охапку моего обалдевшего тела. Если не при людях, то хотя бы сейчас.

Его величество вздохнул, встав с трона, подошел ко мне.

Он сощурил на меня глаза и медленно развернул кулак ладонью вверх. На пол со звоном упал наконечник стрелы в золотой оправе, увлекая за собой красивую цепочку. На руке отпечаталась причудливая резьба оправы, отпечаток острия судьбоносной стрелы наполнялся кровью, стекающей по линиям его руки. Это надо же было так сжимать его, чтобы пробить себе ладонь! Помимо кровавой вмятины, на ладони были сочащиеся кровью следы собственных когтей.

Я с ужасом смотрела на то, что красноречивей всех: «О, я так волновался! Так переживал! Так извелся!». В растерянности моя дрожащая рука застыла над его раной. Надо ее чем-то перебинтовать... Так нельзя... Вот она — цена каменного лица...

Мои пальцы сжали чужие пальцы. Меня резко дернули к себе и прижали, уткнувшись к макушку.

— Руку надо перебинтовать, — прошептала я, глядя, как на роскошных белых одеждах отпечатался мой джем.

— Чья кровь? — прошептали мне на ухо.

— Не моя, — тут же ответила я, видя, как раненую руку уводят за спину, обнимая меня при этом здоровой рукой. — Ну зачем вы так... Я же сказала, что все будет хорошо...

Меня коротко лизнули поцелуем. В такие моменты, у меня все внутри переворачивается.

— Ммм, — заметило его величество. — Станный вкус...

— Вам нравится? — спросила я, боясь, что мой маленький обман рассекретят. Мне было ужасно стыдно, что она так переживал, хотя мне ничего не угрожало. Единственное, что мне угрожало, так это, если бы на меня чебурахнулась коробка со шкафа.

— Знаете, если вам нравится, — я старалась не прислоняться, чтобы не испачкать окончательно сверкающую белизну одежд. — Я могу поохотиться еще...

— Нет! С меня и одного раза достаточно, — прорычали мне на ухо. — Больше никаких охот!

Я почувствовала, что меня снова лизнули, но уже уголок рта... Да-а-а. У приятельницы кот фанател от кабачков. Его мясом не корми, дай кабачок. При виде кабачка кот превращался в безвольную тряпочку с грустными глазками. Он готов был продать семью и родину за «жопку» кабачка. А у меня кот, который... любит джем! От умиления, я чуть не всплакнула. Огромный страшный тигр, который любит ... смородиновый джем.

1.1

Настолько любит, что мне казалось, я родилась, выросла с его поцелуем на губах. Мы покачнулись, а я чувствовала, что мне так душно

— В-в-ваше величество, — слышался голос бородатого. — Вы поосторожней, что ли... А то вам же до свадьбы...

Меня отпустили, тяжело дыша. Я сглотнула. Там у меня в квартире лежит целый мешок золота. Так что охотиться я буду на джем регулярно. Осталось придумать, как таскать в ломбард деньги, и научиться отвечать на вопрос: «Откуда?».

— Уйди, прошу тебя, — слышался тихий голос.

— Вы меня прогоняете? — удивилась я.

— Не искушай меня и судьбу, — слышался вздох, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Я направилась в свои покои, гордо неся Титикаку. Нужно отмыть доспехи. Лицо мне уже частично отмыли.

— Так, а ты у нас тоже любишь джем? — заметила я, видя, как меня с наслаждением вылизывают и косятся голубым глазом.

— Офень! — заметил шершавый язык, пытаясь дотянуться до моей щеки.

Арррр! Шершавый... Как наждачка!

— Спят одинаково, любят джем, — перебирала я в уме догадку. А что если это действительно его сын, о котором он не знал. А вдруг девочка была беременной, когда ее забрали?

Меня укололо чувство ревности...

— Пышь-пышь-пышь, — пошипела я собственным мыслям. — Мои коты! Никому не отдам!

В комнату я пришла уже чисто вылизанной. Но Титикака был уверен, что там еще немного осталось! Поэтому проверял.

— Если бы я знала, что ты любишь сладкое, то принесла бы тебе, — укоряла я себя. — Бедный ребенок. Сладкого никогда не ел.

«Не ел!», — подтвердил взгляд еще одного выросшего без сладкого котика.

Сняв с себя доспехи, стянув кое-как остальное, я свалила эту груду в углу. Проверив окно, задернув шторы, я понесла Титикаку в ванную. Разлучить его с доспехами было невозможно!

Он орал, как поросенок, требуя доспехи! «Там еще немного осталось варенья!», — убеждал он умоляющим взглядом. «Нет!», — ответила я, неся его в ванную. «Что? Совсем нет? А я проверю!», — вырывался любитель сладкого.

Со стороны казалось, что в семье растет будущий воин. Вон как его тянет к доспехам!

Однажды историки скажут: «Принц с детства любил доспехи! С детства его тянуло к доспехам! Он вырос великим воином!». И только я буду знать почему!

Закрывшись с малышом в ванной, я сняла шубу и бережно застирала ее, пока никто не видит.

Пока шуба сушилась на раковине, я с наслаждением принимала ванну. Нет, вы бы видели эти лица! Кстати, о восстаниях я тоже не слышала. И его величество стал проводить со мной больше времени! Вот на что способна женщина, чтобы лишний раз побыть с любимым! И войну остановит, и восстания погасит...

Прикрыв глаза и блаженствуя, я немного расслабилась. А потом резко открыла глаза. Так! А почему в ванной так тихо? Где наш любитель доспехов?

В ванной было пусто. Я недоверчиво осмотрелась. Титикаки нигде не было. Смыв с себя пену, я вылезла, осматривая все углы. В ванной его не было! За дверью что-то гроыхнуло. Я подозрительно посмотрела на закрытый засов. Попался!

— Значит, — закусила я губу, просто расцветая от счастья. — Кое — кто не догадывается, что у него есть ребенок! Тот самый, которого он очень хотел! Настоящий сын!

Открыв засов, я вышла в комнату и застала принца в процессе вылизывания доспехов.

— Малыш, а как ты выбрался? — заметила я, пытаюсь разлепить сладкую парочку. Титикака облизал усы и зевнул. Сверкнули клыки. Скошенные глазки вернулись на место.

— А сможешь повторить это... — замерла я. Я всегда мечтала это сказать! — ... папе? Да, это не дядя! Это — папа! Твой настоящий папа!

Мне хотелось плакать от счастья!

1.2

Открыв дверь, схватив Титикаку, я направилась вниз.

— Вы куда? — встрепнулись волки. Оказывается, они лежали возле двери.

— К его величеству! Или вы его позовите! — попросила я, светясь от счастья. — Да, малыш?

Говорить им о том, что его величество — настоящий отец принца, я пока не хотела. Но распирало так, что пришлось прикусить язык.

— Хорошо, — отряхнулись волки. Один бросился вниз, а второй остался на страже.

Я вернулась в комнату, нервно расхаживая туда- сюда!

Титикака рвался, требуя «еще полизать доспехи!».

— Подожди, — погладила я шелковистую шерсть. Я мечтаю увидеть, как он превращается в ребенка. Тревожило только пророчество, которое никак не выходило из моей головы. Убьет дядя... Если дядя — это папа, то...

Мне вспомнился белоснежный ирбис, пробирающийся по крышам.

— Тити! — возмутилась я, видя, что полотенце под шубой превращалось в клочья. У, какой мы сильный! Наличие рядом сладкого добавляет плюс сто к брыкательности и вредности.

— Ты хотела меня видеть? — слышался голос. На пороге появились белоснежные одеяния.

— Да, — прошептала я, прикрывая дверь. — Я хочу вам кое-что показать!

— Кое-что я уже вижу, — слышался вибрирующий голос. Я опустила глаза на разорванное полотенце и тут же попыталась стянуть его руками.

— Это немножко не то, — прошептала я, смущаясь и чувствуя, что его хищный и холодный взгляд уже стаскивает с меня полотенце и шубу. — Пойдемте, нам нужно спрятаться! Просто сделайте то, о чем я вас прошу... В ванной!

Я высвободила руку и потащила в ванную мое кошачье царство. А потом задвинула защелку, спуская Титикаку с рук.

— Смотрите внимательно, — прошептала я, представляя удивление его величества, когда он узнает правду.

Мы стояли, но Титикака разгуливал по ванной, словно юный король по своим владениям, а потом косился на нас.

— Нам нужно сделать вид, что мы чем-то заняты, — пояснила я, косясь на принца. — Сейчас он убедится, что на него никто не смотрит, и... Сами все увидите!

— Ты испытываешь мое самообладание, — взгляд снова скользнул по разорванному полотенцу, которое я прятала шубой, как халатом. Следом за взглядом скользнула рука, недвусмысленно намекая, что если так дело пойдет и дальше, оно одновременно пойдет и глубже...

— Может, просто обнимете? — спросила я. — Пока что представьте, что я — ваш лучший друг... Нам нужно усыпить бдительность ребенка. Я же не предлагаю вам принять ванну вместе.

Пока что мы стояли на расстоянии и молчали. Но хитрую пушистую попу не проведешь. Он прилег на рядом, изредка поглядывая на нас хитрым голубым глазом. И явно никуда не собирался!

1.3

Плохо дело!

— Ты решила меня еще помучить? — слышался голос, а это странное мурчание, вызвало внутри меня целую бурю. — Ты же знаешь, что я еле сдерживаюсь...

— Нет, я действительно хотела вам кое-что показать! — заметила я, стараясь не смотреть на Титикаку.

Я уже не заметила, как очутилась в объятиях — тисках.

— Показать, значит? — слышался голос.

— Rrrr! — возразила я, требуя отпустить меня. Вроде бы правильно сказала!

— Не надо «шевелить пушистые стены», — усмехнулись мне.

— Да что ж такое! Я когда-нибудь выговорю это правильно? — захныкала с улыбкой я. Краем глаза я все еще следила за Титикакой, который явно остыл к доспехам. О, ветреный принц! Тут же намного интересней! Главное, чтобы он не лизал доспехи на морозе!

— Я придумал тебе имя, — слышался голос. Что? Ах, я забыла! Мне же дадут королевское имя! Интересно, что это будет? Грозный топор обмазанный вареньем, крик в ночи: «Где ребенок?», шуба, заправленная в трусы, победительница всяких Оракулов?

— Красивое, — заметило его величество, заинтриговав меня.

— И как же оно звучит? — спросила я. Он улыбнулся, обнажив острые зубы в белоснежной хищной улыбке.

— Хорошо, — выдохнули мне, глядя на меня очень коварным взглядом. — И тут же прорычали...

— Эм... — заметила я, понимая, что пока что не вижу разницы между «Прекрати, пожалуйста», «стул на морозе» и «шевеющимися стенами».

— И что оно означает? — спросила я, вспоминая сложные имена королевской династии.

— Не скажу, — улыбнулось его величество. — Но мне кажется, что оно прекрасно...

— Надеюсь, в нем не перечень способов умерщвления? — подозрительно прищурилась я, ища ответ в его глазах. — Погоди, дай-

ка угадаю! Там есть снег, да?

Он смеялся, а я снова посматривала на принца, который упорно не желала показывать, как умеет проходить в закрытые двери. Или переноситься с места на место магией.

— Мне кажется, оно тебе очень подходит, — заправили мои волосы за ушко длинным когтем.

Впервые не я называю котика, а он меня!

— погоди, дай я его хоть запомню! — заметила я, тренируя речевой аппарат. Нет, я выучу их язык!

Нет, я выучу их язык!

Пр-р-р-ринципиально!

— Rrrrrrrrrr! — порычала я, пытаюсь его вспомнить.

— Нет, я не мог тебя так назвать, — улыбнулись мне, заставляя сердце замереть. Рука нежно скользила по моей щеке, гладила шею и опускалась на узел полотенца, который казался таким беззащитным перед острыми когтями и чарующим взглядом.

Его величество снова порычал.

— Одну минуточку! — причмокнула я, а потом выдала. — Рыррыры...

— Почти, — внезапно обнадежили меня. Я увидела коготок, который ловко терзает узелок. И почувствовала, как когти на спине сжимаются. Титикака был еще на месте. И явно не собирался прослыть талантливым ребенком.

— Знаете, — спасала я узелок, прикрыв его рукой. — Мы с вами отвлеклись...

— Согласен... Отвлеклись... — рука с когтями с явным усилием пряталась у меня за спиной. — Так что ты мне хотела показать?

— Я находилась здесь с принцем, а потом он оказался там. И дверь была закрыта, — созналась я.

— Невозможно, — ответили мне. «Да!», — зевнул Титикака.

— И тогда, когда он сбежал! Няни говорили, что он исчез из-под носа! — спорила я. — Он уже так делал! А сейчас стесняется, почему-то...

— Я понимаю, — вздохнуло его величество, обнимая меня крепко-крепко. — Чего ты хочешь добиться... Если я его согласился усыновить, то это что-то значит. Но его отца я не прошу. Никогда.

— А что если это действительно не его, а ваш сын! — возразила я, понимая, что усыновить принца было для него непростым решением. Переступить через ненависть, гордость, обиду.

— Чего ты добиваешься? — улыбнулись мне.

— Чтобы вы... — прошептала я, поднимая Титикаку с пола и усаживая его на руках. — Чтобы вы любили его...

Осторожно пересадив принца на свою руку, я взяла руку его величества и поднесла к малышу. В последний момент рука застыла, и я не могла сдвинуть ее с места.

— Может быть, когда-нибудь, я смогу это сделать, — слышался голос его величества. — Но я не обещаю. Такие вещи нельзя обещать...

Его рука сжала мою, но так и не погладила принца. Титикака тянул к нам лапку, вызывая у меня умиление, но наши руки расцепились.

— Титикака! — подняла я тяжелого малыша на вытянутых руках. Видимо, упрямство у них семейное. — Ну покажи, ну пожалуйста... Ради меня, а? Так, а в замке есть что-то сладкое? Пусть принесут тарелку, мы ее поставим, а сами спрячемся! И тогда вы своими глазами увидите, как он умеет исчезать в одном месте и появляться в другом!

— До чего же ты упрямая, — слышался голос.

— Беру с вас пример! — совсем капельку обиделась я. — Титикака! Покажи папе, как ты умеешь! Я тебя умоляю!

Но Титикака зевнул, а потом чихнул.

— Титикака! А ну быстро покажи! — попыталась я зайти со стороны строгости. — Так, одну минутку! Постойте здесь! Сейчас!

Я открыла двери и направилась в комнату, показывая доспехи.

— Мммм, — убеждала я, поднося котенка к доспехам. Он зевал и хотел спать. Доспехи его больше не интересовали.

— Ну, Тити! — я чуть не плакала. В голове уже была невероятная картинка. Я очень хотела увидеть лицо его величества, когда он поймет, что это — его котенок. Но маленький принц был упрям и своенравен, как его отец.

Я сделала шаг назад, но меня тут же поймали, с нажимом очерчивая силуэты моей фигуры сквозь одежду. Потом рука жадно скользнула по моей груди.

— Пр-р-рекрати... — слышался голос.

— Не прекращу! — возмутилась я, видя, как принц устраивается на подушках.

— Я кому сказал! — приказали мне, прижимая меня к себе так, что у меня дыхание перехватило. — В нем нет магии. Мы пр-р-роверяли!

— Плохо проверяли! — развернулась я, глядя прямо в глаза. — Я не успокоюсь, пока вы лично это не увидите!

— Дерзишь? — в глазах был вызов. Но это не мешало когтистой руке прижимать меня к себе.

— Дерзю! — ответила я, гордо вскинув голову. Мои руки лежали у него на груди, касаясь белоснежных прядей волос.

— А ты знаешь, как это опасно, — слышался тихий голос.

— Знаю, — прошептала я. — Но от своего не отступлюсь! Я тоже очень упрямая! И однажды вам будет очень стыдно!

— Мне может быть стыдно только за то, что я сейчас могу с тобой сделать, — прошептал голос. В мои губы впились тем самым убийственным поцелуем, не давая даже вздохнуть. Меня положили на кровать, ложась сверху и продолжая страстно целовать.

— Нам нельзя, — прошептала я, пытаюсь неловко упереться ему рукой в грудь.

— Я знаю, — слышался ответ, а его рука скользнула по моей согнутой коленке, скидывая с нее шубу. Когти осторожно впивались и тут же отпускали меня. Мне казалось, что меня сейчас растерзают и съедят!

— Так, все! — внезапно отпрянули от меня, оставив растрепанную и задыхающуюся на кровати. Через мгновение его величество стоял в другом конце комнаты. — Свадьба завтра!

Что? Уже завтра? Не может быть! Сердце сжималось от какого-то сладкого предчувствия. Еще немного, и держать придется не только жениха, но и невесту!

1.6

— Помогите! Спасите! — крикнула я, стараясь не будить гордого и своенравного принца, который таял слюной на подушку.

— Что случилось!!! — ворвались в мою комнату разъяренные огромные волки, тут же жутко скаля зубы. Серьезные ребята! Сразу видно, что шутки с ними плохи!

— Аaaa! — дернулась я от ужаса, видя оскаленные пасти с капающей слюной. — В-в-все в порядке... У меня просто есть просьба одна... А не могли бы вы достать мне книжку с какой-нибудь верхней полки про свадебные традиции? Так, чтобы я морально подготовилась?

Волки тут же отряхнулись и превратились в людей. Только сейчас я заметила, что на младшем нет шкуры. Спрашивать я не решалась.

Волки усмехнулись и ушли, а через пять минут мне принесли толстую книгу.

— Что-нибудь еще нужно? — переглянулись братья. А я все хитрым взглядом смотрела на кожаный доспех, побитый мехом, который до этого момента скрывала бело-серая шкура. Интересно, а кто невеста? Наверняка она где-то в замке!

Я открыла книгу, от удара которой умерло не одно поколение тараканов. Лежа на кровати, я вдумчиво читала, как проходят разные свадьбы. Половина букв заплесневело. И лишь по обрывкам фраз я угадывала общий смысл предложения.

— После первой брачной ночи ирбисов вывешивается простыня... — прочитала я, чувствуя, что у меня волосы на голове зашевелились. То, что простыня вывешивалась явно не для того, чтобы высохнуть, мне стало понятно по картинке. На гравюре был изображен косоглазый мужик, держащий в руках брачную простыню перед родственниками.

— По простыне смотре...Видимо, смотрели... — разбирала я слова, чувствуя, как внутри меня нарастала тревога. — ... девушка Кровь...

Я вспомнила про старинные обычаи проверки девушка- не девушка. И мне стало страшно!

Дальше все было про то, какие символические подарки дарили молодым. И правила выживания на свадьбе... Но мне хватило и этого!

Я сглотнула и захлопнула книгу. Мне срочно хотелось подать объявление. Чтобы оно висело на заборе и колыхалось ветром. Пропала девственность. Нашедшему принести ее срочно, потому что у меня завтра свадьба!

— Нда... — протянула я, закусывая палец.

Жизнь меня как-то не предупреждала о том, что однажды я выйду замуж за его величество. И для этого нужно хранить девственность, не вступать в отношения и держать всех мужчин на расстоянии вытянутого дробовика.

1.7

— И вот что теперь делать? — спросила я, понимая, что нужно идти сдаваться! А то мало ли чем дело кончится? Начинать отношения со лжи мне не хотелось.

«Может, не надо?», — занервничали коленки, стучаясь друг об друга.

«Авось пронесет?», — тряслись внезапно ослабевшие руки.

«А вдруг зарастет?», — стучали зубы.

На мгновение я представила гнев его величества и съежилась.

— Нет! — отогнала я от себя предательские мысли о «промолчать». — Самое время сказать ему, как обстоят дела на самом деле. Пусть сам решает, как поступить!

Мужества хватило дойти ровно до двери и положить руку на дверную ручку. Дальше «мужественная железа» отказала. Я вспомнила ревнивый приказ слугам, что они не имеют права ко мне прикасаться. И в этот момент мужественная железа отказала окончательно.

— Да ладно! — стиснула я зубы, рванув дверь на себя. — Ребят! Посидите с принцем! Мне нужно сказать его величество нечто важное!

Я могла бы придумать какое-то ухищрение, порезать себе руку в конце-концов, но я не хотела, чтобы наш брак начинался со лжи.

Я спустилась по лестнице, чувствуя, что ноги объявили забастовку. И теперь прогибаются при каждом шаге.

Идти было недалеко, а я мысленно репетировала важный разговор.

Роскошные двери встали передо мной, словно стена. Я набиралась мужества, чтобы постучать в них, полупшепотом проговаривая все, что я хотела сказать.

Открыв их я увидела, как на меня посмотрели голубые глаза. Я замерла, видя роскошный торс, украшенный глубокими шрамами и украшение в виде наконечника стрелы, оправленной в золото.

«Вау....», — простонало что-то внутри, когда я смотрела на его фигуру.

«Да успокойся ты!», — отмахнулась я от собственных мыслей

«Да-да, конечно... Но ... Bay!», — замороженно прошептало что-то внутри, когда я уставилась на роскошные плечи и кубики пресса, забыв, собственно, что хотела сказать...

— Эм... — моргнула я, пытаюсь отогнать от себя разные очень интригующие мысли.

Опомниться я не успела, как дверь за мной за хлопнулась, а меня взяли за подбородок.

— Что случилось? — слышался встревоженный голос. На меня внимательно посмотрели голубые глаза. — Говори! Не молчи! Что?

В его глазах помелькнуло все! Мне показалось, что мою спину уже проверили на наличие стрелы, торчащей в ней.

— Эм... — снова выдала я, безотрывно глядя в его глаза. У меня была заготовлена такая шикарная речь, обличающая и нравы, и свободу выбора, и то, что я не считаю опыт ошибкой. Она завершалась чем-то вроде: «Ах, теперь решайте, свадьбе быть или нет!».

— Нет, ничего, — помотала я головой. — Я — не девственница.

И это вместо пятнадцати минут, отрепетированных перед дверью.

— Ты пришла мне сказать об этом? — одна бровь поднялась вверх, а вторая осталась на месте.

— Да, я посчитала, что начинать брак со лжи нельзя... — прошептала я, осторожно прикасаясь к его руке, словно поглаживаю ее, почти не касаясь.

Повисла тишина.

— Можете делать со мной, что хотите, — опустила я голову и стиснула зубы.

1.8

— Поверь мне, — внезапно послышался голос возле моего уха. — До завтрашней ночи ты была девственницей...

У меня от этих слов внутри что-то екнуло.

— Главное, — рука, которая опиралась на дверь исчезла. А от меня отошли на безопасное расстояние, обнажая спину с со шрамом в виде росчерка огромных когтей. — Чтобы именно до ночи...

— А как же простыня? — спросила я.

— Простыню показывают родственника невесты, — усмехнулось его величество, стоя ко мне спиной. — И самое важное, чтобы простыня была не окровавленной... Это означало, что чудовище способно сдерживать свою чудовищную страсть, не искалечив на радостях молодую жену.

— Понятно, — вздохнула я, понимая, что сплю и вижу, когда мои губы нежно прикоснуться к каждому шраму, словно пытаюсь залечить старые раны их своей любовью.

— И... — внезапно схватили меня за руку, когда я хотела уже выйти. Меня дернули обратно в комнату. Жадные когти впивались к полотенце, перебирали его.

— Я устал от предательства... Спасибо за честность... — когти сжались, а моего плеча коснулся едва ощутимый, ускользающий поцелуй. Когти оставили сладкие царапинки на моей спине.

А потом меня вытолкали за дверь.

С легким сердцем я вернулась в комнату. В комнате пировал Титикака. Роскошные приборы валялись на полу, а маленький вредный пушистый принц стаскивал огромный кусок мяса с тарелки. Казалось, кусок был больше его самого.

— А ты дай и отойди! — намекал его воинственный вид. Кусок шлепнулся на пол и маленький «пушнопопый хищник» потащил его на охоту.

Я лежала и наблюдала, как малыш обходит кусок со всех сторон и пытается красться... Он в точности повторял действия папы, чем умилял меня до безобразия. Подскочив к куску, он лизал его и отскакивал.

Я лежала на кровати, глядя одеяло, словно репетируя, как буду гладить чужую спину. У любви нет границ. А для тех, кто их нашел, у меня плохие новости...

— Шлеп! — шлепнулся на меня кусок мяса. А потом сверху на бутерброд мама-мясо упал юный охотник. За что был пойман и затискан.

— Вот совести нет совсем? Да? — спросила я, поднимая малыша на вытянутых руках. — Как показать папе, так все, извините, вы не по адресу. А как прыгать на маму, так вот он я, красавец!

Мы немного придремали. Я обнимала Титикаку. Он обнимал жеванный кусок мяса, выпавший у него изо рта.

Послышался скрип открываемой двери.

В комнату вошла та самая служанка, которой я однажды спасла жизнь. Пока она ползала по полу, я заметила на ней знакомую шкуру. Где-то я ее уже видела! Ну конечно! На плечах младшего волка! Неужели? Он тоже решил жениться? Вот так новости!

— Поздравляю, ваше величество! — улыбнулась волчица, собирая остатки Титикакиного пиршества.

— Я тебя тоже поздравляю! Когда это вы успели? — с улыбкой ответила я, глядя на шкуру, которая прикрывает ее плечи. Волчица покраснела, пряча глаза.

— Я смотрю, будущая королева уже немного знает наши обычаи, — вежливо и учтиво заметила волчица, не скрывая смущения. — Я пришла пригласить вас, Ваше Величество, выполнить еще один брачный обычай. Так делают все женщины перед свадьбой. Они должны отнести дары оракулу и попросить его завтра скрепить ваши узы навсегда.

— А можно я никуда не пойду? — взмолилась я, глядя на увесистый сборник маразмов, лежащий на одеяле.

— Как вы не пойдете? — ужаснулась волчица. В ее руках была корзинка. — Если вы не пойдете, то брак будет несчастливый! Вы умрете раньше, чем ваш жених! И не просто умрете, а еще и состаритесь! Вам нужно умиловить древнюю магию, чтобы она даровала вам очень долгие годы жизни...

— Хорошо! — согласилась я, стекая с кровати. Нацепив платье и кутаясь в шубу, я нехотя встала. Ненавижу древнюю магию!

— Пусть тогда братья посидят с принцем! — заметила я, глядя на сонного Титикаку.

— Нет, что вы! — замотала головой волчица. — Ни в коем случае! Мужчины об этом знать не должны! Это — женский ритуал! Принца взять можно! Он еще маленький.

Глава двадцать девятая. За маму! За ногу!

— А он обязателен? — спросила я, осторожно листая старинную книгу, в поисках обычая. И правда! На одной из страниц были изображены девушки, стоящие возле оракула. Все! Теперь не отделаешься!

— Обязателен, ваше величество, — вздохнула служанка, показывая корзину.

— Хорошо, только малыш остается здесь, и... — замялась я.

Лень говорила, что тащиться куда-то среди ночи — плохая идея. Но если того требует обычай, то придется.

— Я боюсь, его не с кем оставить будет, — послышался голос служанки.

— Сейчас что-нибудь придумаем, — усмехнулась я. «Ну не на-а-а-адо...», — гнусаво упиралось что-то внутри.

За дверью не было никого, кроме младшего, спящего ковриком. При звуке открываемой двери, он повел ухом и вскочил.

— Посиди с малышом, а я пока схожу... — начала я, размахивая корзинкой, как Красная Шапочка.

— Сейчас брат подойдет! Я посижу! — кивнул младший, глядя на свою невесту. — Обычай? Да? Жаль, что мы не можем пойти с вами!

— Ну вот еще! — рыком заметила его невеста. — Это женский обычай...

Мы спускались по лестнице. Корзинка была тяжелой. Я представляла, как Оракул будет чавкать, пока никто не видит. Это меня утешало.

— Я хотела вас поблагодарить, — вздохнула служанка, идя немного впереди. Замок уже спал. В темных коридорах были только тьма и холод. — Вы тогда спасли меня... Я вам очень признательна... Я хотела вас поблагодарить раньше, но обычно боялась даже к вам подойти.

— Да брось, — пожала я плечами, вспоминая, как по мне прошлись когти.

— Если бы не вы, то он бы меня растерзал в ту ночь, когда принц исчез, — вздохнула служанка. Я даже имени не спрашивала. Все равно выговорить его не смогу.

Наши гулкие шаги эхом отдавались от темных стен и растворялись в пустых гигантских коридорах.

— Проходите, — слышался голос служанки. Она открыла тяжелую дверь и впустила меня в огромный зал. В зале было пусто и тихо.

— Давай быстренько, — прошептала я, чувствуя себя добрым самаритянином, навещающим друга в больнице.

Дверь закрылась, а я направилась в сторону оракула. На него падал луч света, остальная часть зала была темной.

— Что говорить? — зевнула я, приподнимая мех с корзинки.

— Что хотите, — шепотом ответила волчица.

Наши шепчущие голоса в зале казались ужасно громкими. Я вздохнула, решив приблизиться к свету, как вдруг... Я поймала себя на странном чувстве. То самое, непередаваемое, первобытно чувство страха, заставившее замедлиться и прислушаться к самой себе. Такое чувство, словно за мной из темноты наблюдают. Внимательно и пристально.

Я сделала еще шаг, пытаюсь отделаться от этого ощущения. Волчица была рядом, а я нахмурилась.

— За нами кто-то следит, — прошептала я. И тут же добавила. — Мне кажется...

Холодок между лопаток стекал вниз, когда я сделала еще один шаг.

— Вы так думаете? — слышался ее шепот. Она принялась...

Как вдруг отшатнулась от меня. Я пригнулась, а тень пролетела надо мной, врезаясь в оракул. Серебристая, огромная и бесшумная. Кто-то впервые промахнулся на охоте.

Я бросилась бежать, но не успела. Меня рванули за шубу, и я очутилась на полу. Огромная лапа придавила мне грудь. На меня из полумрака смотрели голубые глаза.

— Ваше Ве... — прищурилась я, тяжело дыша.

— Еще нет, но скоро возможно, — произнес незнакомый рык. — Где принц?

— Она отказалась его брать с собой, — слышался голос волчицы. Значит так, да?! Я попыталась встать, но чувствовала себя недобитым тараканом, прилипшим к тапку сорок пятого размера.

«Кричи!», — подсказывала совесть. «Молчи!», — шептал инстинкт самосохранения. Разрываясь между этими чувствами, я решила не делать глупостей. Достаточно одного удара, чтобы лично познакомилась с покойными родственниками.

1.1

— Лапу убери! — неожиданно произнесла я голосом начальственным и пререкания не терпящим.

Мне в лицо рыкнули так, что у меня чуть скальп не сдуло.

— Что вы хотите? — спросила я, все еще слыша звон в ушах.

— Того, для чего я родился, — слышался незнакомый голос.

— Так, Лунтик! Ты родился. Что дальше? Я так понимаю, вы тот брат? — спросила я, чувствуя, что из лапы появились когти.

— Брат, да немного не тот, — слышался рык. — Слышала про тайных наложниц?

— Чуть ею не стала, — ответила я, пытаюсь не показывать страха. Но попробуй не покажи, когда вся твоя грудь помещается под одну огромную когтистую лапу.

— Значит, тебе долго объяснять не надо, почти королева, — слышался рык. — До свадьбы у короля была тайная наложница. Потом он женился, у него появились близнецы. А мою мать изгнали. Да вот, уходила она не одна, а со мной... В животе... — снова слышался рык.

— Хорошо, мне искренне вас жаль. Я так понимаю, вы пришли поговорить про тяжелое детство в тяготах и лишениях? — тяжело дышала я, понимая, что одно неверное движение, и все.

Женщины знают о жизни намного больше. Ведь в жизни, как и на кухне. Сначала кипит, бурлит, соль-сахар-перец по вкусу, приправы на глазок, а потом хлоп! И крышка!

— Если да, то это не ко мне, — ответила я, сглатывая при виде огромной лапы. — Я могу позвать отличного психолога...

— Она из другого мира, я вам говорила... Иногда она говорит странно, — слышался робкий голос волчицы.

— Аррррр! — рывкнули на нее, заставив заскулить. — Ты должна была проконтролировать, чтобы эта без пяти минут королева взяла с собой принца!

— Простите, — слышался скулящий голос лсужанки. — Я вас умоляю. Я сделала все, что вы сказали... Вы отдадите мне моего щенка? И вы обещали не тронуть моего жениха...

Так вот оно что! Наш младшенький решил жениться на волчице с волчонком! Как я ее понимаю. Ради ребенка я бы тоже на многое пошла!

— Встала! — рявкнул огромный полосатый ирбис, убирая лапу с моей груди.

— Кхе! Всю грудь истоптал, — прокашлялась я, вставая, словно во сне. — Пушистый мух...

Я пыталась подбодрить себя, держать себя в руках. В панике можно надеть таких глупостей, которые будут стоить тебе жизни.

— Снимай шубу! — рявкнул на меня "дядя". От звука его голоса по залу ползли витиеватые руны. Видимо, на зал наложено заклинание бесшумности. Поэтому в замке нас вряд ли слышат.

— Посмотрим, как тебя любит твой король, — послышался рык. Я обернулась, понимая, что не успею к дверям. Меня настигнут в два прыжка.

— Нет! — мотнула головой я. — Здесь холодно. Боюсь замерзнуть.

— Снимай!!! — рявкнули на меня так, что если бы я не была привычной, то точно сделала бы лужу.

И в этот момент из темноты бросилась ... маленькая белая и пушистая тень: «Р-р-рыыы!».

Мамин защитник спешил на помощь, но тут же очутился в зубах у огромного зверя. Наверное, сила матери заключается в том, что при виде опасности, она способна искусать бешенную собаку, отоварить звиздюлями медведя гризли по первое число и задушить кобру голыми руками.

Я не помню, как бросилась с голыми руками на огромного страшного ибриса, но меня отшвырнуло в сторону. Сердце бешено колотилось, а я даже не почувствовала боли от удара.

— Итак, ты снимаешь шубу, и котенок будет жить, — послышался рык. Я увидела, как лапа придавила Титикаку к полу. Взглянув на оракул, я вспомнила: «Дядя родной тебя убьет!».

Внезапно оракул засветился тусклым светом.

1.2

— Пророчество сбывается, — произнес оракул, осветив маленького мужественного Титикаку, который пытался скалить зубы и укусить за огромную лапу.

— Хорошо, — выдохнула я, глядя на эту картину. — Я сниму... Ребенка — не тр-р-р-рогать!

Я стала снимать шубу с плеч. Она соскользнула по платью вниз.

— Рви ее! На ней остался мой запах! — прорычал еще один родственник, которого уже, видимо, скинули со счетов. Жаль, что не в пропасть.

Служанка дрожащей рукой протянула мне нож.

— Простите, я знаю, мне нет прощения... Но у него мой ребенок... — шептала она, глотая слезы.

— Не извиняйся, — ответила я, не сводя взгляда с ирбиса и ребенка. Если я сейчас брошусь на него с ножом, то... Я могу просто не успеть!

— Швырк! — надорвалась роскошная шуба, звеня драгоценностями по полу.

— Еще! — прорычали на меня.

— Извините, я курсы кройки и шитья не заканчивала, — ответила я, пока сердце вздрагивало из-за принца.

Несколько раз я ударила шубу острейшим ножом. Нет, не успею! Моя рука сжала рукоять, а я полоснула шубу еще раз, пряча маленький кусочек себе в рукав.

— Ой! — прошептала я, ударив ножом по каменным плитам. — Нож сломался...

Ага, сломался! Так, кончик отпал. Звякнув ножом, об пол, я спрятала его в рукаве.

— Достаточно! Не думаю, что вы очень темпераментный мужчина, — заметила я, уговаривая себя не делать глупостей.

— Отлично! Забирай своего котенка! — мне в руки швырнули Титикаку. Я прижала его к себе, покрывая поцелуями.

— Тише, тише, — прошептала я, чувствуя непривычный холодок. После теплой шубы, как после одеяла. Как заново родился в холодный

и негостеприимный мир.

Послышался звон битого стекла.

В это мгновение у меня перед глазами вспыхнул свет. Едкий запах наполнил легкие. Я закашлялась в светящемся дыму.

Покачнувшись, я сделала глубокий вздох, видя, что замок изменился. Теперь мы находились в каких-то холодных руинах. Стены требовали капитального ремонта в прошлом столетии. В этом столетии они смирились и медленно рассыпались.

Передо мной появилась... почти копия любимого. Те же белоснежные волосы, синие глаза, но только черты лица были немного другими. Одежда была намного проще и скромнее.

— Хоть бы прибрались перед тем как приводить сюда девушку, — усмехнулась я, глядя в голубые глаза, наполненные ненавистью...

— Итак, — послышался голос, а меня медленно и бесшумно обходили со всех сторон. — Сегодня же его величество получит твою шубку. Интересно, как он отреагирует? Хотя, я догадываюсь... Еще бы! Такой удар! Прямо перед свадьбой! Сбежать вместе с принцем...

— О, я смотрю, вы очень обходительный! — прокашлялась я, не сводя взгляда с белых волос. — А могли бы вы обходить меня против часовой стрелки. У меня начинает кружиться голова.

Мне на шею легли руки с когтями.

— Я давно за тобой наблюдаю, — послышался вкрадчивый голос, а мою шею сжали, словно пытаюсь задушить. — Какая — то девушка из другого мира, няня... И вдруг ... Королева!

— Я недавно за вами наблюдаю, — ответила я, стараясь не дрогнуть. — Какой-то Барсик. Местный... И вдруг любитель острых ощущений!

— Острых ощущений? — послышался голос, а мне в шею чуть не впились когти. — Вот они острые ощущения.

— Так, ребенку пора спать! Вы или рассказываете свою жалобную историю про тяготы детства, или я укладываю ребенка! — произнесла я, баюкая Титикаку на руках. — Погоди, мой хороший, сейчас злой дядя расскажет нам грустную сказку про свое нелегкое детство... Будем слушать сказку про чужое безрадостное детство? Будем! Ну, рассказывайте!

1.3

Я увидела улыбку, в которой сквозил призрак знакомых черт. Неуловимое и пугающее сходство пыталось успокоить бдительность.

— Итак, принца сюда! А тебя... — схватили меня за плечо. У меня вырывали ребенка, заставив сердце оборваться.

— О, я смотрю в глазах появился страх... — слышался тихий голос. Он носом прошелся по моему плечу, шумно втягивая воздух. — Да, я не ошибся... Это страх... Боишься, что я убью принца? Нет! Принц — это ключ к трону. У кого горячо любимый народом маленький принц, тот и король... Поначалу я был рад, что принц и король так и не нашли общий язык. Но потом появилась ты, и убедила народ в том, что принц — не заложник, а любимый ребенок королевской четы. Пусть и приемный... Досадно! Я был уверен, что брата свергнут! Рано или поздно народ озверевает, и никакая стая не сможет уберечь замок! И тогда на трон взожду я. Поэтому принц остается здесь. А без пяти минут королева отправляется в подземелье!

Откуда ни возьмись, появились знакомый рожи. Я, кажется, видела их на торжественных приемах. Уж больно знакомые у них были лица.

— А где? — слышался требовательный голос дяди. — Где? Ваше величество?

— Ой, простите, — замешкались придворные, поклонившись. — Ваше Величество! Что будет вам угодно?

— Няню вниз. Принц остается здесь... — слышался голос.

Я видела, как Титикаку держат на руках и гладят. Но Титикака укусил за палец, заставив выдернуть руку.

Мне хотели заломить руки, но я вырвалась, скрывая нож.

— Если я выберусь, то вас найдут по запаху, — усмехнулась я, одергивая рукава.

Под конвоем человек в пятнадцать повели по мрачному коридору. После наших коридоров эти коридоры казались лилипутскими.

Все пятнадцать человек были начеку. Словно я сейчас чихну и разваляю всю шайку-лейку! Вот что значит репутация! Или одним

ногтем вырежу всю охрану. Я даже усмехнулась, пытаюсь не паниковать.

— Ваше величество! — слышался издевательский голос, когда мне предложили пройти в темное подземелье. Там было сыро и холодно.

Я спустилась вниз по ступеням, видя, как пляшет пламя факелов на покрытых ином стенах.

— Конечно, не ледовые казематы, но тоже что-то, — слышался голос, когда скрипнула глухая дверь. Меня втокнули в холодный черный прямоугольник.

«Вот это сервис!», — ужасался внутренний голос. Прямо, как в провинциальной гостинице.

В темноте не было видно ничего. Я осторожно шагнула, как вдруг услышала шорох. «Крыса!!!», — пронеслась мысль. Я передумала куда-то идти.

И тут крыса заскулила...

— Ой! — удивилась я. — А ты кто? Иди сюда, не бойся!

Глаза уже немного привыкли к темноте, но я не могла понять, откуда скулят. Случайно я наступила на миску, в которой лежал плесневелый хлеб.

— Малыш, — присела я на корточки. — Малыш, не бойся... Иди сюда...

Послышался слабенький вой. И стих.

Значит, волчица не соврала.

Но ко мне боялись выйти. Я присела на груды тряпья, сразу отобрав то, что можно нацепить на себя для «сугреву». Волчонок не выходил.

Я сидела и думала, что будет дальше. Обломанный нож в рукаве грел мои мысли. Я достала из рукава кусочек драгоценной вышивки, вздыхая. Волчонок не подходил. Изредка он шевелился то справа, то слева.

— Нужно поспать, — прошептала я, откидываясь на стену.

Проснувшись я от того, что мне в руку ткнулся мокрый нос.

— Попался! — схватила я чужого щенка и засунула за пазуху. — Сиди, грейся!

Сначала он вырывался, а потом притих. Я осторожно сунула руку, ужасаясь. Он был худой настолько, что я прощупывала его ребра.

— Все, малыш, — прошептала я, покачиваясь. — Мама здесь...
Как там мой маленький?

Теплота возле сердце успокаивала. Нужно что-то думать! Нужно что-то делать! Но я ужасно боялась допустить ошибку. Любая ошибка будет стоить жизни принцу...

1.4

Мы просидели так до утра. Я согревала пушистый скелетик, гладила мордочку, которая высовывалась из тряпок. Утро прошло в камеру грохотом открывающегося замка.

— Итак, настал момент истины, — слышался голос. В камере вдруг стало так светло, что пришлось зажмуриться.

— О, я вижу, вы здесь неплохо устроились, ваше без пяти минут величество! Конечно, но роскошные королевские покои, но все же, — усмехнулся мне без пяти минут мужик.

— Я хочу, чтобы ты видела это лично! — слышался голос. Он подбросил на ладони медальон, и тут же ловко поймал его.

— Как там принц? — прошипела я.

— С ним несколько няnek. Я же сказал, что пока что он интересуется меня живым, — ответили мне, ничуть не скрывая ненависти.

Медальон вспыхнул, освещая камеру.

Я видела тронный зал, убранный к свадьбе. И видела, как сквозь толпу придворных. А потом я увидела служанку, которая несла на дрожащих руках растерзанную шубу по живому коридору.

— Не может быть! — восклицали придворные. — Прямо перед свадьбой! Это ж надо!

Шепот превращался в гул. Чем ближе служанка приближалась к трону, тем больше замедлялась. Было видно, как дрожат ее руки... Они уже не просто дрожали. Они тряслись!

— Ваше Величество, — прошептала она, падая на колени и складывая шубу на ступени. — Вот...

Она опустила голову низко — низко, едва не коснувшись лбом ступеней.

Я застыла, чувствуя, как руки начинают дрожать у меня.

— Она заб-б-брала п-п-принца и... — слышался дрожащий и тихий голос служанки. Все боялись пошевелиться, затаив дыхание. Они жаждали подробностей. Но их не было.

— Сбежала, — слышался чей-то вердикт.

Я видела, как его величество молча встает, вместе с ручкой трона, которую выломал. Он швырнул эту ручку. И в этот момент придворные заторопились к выходу. Служанка отползла, бросаясь вслед...

Наперерез его величеству спешили волки.

Медальон погас.

— Вот и все, — слышался голос, когда картинка растворилась. — Сейчас мой несдержанный братец устроит кровавую бойню. И прослышет в народе, как кровавый тиран. Чуть погодя мы пустим слух, что на самом деле это он убил принца. А бедная, несчастная невеста не выдержала этого и ... сбежала.

— Что? — ужаснулась я, чувствуя, как ерзает на груди волчонок. Осторожно, чтобы ему не влетело, я ссадила его на тряпки.

— Или попытался убить принца, но мужественная невеста сумела спастись вместе с котенком...

Я не понимала, к чему он клонит.

— Я пока не решил, — слышался холодный голос. Он повернулся ко мне спиной. Я достала обломок ножа. Мне не хватило буквально секунды. Мою руку перехватили и бросили на пол. Надо мной стоял страшный зверь.

— А ты мне нравишься, — слышался голос. Нож хрустнул в его руках. — Если ты вела себя так же с братцем, понимаю, почему он так тобой дорожил. И глаза у тебя бесстыжие. Нет ни страха, ни ужаса... Интригует...

Я брыкнулась, пытаюсь выбраться. Когти впились в меня, а потом исчезли. И меня отпустили.

— Ножи придумали люди, чтобы не бояться темноты. У тебя один коготь, у меня двадцать. Как думаешь, кто кого? — слышался смех. — Так, без пяти минут королева! За то, что ты попыталась сделать, еды ты не получишь!

— У меня неплохие запасы, — огрызнулась я, внимательно следя за зверем. — Как-нибудь перезимую...

— В вашем мире все такие? — спросил дядя, наступая с хрустом на остатки ножа. — Впрочем, можешь не отвечать! Завтра я решу, что делать с тобой и принцем! Так или иначе, править моему братцу осталось совсем недолго!

Дверь закрылась, а я снова осталась одна. «Зр-р-ря... Зр-р-ря!», — рычала я, жалея, что не успела. Волчонок снова подошел ко мне, а я взяла его на руки. Он жалобно скулил.

— Ты голодный? Знаю, — прошептала я, согревая его своим теплом. Он был как крупный щенок. — Вот как выберемся, так сразу наешься! Потерпи, малыш... Я знаю, что ты терпел уже очень долго...

Мой взгляд упал на цепь, прибитую к стене.

— Но потерпи еще капельку... Пусть нет хлебушка, я могу рассказать тебе сказку? Хочешь сказку? — прошептала я, глядя на тощее тельце, вылезшее из тепла. — Как тебя зовут?

— Ырррррыыырр, — прорычал волчонок, тычась мокрым носом мне в лицо.

— Ну слушай... Жила- была одна девочка, — прошептала я, усаживаясь поудобней. — И однажды она попала в другой мир...

Я рассказывала, баюкая чужого щенка, как баюкала моего Титикаку.

— А потом... потом он нашел ее, маленького принца и Ыррррр... Ырррр вернулся к маме... Или королева забрала его себе... Эх... — прошептала я, глядя в одну точку. — И жили они долго и счастливо...

Из глаз покатались слезы. К сожалению, боюсь, такого уже не будет...

— Сколько раз тебя предавали, мой ледяной король, — прошептала я, вздыхая и сжимая губы. — И вот только-только ты стал оттаивать... А то был сосулькой... Как на тебе! Новый удар... Ты ведь думаешь, что я — предательница?

— Малыш! — встревожилась я, трясая изнеможённого щенка. — Малыш!!!

Он открыл глаза.

— Ой, прости, я просто испугалась, — прошептала я, прижимая его к груди. — Я испугалась, что ты ... Ты спи, спи, мой маленький... Спи... Все хорошо...

Делать было нечего. Тратить силы на что-либо, я пока не планировала.

— Шубу сделаю! Буду самой модной в автобусе! — злилась я. — И рукавички! Еще на сумочку хватит!

1.6

Вдруг я услышала странный звук. В камере было темно. Звук раздавался возле двери. Словно ее кто-то грызет...

— Кто здесь? — спросила я.

— Rrrrrrr, — услышала я знакомое.

— Титикака, — беззвучно выдохнула я, слыша, как когтистые лапки скребут двери. — Мама здесь...

Ну да! Что принцу семь нянек!

— Тити, — прошептала я, прильнув к проклятой двери.

В щель было видно, как малыш пытается толкать дверь, скребя ее когтями.

— Малыш, — прошептала я. — Ты так ее не откроешь! Лучше иди к папе!

— Ры! — возмутился ребенок. Ну и характер! Горе мое, пушистое!

— Малыш, иди к папе и скажи где я, — прошептала я, но меня упорно не слышали, скребя дверь когтями и пытаясь достать до ручки.

— Малыш... Я умоляю тебя! — прошептала я, глядя на то, как мелькает белая шкурка. Может, в камере есть что-то, что мешает перемещению? А все равно я плохо разбираюсь в местной магии! Мы Магических Академий, простите, не кончали!

И тут я увидела не лапы, а ... детские пальчики... Они трогали дверь. Сердце замерло... Я бы обцеловала каждый пальчик... Нет, чтобы показать маме, какой я красивый. Нужно дождаться когда мама будет сидеть в темнице, чтобы обернуться человеком.

— Тити, — позвала я, видя светлые волосы и ярко-голубой перепуганный глаз.

— Один в один, — прошептала я, изумляясь сходству. Такая же линия скул, такие же губы и нос... У этого нос другой... А тут прямо маленькая копия...

Пальчики изучали дверь. Я пыталась просунуть руку в щель, но у меня не пролезали пальцы. Мне так хотелось погладить моего котенка.

Жаль, что слово «папа» для нас пустой звук. Если бы папа проводил с нами больше времени, то, может быть, все бы обернулось

по-другому... Но папа для нас был всегда чужим... Он лишь изредка появлялся в жизни малыша... Видимо, Титикака даже не знал, что у него есть папа. Поэтому маленький хвостик «Где мама, там и я!» не вернулся в замок.

— Нет, мама открыть не может... Мама не какает, — выдохнула я.
— Тут уже до мамы постарались!

— Где принц?! — слышались крики.

— Прячься! — взмолилась я, глядя на маленькие пальчики, которые все не унимались... — Тити! Прячься! Я тебя умоляю!

В щель ударил свет. Слышался грохот ног...

— Ррррыыы, — выдал воинственный принц.

Глава тридцатая. Мамин мышелов

— Я не виновата... — слышался женский голос. — Я глаз не сомкнула... Он полез под кровать... Я думала, он там сидит... А потом ... потом полезла за ним, а его там не было! И мы тут же позвали вас!

О, как это знакомо!

— Значит так! Забирай ребенка! — слышался рык. Я замерла, чувствуя, что сердце обрывается. — И следи за ним!

Все стихло. Свет унесли, а следом моего маленького...

На мгновение я задремала, забываясь тревожным сном. Мне снилось, как его величество идет по залу, а все замерли, опустив головы и разучившись дышать... Его взгляд, словно выбирает жертву, на которой он сейчас сорвется...

Я дернулась, когда увидела сверкнувшие когти. Волчонок заскулил, а я стала его утешать, зябко ежась и пытаюсь отойти от страшного сна.

Немного посидев, я вздохнула и попыталась уснуть.

Мне снилось, как в огромной роскошной комнате мечется белоснежный зверь... На полу, на стенах уже нет живого места от когтей. Я видела, как страшные когти раздирают мебель, оставляют глубокие борозды в каменных стенах. Кровь на полу, кровь на стенах и страшное чудовище... А на нетронутom столе, как на алтаре лежит моя шуба.

В какой — то момент ее берет дрожащая человеческая рука, и гладит, приносясь. Я видела, как он сжимал ее, словно человека... А в глазах были только лед и смерть...

Я снова дернулась, а потом выдохнула... Это всего лишь сон... Просто сон...

Стоило мне задремать еще раз, я увидела, как меня ведут по залу. «Умоляй, проси, делай, что хочешь...», — шептали волки. Я поднималась по ступеням, словно на плаху... «Сбежавшая королевская невеста подлежит смерти! Измена королю, измена государству!», — вертелось у меня в голове. Все произошло мгновенно. Я даже не поняла, как очутилась на полу. И как на моей шее сомкнулись челюсти.

— Аааа! — дернулась я, снова просыпаясь в холодном поту. Ноги замерзли, поэтому я их посильней укутала.

«Я тебе верил...», — слышала я выдох перед смертью... Бррр!

Я сидела в тишине, отмеряя время воспоминаниями.

Мне удалось еще раз задремать. И я увидела волчицу, висящую на вытянутой руке. Ее ноги не доставали до земли. По щекам катились слезы. Я видела ледяные глаза, в которых не было ничего человеческого!

Проснувшись я от того, что в дверь опять скребут.

— Титикака, — прошептала я, забывая об ужасах, которые терзали меня ночью. — Маленький мой... Ты опять сбежал? — прошептала я, видя, как ко мне в щель тянутся маленькие пальчики.

Он не мог открыть дверь.

— Тити... — прошептала я, видя, как вместо пальчиков ко мне пытается дотянуться пушистая лапа. Потом снова пальчики...

Сколько радости было, когда мне удалось чудом просунуть руку, вывернув ее так, что второй раз я это не повторю. До конца стены добрался лишь мой палец. Я почувствовала, как детские пальчики хватают меня за палец... В этот момент у меня из глаз брызнули слезы.

Малыш свернулся в клубочек и лег возле двери. В этот момент сердце надорвалось...

Послышался грохот шагов. Я поднялась с пола, прильнув к двери.

— Опять хочешь сказать, что просто отвернулась?! — бесновался страшный зверь. — Опять?!!

— Простите, я просто отвернулась... Он как-то открыл дверь... — лепетала нянька.

Я вздохнула, слыша, как Титикаку уносят снова. Через десять минут он опять сидел под моей дверью. О, вы не пробовали сходить без него в туалет!

— Так, мне это надоело! Пусть сидит в камере! — послышался страшный рык. Дверь отворилась со скрипом. И мне швырнули принца.

О, какое счастье... Я прижалась к Титикаке, кутая его, чтобы он не замерз... В подземелье было холодно. Поэтому на Титикаке был старый чепец, две кофты. Рукавами на передние лапы, вторая на задние... Все это связалось по центру пояском. Следом был утеплен

волчонок. На нем тоже был чепец, а сам он был обмотан подобием шарфа. Воняло все это жутко, но хотя бы не простынут.

Я обняла малыша и задремала. На этот раз без снов. Проснулась я, дрожа всем телом. На тряпках лежаладохлаямышь. На нее облизывался волчонок. Но Титикака сидел и рычал, отгоняя его от добычи. Мол, не трогай! Это маме!

1.1

— Доброе утро, няня, — слышался довольный голос и скрип двери. — Как спалось!

Я разлепила глаза, глядя на вошедшего с ненавистью.

— Конечно, не королевские покои, но все же! — заметил дядя, пока на него рычал, собрав в кучку усы Титикака. Волчонок забился в тряпки и скулил.

— Ну что? Подождем, когда мой братец окончательно потеряет человеческий облик? — присел дядя, глядя на нас. — А все к тому и идет!

— С чего это? — шепнула я, глядя в голубые глаза.

— А! Ты не знала! Ну да, конечно, — слышался смех. — Все время забываю, что ты у нас из другого мира! Видимо, тебе не говорили, да? Ну да, ну да... Знаешь, каждом из нас есть немножечко человека. И когда это «немножечко» нас покидает, мы становимся такими тварями... Ни любви, ни тоски, ни жалости... Все перегорает и превращается в слепую ярость... Я пока что терпеливо жду, когда это случится...

— Ну да, — заметила я с усмешкой. — В следующий раз, когда вы будете похищать королеву, спрашивайте, умеет ли она писать!

Я показала царапину на пальце, которая уже стянулась.

— На шубе все написано. Красным по белому... заметила я, вспомнила, как водила пальцем в темноте, не сильно надеясь на успех. Надеюсь, он сможет прочитать!

— Ах ты... — слышался разъяренный голос. Меня тут же схватили за горло, едва не задушив.

— Девушка с высшим образованием, — вздохнула я, скосив глаза на огромную руку.

Меня опрокинули на тряпки. Дверь захлопнулась, высказав мне все, что думают о моем высшем образовании.

— А еще я проволочку могу скрутить в виде интеграла! — крикнула я вслед. — И найти корень третьей степени при помощи лопаты на огороде!

Волчонок потянулся за мышью, но тут же получил лапой по морде.

— Пусть поест, — обняла я и поцеловала жесткие усы. — Он давно не ел! А мама уже покушала... Да...

Жадно расправляясь с мышью, волчонок поскуливал от радости...

— Так, дети не пропадут, — успокоилась я, видя, как Титикака тащит еще одну мышь.

— Вот так, дорогие мои, — заметила я, видя еще одну мышь, которую выскребали когтями из норы. — Образование — это важно!

Всегда мечтала это сказать! Нет, наивные! Главное — все учили! Только не тот факт, что я умею писать! Для королевы — это не самое важное качество, ведь так?

1.2

— Когда мы отсюда выберемся, я хочу... шапочку, шубку, рукавички и муфточку! И все из одного комплекта, — усмехнулась я.

Обняв колени, я ждала. Если он не собирается кормить пленников, то ждать, когда мы ослабеем до такой степени, что не сможем убежать, я не собираюсь. Заставила я его понервничать. А те, кто нервничают, допускают ошибки.

Время шло.

Только сейчас я поняла, что узник никогда не сидит в камере один. В темноте прячется призрак надежды. Он будет рядом до самого конца. Пока не откроется тяжелая дверь. И голос не скажет: «Ты свободен!».

— Так, мои хорошие! Кстати, про образование! — заметила я, понимая, что нужно чем-то занять мысли. — Начинаем урок! Тити! Отдай мышь! Брррр!

— Один! Одна мышка! Сколько мышек?

— Р? — спросил Титикака, пытаясь лапой отобрать мышь. Волчок сидел и смотрел на мышей. — У?

— Молодцы! — похвалила я, вспоминая Графа Монте Кристо, первого получившего высшее образование в тюрьме. — «У!» и «Р!». А что, если мы добавим к одной мышке еще одну? Ну-ка?

Я успокаивалась. Тишина перестала давить.

— У? — спросил волчонок.

— Нет! Подумайте хорошенько! — голосом учительницы заметила я.

— Ррррррр? — спросил Титикака, который так и не порадовал маму тем, что обернулся ребенком.

— Ррррррр — слишком много! У нас тут не стадо мышей! — заметила я, глядя на двухдохлых мышек.

Через полчаса мы научились складывать мышек.

— У, у, у, — ответил волчонок. Он был таким милым, как щенок. Втайне я надеялась, что его маму еще не съели. А он может!

— Р! Р! ... — задумался Титикака. — Р!

— Молодцы! Налетай! Ешь! — разрешила я, понимая, что до пяти мы так и не можем сосчитать. Исключительно потому, что кто-то стащит мышь. Нет, значит дома я бегаю с тарелкой, уговариваю поест парное мясо! А как жрать мышей в вонючей камере? О, это всегда пожалуйста! Положите еще!

— Вот как тебе не стыдно, — усмехнулась я, глядя Титикаку. Мне под вторую руку подлез мокрый нос, мол, и меня гладь! — Дома мы нос воротим! А тут прямо за милу душу!

Фастфуд всегда вкуснее!

— Итак, считаем дальше! Где наши мыши? — поискала я Титикакиных мышей. — Так? А где наши мыши? Кто съел учебный материал? Кто лишил нашу закрытую гимназию основных мощностей?

1.3

Послышались шаги. В щель проскользнул свет.

— Думаешь, они не смогут проникнуть в замок? — послышался грубый голос и лязганье оружия.

— Маги перекрыли эту возможность! Магией в замок снаружи не проникнуть никак! — рявкнул ему в ответ второй голос. — После того, как притащили пленников, на стены замка было наложено столько чар, что тебе и не снилось.

— Плохи наши дела, — послышался первый голос. — Никто не вернулся с церемонии...

— На то и был расчет. — послышался голос. — Их люди перешли под наше командование!

Шаги приближались.

— Где охрана? — послышался грубый окрик. Откуда-то с дальнего конца коридора послышались голоса.

— Приказ Его Величества! Как только он спустится — убить щенка! Это понятно? Приказ выполнять!

Я посмотрела на тощего волчонка, который повел ухом.

— Так малыш! — занервничала я, хватая его на руки. — Что же делать? Куда бы тебя спрятать? Так! Тебя здесь найдут! И здесь тебя тоже найдут... Все, все, не переживай! Сейчас мы тебя спрячем! Так, иди сюда! У нас будет очень полненькая няня! Я отогнула одежду и засунула его себе.

— Сиди тихо. Понял? — прошептала я, видя, как Титикака с любопытством смотрит, куда это я прячу чужого ребенка.

Минуты тянулись бесконечно долго. На груди возился волчонок, которому было ужасно неудобно. Я просунула руку в дырку и украдкой погладила его. Я выглядела, как немного беременная. Но за счет огромного количества одежды, это было незаметно.

— Мы не знаем, где волчок! — пояснила я Титикаке, как вдруг послышались шаги. Дверь камеры отворилась. И в нее с факелами зашла охрана, ирбис и ... моя служанка. На ней была кровь, она тряслась и пыталась уцепиться за одежду дяди.

— Я все сделала так, как вы мне сказали, — шептала она, трясаясь всем телом. — Я прошу вас... Нет, я умоляю... Я могу забрать моего малыша? Я ведь все сделала, как нужно...

На ней была кровь. На руках огромный длинный порез когтей.

— Конечно, я отдам тебе твоего волчонка, — слышался голос дяди. — Малыш, выходи... Мама пришла...

— Можно, я его сама позову, — прошептала она, начиная тихо выть. Я успела раньше, чем ребенок ей ответил. Я сжала его морду, но он заснул.

— Вы слышали? — слышался голос стражи.

— И-и! — скулил принц и скребся когтями о пол.

— Это принц, — слышался голос стражи. — Слышь, недокоролева! Тут был волчонок? Где он?

— А! Грязный тощий скелетик? — удивилась я, глядя на волчицу и переживая малышу нос. — Так он сдох от голода, потому что его не кормили. Как и нас, собственно... А Титикака его... съел!

Титикака облизнулся, хрустя еще одной мышью.

— Нет, — осела мать. — Не может быть...

Волчонок ерзал, издавая шум. Он пытался вывернуться и броситься к маме! Но я не давала ему ни единого шанса. Меня грызли за пальцы, пытались расцарапать когтями. Но я, преодолевая боль, держала его в корсете.

Титикака стал бегать по камере, рыча и урча. Он гремел старой миской, требуя поесть.

— Вы.... Вы не выполнили обещания... — слышался задыхающийся голос матери. — Вы....

В этот момент ее лицо искривилось. Она обнажила острые клыки, бросившись на ирбиса. Тот мигом обернулся. Я увидела прикрытую дверь. И поняла, что у меня появился шанс! Схватив Титикаку, я пулей бросилась бежать, слыша рев и скулеж за спиной.

Меня пытались поймать, но поймали вонючую хламиду, которую я оставила в руках у стражника.

— За ней! В погоню! — кричали голоса, пока я неслась по ступеням вверх, плечом налегая на дверь, ведущей в замок.

— Дальше замка не уйдет! — ревело страшное чудовище.

1.4

— Дальше замка не уйдет! — ревело страшное чудовище. —
Поймать и убить!

Волчок в корсете ерзал. Я старалась придержать его, чтобы он не вывалился. Одной рукой я держала Титикаку, чья нижняя часть болталась в свободном полете. Второй — прижимала корсет.

Несколько раз мы наткнулись на стражников, но им было не до нас. Стены сотрясались, осыпались и падали огромными пластами потолочных перекрытий прямо! Волчицу, видимо, выследили!

Что-то я слабо верю в то, что одно величество проявило к ней милосердие просто так...

— Магов осталось мало! — кричали с другой стороны коридора. — Наши маги не выдерживают! Они пошли на штурм!

Коридор обрушился. И мы решили, что туда не пойдем! Навстречу нам пробежал целый отряд. На шее каждого был стальной воротник. Видимо, к битве готовились!

Вжавшись в стену, мы пережидали, пока громыхающие доспехами отряды пробегут по коридору в другую сторону.

— Туда мы тоже не пойдем? — выдохнула я, слыша, как трясется замок. — Ой!

Мне на ногу чуть не упала плита, заставив снова вжаться в стену.

Я бросилась в открытую дверь, слыша, как обрушивается коридор за нами, погребая дверь под обломками камней.

— Ой-ой! — выдохнула я, пытаясь никого не потерять! Успели! Мы успели!

— Поймал! — выдохнули мне на ухо, а меня схватили за плечо.

— Попалась, мышь, — прошипел голос, когтями вонзившийся мне в другое плечо. — Как раз вовремя! Иди сюда, мышь! Тащи сюда принца!

Мы стояли в тронном зале. По сравнению с нашим это была кладовка для садовых гномиков. Старый каменный трон с разрушенной спиной выглядел убого.

— Ваше величес... — замер в других дверях стражник с воротом.

Он почему-то не договорил, как вдруг я увидела, что он округлил глаза и застыл в неестественной позе. Одним резким движением его отбросило под трон. За ним стояла белая фигура. Только вот была она вовсе не белая.

— Подойди поближе! Так тебя будет лучше слышно! — прорычал знакомый охрипший голос.

Меня с принцем выставили вперед. Я почувствовала руку на шее. И острые когти, которые вот-вот вопьются в меня.

Позади нас стояли арбалетчики, направив смертоносные стрелы в сторону двери.

Увидев любимого, я дернулась, чувствуя острые, скользкие от когти на своей шее.

— Ну здравствуй, — послышался знакомый голос.

Величественная и страшная фигура в окровавленной меховой мантии бесшумно двигалась по залу.

— Братишка! Мне прямо не терпится тебя обнять покрепче в последний раз! Жаль, что наше знакомство будет недолгим, — послышался хриплый голос.

— Ни шагу, иначе я буду убивать по одному, — послышался задыхающийся рык прямо над ухом. — А пока выбир-р-рай. Или пр-р-ринц, или девка...

— Еще герои есть? Предыдущие быстро кончились! — послышался голос его величества. Он поднял окровавленную руку и облизал пальцы, увенчанные длинными когтями. — А новых когда подвезут?

Он смотрел страшными глазами. Голос его был хриплым. По волосам текла кровь.

— Стр-р-реляйте! — рывкнул дядя, крепче сжимая меня за горло.

— Нет! — ужаснулась я, видя как его величество хищно улыбается. Я зажмурилась, чувствуя, как рвется Титикака.

1.5

Послышались глухие щелчки выстрелов «Нет, только не...», — зажмурилась я еще сильнее, чувствуя, как сердце вот-вот пробьет грудную клетку.

В зале стояла тишина.

— Неужели? — послышался голосом заметил голос любимого. Я открыла глаза, видя, что он стоит там, где стоял.

Он поднял рукой шубу, которую просто изрешетили.

На нем не было ни царапины. Вроде бы...

— Фу-у-ух, — выдохнула я, чувствуя, как прогнулись колени от внезапно накатившей слабости.

— Знаешь, у меня есть опыт в убийстве братьев... — послышался голос его величества. Он снова слизал кровь руки, словно собрался умываться.

Я впервые видела его таким. В нем было мало человеческого. Совсем мало!

— Один на один, — хрипло продолжало его величество. — Как на счет поединка за корону? Учти, я уже один такой поединок выиграл... Обещаю сильно не портить твою шкуру. Она будет согревать мою женщину в холодные вечера.

Две хищника смотрели друг на друга. Я стояла, вытянувшись по струнке.

— Я знаю о твоих талантах, бр-р-ратец, — послышался голос за спиной. — Поэтому я защитил свой тыл. Одно неверное движение, и я убью ее и принца...

В зал ввалились огромные волки. Его величество завел руку за спину и обнажил клыки, что-то рыкнув. Волки остановились, как вкопанные. Разъяренные, страшные, с оскаленными пастьями, — я не узнавала вежливых и пугливых слуг.

— Как же так? Втор-р-рой раз у тебя похитили любимую! Ничего, новый мир-р-р большой. Как —нибудь отыщешь себе и тр-р-р-ретью! Если выживешь, р-р-разумеется. Что маловероятно, — послышался голос над ухом. — Жаль только нового принца ты вр-р-ряд ли найдешь! Так что, пожалуй, начну с р-р-ребенка!

На мгновение мы встретились с любимым глазами.

— Лови, — прошептала я одними губами, отчаянно жестикулируя. — Ло-ви!

Мой взгляд опустился на принца.

Эх! Мне конец! Сейчас стоит мне бросить принца, он меня убьет! Убьет... Одно движение «чик!» и меня нет!

Волки, которые стояли справа и слева переглянулись.

— Прощай малыш, — мысленно шептала я, глядя Титикаку. Волчонок возился. Ничего! Главное, чтобы детей не тронул... Волчонок выберется, я надеюсь. Просто нужно сразу же защитить корсет руками.

— Мама любит тебя... Очень любит... О тебе позаботиться папа...

О, боже, как же мне страшно... Я гладила пушистый животик, прижимая его к себе, в последний раз.

— Мама любит... — мысленно выдохнула я. — Мама любит своих котиков...

— Прощай! — одними губами прошептала я и размахнувшись изо всех сил швырнула принца через зал...

Огромная белая тень схватила еще ничего не понявшего Титикаку за шкурку и отбросила волкам.

— Ах ты,мышь! — послышался жуткий рев. Меня развернули к себе, сжимая мою шею. Как вдруг нас опрокинуло. Когти распороли мне спину, а я покатилась, прикрывая живот руками. Когда я очнулась, стража валялась мертвой вокруг каменного трона. В корсете кто-то ворочался. Живой!

1.6

В пустом зале сцепились два огромных зверя. Это было настолько страшно, что мы с волчонком забились за каменный трон.

— Ну что, гер-р-рой! — свирепо рычало его величество. И два огромных зверя сцепились в смертельном поединке.

Я вспомнила, как однажды, чувствуя его дыхание, услышала: «Я могу разрушить твою жизнь одним взглядом. А могу погибнуть защищая тебя и котенка...». И дыхание на ухо, от которого мурашки бежали по коже... Смерть или любовь... Страшна любовь ирбиса... Ой, страшна... И сейчас я видела, что она того стоит...

Комок окровавленных чудовищ расцепился.

— Ничего! — прорычал знакомый охрипший голос. — Зашьют дырки на твоей шкуре! Иди сюда, герой!

Я никогда не могла представить себе ничего страшнее этой битвы, как вдруг увидела, что ошиблась... По залу бежал Титикака! Видимо, вырвавшись у волков он бросился искать маму! Он увидел битву ни на жизнь, а на смерть и... решил помочь папе!

Я вскочила, бросаясь в сторону малыша в самое пекло, но огромная тень метнулась, прикрывая котенка собой от смертельного удара. Оскалившись жуткими клыками и взревев от боли, когда страшные когти полоснули его по спине, любимый пошатнулся и рухнул на пол.

Я не крикнула. Нет. Я просто задохнулась от ужаса. Слезы брызнули по лицу, когда я вспомнила его улыбку. Все воспоминания о ней пронеслись, словно в ускоренной съемке. Улыбка, поцелуй, поворот головы, брови, выражение глаз, смех, рука поверх моей руки, утрамбовывающая снеговика.

Через мгновение я увидела, как второе чудовище приближается к Титикаке. Тот мужественно рычит, скаля маленькие зубки. Огромная лапа с окровавленными когтями занеслась над малышом.

— Нет! — крикнула я, прикрыв принца собой. Я сжалась, понимая, что именно сейчас пророчество оракула начинает сбываться! Дядя убьет маленького принца.

Меня отбросило в сторону, я разжала руки и Титикака выскользнул на пол.

— С дороги,мышь! — рывкнули на меня, устремляясь к принцу.

Я не знаю, как у меня хватило сил и скорости, но я схватила меч, который валялся рядом. Видимо, он выпал из руки стражника, когда его доедали.

— Мыши — страшные звери! — прорычала я, опуская меч прямо на спину дяди.

Он резко развернулся, выбив меч у меня из рук огромной лапой. Как вдруг он завалился, хрипя и дергаясь. Дернувшись еще раз, он затих...

Я резко обернулась в сторону, откуда был выстрел. Любимый стоял в человеческом обличье, зажимая кровь на правой руке. Левая рука медленно опускала арбалет.

— Попал, — послышался страшный хриплый голос. Арбалет вывалился на пол.

— Сумрак! — крикнула я, бросаясь к нему, пока Титикака гордо ходил кругами мимо трупа. И рычал на него...

— Сумрак... Сума, — прошептала я, ловя любимого и пытаюсь его удержать... Я никогда его так не называла... — Сумрак... Мой Сумрак...

Видимо, урок со стрелой даром не прошел!

— На помощь! — в отчаянии крикнула я, глядя на огромного раненого зверя.

— Нет! — прорычал страшный голос любимого. Он хрипло выдохнул и встал сам. Шатаясь, едва наступая на больную лапу, он шел.

— Рана... Рана серьезная... — тряслась я, видя, как он еле идет. — Может, полежишь?

— Нет! — рыкнули на меня. Волки ввалились всей гурьбой. Братья обернулись на ходу.

— Ваше величество! — крикнули они, доставая флаконы с зельями.

— Пр-р-рочь! — рывкнули на них так, что сотряслись стены. Волки замерли, боясь подойти. Бородатый двигался по стеночке, звеня кожаной сумкой.

— Возьми... — прошептал он, а сумка скользнула по кровавому полу. — Там все...

— Там все подписано! Я уже знаю, — вздохнула я, ловя сумку. Волки скрылись.

— Ну милый, ну хороший мой, — уговаривала я, доставая первый пузырек. На меня скалились, рычали, я жмурилась, но откупоривала зелье. — Ну потерпи! Куда!!!

Я поймала его за окровавленный хвост. На меня тут же огрызнулись.

— Э, не! — выдохнула я, замечая рану на спине. — Я подую, я обещаю...

Страшный рык оповещал всех, что добрый доктор Айболит все-таки добрался до ран. На полу валялись пустые флаконы. Я зажмурилась, слыша как с меня сдувают скальп рыком.

— Будем думать, что ты сдуваешь с меня пылинки, — заметила я, видя, как раны начинают стягиваться. — Куда пошел! А на руке, ой, то есть на лапе мы так оставим? Нет, нет, нет... И не надо мне тут: «Рrrrrrr!» Я тебя за ушком почешу. И даже левее...

С меня опять, чуть не сдули скальп.

— Добрый доктор Айболит еще не закончил! — выдохнула я, краем глаза отслеживая то, как Титикака охотится на дохлого дядю. Он и выпрыгивал, и рычал и скалился. Мамин защитник.

— Вот и все, — выдохнула я, отшвырнул последний флакон. И тут я почувствовала, как по моей руке прошелся шершавый, как наждачка язык.

— Я тебя тоже ... очень сильно... — прошептала я, чувствуя, как силы мне изменяют.

Я видела, как он снова обернулся человеком, подошел ко мне и просто молча обнял. Мне кажется, что в последние несколько дней я жила только ради этого.

— И все-таки, мыши — очень страшные звери... — слышался голос.

— Очень, — прошептала я, вспоминая, как бросилась с мечом на страшное чудовище.

— Вот, — прошептала я, вспомнив про шубу. — Сегодня должна была быть наша свадьба... Но так получилось... Я не знаю ваших обычаев... Но я читала, что если шубу невеста не смогла сохранить, то свадьбы не будет... Я знаю, что тебя много раз предавали... Но...

Я осторожно достала из рукава кусочек драгоценной шубы и протянула его любимому.

— Я... Я не смогла сберечь ее полностью... — со слезами на глазах прошептала я. — Поэтому берегла маленькую частичку...

Я осторожно вложила ее в когтистую руку, закрывая ее.

— Так что ты был всегда со мной, — выдохнула я, видя, как его рука начинает дрожать. И сжимает мою вместе с кусочком шубы. — Всегда... Знаешь, мне казалось, что она действительно пахнет тобой...

Я доставала этот кусочек в тот момент, пока никто не видит. Мое маленькое сокровище лежало у меня в рукаве. И придавало мне сил.

Меня обняли так сильно, обхватив двумя руками, что я заплакала.

— Ой! — внезапно почувствовала я, как в корсете зашевелился придавленный волчонок.

Я схватилась за живот, чувствуя, как маленький пленник корсета просится на волю...

— Ой, да что ж ты... — простонала я, пытаюсь его оттуда вытряхнуть.

— Что? — спросили меня.

— Погоди, — простонала я, дуя губы и пытаюсь выдохнуть так, чтобы малыш выскользнул из корсета — Не мешай... Я хотела тебе сказать... У нас тут ... прибавление... Учти! Я никому его не отдам!

Мне пришлось встать на колени и вытащить малыша из-под рваной юбки.

— Я его в камере нашла... — заметила я, понимая, что любимый сейчас умрет от инфаркта. — Посмотри, какой он худой... Это волчонок той служанки... Мы сидели с ним вместе... Я спрятала его в корсет, когда его хотели убить... Так что теперь это тоже наш малыш...

Так, инфаркт мы предотвратили. Но эти глаза я запомню надолго!

Тощий волчонок жалобно выл и рвался. А я его утешала, глядя по голове.

— Хорошо, — слышался голос. Мне кажется, что после пережитого любимый был согласен на все.

— Принц, может, хватит делать дырки в маминой будущей шубе? — слышался голос любимого, пока я, пыталась собрать свой детский сад. Я взяла Титикаку на руки, оттаскивая от своей будущей шубки.

— Ой, а можно с капюшоном? А? — попросила я, глядя на труп и утаскивая Титикаку подальше. Я подошла к его величеству, пытаюсь удержать сразу двоих детей. Он усмехнулся, слизывая кровь, текущую по щеке. Как вдруг...

Оп!

— Rrrr! — слышалось за спиной. Я обернулась, видя, как воинственный Титикака упорно решил добить мертвого врага.

— Что это было? — слышался изумленный голос.

— То, что я хотела вам показать тогда, — улыбнулась я, чувствуя, что мне ужасно больно шевелить спиной. Повезло, что удар прошелся по касательной. Иначе бы мне была крышка.

Я положила руку ему на щеку, глядя в его глаза с улыбкой.

— Это тот самый... твой маленький... котенок, которого ты хотел больше всего на свете... — прошептала я, улыбаясь и глядя окровавленную щеку. — Ты думал, что это твой племянник. А это — твой сын... Твой настоящий сын... Я заметила это раньше... Просто при тебе он вредничал... И не хотел показывать... А теперь ты своими глазами увидел...

Его величество молчало. Только я одна видела, как размывая холодную кровь по его щеке течет что-то теплое...

— А еще вы с ним одно лицо, — прошептала я, понимая, что тоже начинаю хлюпать носом. — Такой же вредный и упрямый, как и его ... папа...

В этот момент меня обняли, прижимая к себе. И я никому не скажу, почему большой, гордый и красивый зверь, так тяжело дышит, уткнувшись в мои волосы, ненавидя себя за эту слабость.

Когда меня наконец-то выпустили из объятий, я увидела, что лицо его было спокойно.

Через минуту Титикака очутился на его руках.

— Rrrrrr! — попытлся лапой дотянуться до меня маленький принц. Он зацепил коготком мою одежду, притягивая к себе. Мы стояли и обнимали самого вредного, самого капризного и самого любимого принца.

— Ууу! — послышалось снизу.

— Так, одну минуточку, — прошептала я, высвобождаясь от кошачьих ласк. — У нас тут еще один!

— Это не сын, — послышался голос его величества, когда я поднимала волчонка с пола.

— Что значит «не сын»? Я от ребенка не откажусь! И плевать, что его мать предала меня. Ты обещал, что мы забер-р-рем ребенка! — прорычала я, глядя на тощий скелетик, обтянутый шкуркой. Он весь съежился, поджал сосульку хвоста. — Он не будет претендовать на трон.

— Еще бы не будет... — присмотрелся его величество. — Потому что это — девочка... Принцесса...

Эпилог

Эпилог

Роскошная шкура красовалась на моих плечах. Я даже знала, где у нее дырочка от удара моего меча. Так что считайте, что я тоже на нее «наохотилась»!

Я смотрела на себя в зеркало, чувствуя себя витязем в тигровой шкуре.

— В жизни был таким мерзким типом, — заметила я, глядя мех. — Но как шубка ты — просто прелесть...

Платье было почти неподъемным. Оно было до того тяжелым, что у меня дрожали колени. Нарядного принца уже унесли на церемонию «забоданные» до «Ай! Ваше высочество!», короной слуги. Следом унесли отъезжую принцессу, которая при виде мяса чуть не упала в обморок. На принцессе по такому же принципу была привязана диадема. Няня знает свое дело!

— Ваше величество... Вас ждут, — слышался голос бородатого.

— Как брат? — спросила я, глядя на волка.

— Скоро вернется в строй. Он не знал о том, что у нее есть волчонок. Но есть и хорошая новость. Оракул сказал, что его еще ждет невеста. Жаль, конечно, ту невесту... Но куда волчице против ирбиса... Наверное, так будет лучше для нее! То, что собирался сделать с ней его величество, за вас, куда страшнее. И стая бы ее все равно не простила. У нас нет оправдания предательству. Она должна была во всем сознаться.

— Могу с вами поспорить! — возмутилась я, выйдя из комнаты. Шуба была длинной. Она тянулась за мной по полу. И тепленькой!

— Кстати, брат уже в зале, — усмехнулся бородатый. — Ему не впервой ошибаться в женщинах, поверь... Он уже рассказывал, как блох подцепил от одной красавицы? Что мы потом все чесались!

— По-моему да, — кивнула я, нервничая. — Принцессу не отдам! Сразу говорю!

— Не переживайте, — утешали меня, пока я осторожно спускалась по ступеням. — Я бы и сам не отдал. Мой брат, хоть и

хороший охотник, но я-то его знаю! Рано ему еще!

— Но нянчить ее ему все равно придется, — заметила я, вспоминая, как два няня сидят с принцем.

— Пусть учится! — заметил бородатый.

Раны подлечили так, что даже шрамов не осталось. Если не присматриваться.

— Нервничаете? — послышался голос за спиной.

— Да, — усмехнулась я.

— Если что, мы его удержим... — пообещали мне.

Бородатый был наряжен, как никогда. Его шкура была вычищена. И теперь на ней красовалась золотая застежка. Только желтые глаза светились в полумраке лестницы.

— Постарайся... — уточнил он. — Просто вы сегодня такая красивая, что я боюсь, что той стражи, которая собралась со стороны жениха, может не хватить...

Я усмехнулась, осторожно двигаясь по коридору.

— А с моей стороны будет охрана? — спросила я, идя по знакомому коридору.

— Зачем? — спросил бородатый.

— А вдруг я наброшусь на его величество? — улыбнулась я, слыша, как он расхохотался на весь гулкий коридор.

— Вы? Наброситесь? — удивился он.

— Зря, а я серьезно, — полностью серьезным голосом произнесла я, видя, как передо мной открываются двери и как меня встречают гости. Восстания в королевстве улеглись, словно метель. Всех все резко начало устраивать.

Я вошла в зал, видя любимого в сверкающих белизной одеждах. Он стоял, стараясь не оборачиваться. Бедный мой жених!

Придворные склоняли головы, поглядывая на меня с опаской. Кто-то слил, что мышка — это очень страшный зверь.

1.1

Позади любимого стояла целая армия. Рядом со мной никого. В моем королевстве все немного заболели, но передали открытку, которую я подписала собственноручно!

Стоило мне подойти и поднять глаза, я поняла. Главное — дотянуть до клятвы!

Оракул вспыхнул, на мгновение ослепляя весь зал. Я чувствовала на себе пожирающий взгляд, от которого по коже бежали мурашки.

— Две судьбы сливаются воедино...

— Быстр-р-рее... — слышался шепот, а я почти физически ощущала, как скользит по мне взгляд, лезвием когтей срезая с меня одежду... На мгновение встретившись с ним, я почувствовала, как мое сердце лихорадочно забилося в груди.

— ... две жизни сплетаются вместе, чтобы даже смерть не смогла их разлучить... — произнес оракул.

Мне срочно нужна охрана... То, как он на меня смотрит, у меня грудь из корсета выскочит...

— Ваше величество, — слышался тихий голос бородатого.

Его рука впивалась в мою, гладила, сминала, чтобы снова гладить...

— Я сдеру с тебя это платье, — слышала я задыхающийся шепот, от которого мне резко переставало хватать воздуха. — Прямо здесь... И прямо сейчас...

— Ваше величество, — снова слышался робкий голос бородатого. — Наверное, нельзя было ставить их рядом...

— Да, — шептал голос, совсем близко. — Нельзя...

Если честно, я не слышала, о чем там говорит оракул. Я лишь чувствовала себя на лезвии чужого взгляда.

— Согласна ли невеста... — начал оракул.

— Да! — не дослушала я его, чувствуя, как мое запястье перебирают когти.

— Согласен ли... — продолжал оракул, видимо, немного обидевшись.

— Да! — слышался голос совсем близко...

— Тогда, отныне и до века... — произнес оракул.

— Готовьтесь, ребята, — послышался голос бородатого.

Я чувствовала, как нас окутывает свет. И в этом ослепительном сиянии я понимаю, что с меня срывают шубу и бросают ее на пол...

— Всех вон из зала! — слышался голос, когда я задыхаясь, впивалась в чужие губы. — Все вон!

В ослепительно свете была только я и мое чудовище, которое уже срывало с меня корсет, покрывая жадными поцелуями мою шею. Я откинула голову, вздрагивая от каждого поцелуя, словно по коже бежал электрический ток.

— Я не понял, это жених на невесту, или невеста на... — послышался голос.

— Вон!!! — рявкнули волки, а дверь закрылась в тот момент, когда мое платье рухнуло вниз, звеня тысячами бриллиантов.

1.2

Чудовище держало меня за волосы, освобождая меня от того, что так долго держало в плену.

— Ты что? — глаза его горели, а он задыхался от убийственной страсти. — Ничего не надела под платье?

— А зачем? — прошептала я, вздрагивая в его объятиях. — Предупрежден, значит, вооружен...

В какой-то момент я закричала — страшно, изо всех сил, раз за разом повторяя одни и те же слова, чувствуя, как мое тело сотрясают конвульсии и содрагаясь от отчаянных криков — все они были обращены к нему. Одному... Чудовище взревело, и я почувствовала, что это только начало...

Не знаю, сколько длилось все это, но потом все вдруг прекратилось. Я уткнулась лицом в его грудь и несколько раз глубоко вдохнула, но убийственный поцелуй не дал мне даже секунды передышки.

— вам... долгих... — продолжал Оракул, когда я почувствовала, как меня усаживают прямо на него.

— Выдыхала я в чужие губы, вздрагивая и выгибаясь.

— ... лет правления... — слышались крики оракула, когда я стекала вниз жадными поцелуями и дорывала остатки его одежды.

— Моя королева, — слышался рев.

— Вижу... четверо детей... — слышался голос Оракула подо умирающей мной.

Да, на счет девственницы, он был прав...

— И...

Я не успела опомниться, как мы очутились в покоех.

Через два дня, я сумела выйти оттуда на дрожащих ногах, кутаясь в чужую меховую мантию, как в халат. Уж больно сильно стучали! Я перепугалась, что что-то случилось с детьми.

— Нет, с принцем и принцессой все в порядке! Мы сказали, что коронация будет позже... Но не уточняли, когда... — слышался изумленный голос бородатого. — И ... народ по традиции требуют

простыню... Вы как бы почему-то очень ему полюбились... И теперь они переживают за вас...

— А! — кивнула я, вернувшись с белым комом в руках.

Бородатый развернул лохмотья.

— И как я это покажу? — произнес он, осматриваясь по сторонам.

— Ты еще одеяло не видел. И подушки, — вздохнула я, чувствуя, как меня затаскивают обратно. Сейчас на меня снова охотиться будут!

* * *

Моя тетрадочка, которую я притащила из нашего мира, постепенно пухла и пополнялась новыми «rrrrrr!». Я уже писала что-то похожее на транскрипцию. Мои успехи поражали.

Я могла не просто правильно назвать любимого по имени и позвать детей, но еще и составлять простые предложения. Зато я стала многое понимать в чужих рыках! Правда, еще не все могла повторить...

И сейчас эта тетрадочка превратилась в свернутом виде в очень грозное оружие. Сегодня наконец-то я смогла перевести свое имя!

На полу валялись двое. Титикака придавил волчицу, вылизывая ее изо всех сил. Мокрая, взъерошенная, она была куда слабее его. Она попыталась его укусить за нос, но тут же была прижала лапой. Мы никому не рассказываем, как юный принц таскает ей мышей. Это — наша семейная тайна. Зато мы уже научились считать, освоили даже деление!

Почему — то мне казалось, что однажды я вот так зайду в комнату и увижу, как они целуются... Но это будет еще не скоро... Зная Титикаку, я уверена, что он своего не упустит... А потом я расскажу ей про первую мышку.

Я поручила детей пушистым няням, которые с радостью принялись за дело.

— Спасибо вам, — слышался голос безбородого, который очень любил маленькую принцессу. — По — крайней мере, я вижу ее каждый день!

— Когда она подрастет, я скажу ей правду, — заметила я, видя, что время подлечило раны. — Я же сказала, ты можешь видеться с ней

в любое время...

— Знаю, — улыбнулись мне.

Свернутая тетрабочка шла убивать. Это ж надо меня так назвать!

Я открыла двери, видя любимого, который лежал на кресле, головой вниз. Да так, что его волосы стелились по полу. В его руках были какие-то бумаги.

— Попался, — заметила я, закрывая двери.

— Ну что? — на меня смотрели с улыбкой. — Сумела перевести имя?

Я показала свернутую тетрабочку и вздохнула.

— Как ты мог назвать меня ... эм... — я подсмотрела в свои пометки. — Роскошная... скажем так, ... грудь, но там намного проще... Роскошная грудь, как горы в снежном буране... эм... Бедра которые ... Ну тут явно про стул... Так, что бедра, которые не помещаются на стул... Мохнатые ноги, сводящие с ума... Лицо, напоминающее скалу И дальше вот!

Я просто не могла озвучить инструкцию по тому, как правильно нужно меня любить... Меня и мои мохнатые ноги!

— Я негодую! — шумно вздохнула я.

— Вообще-то, — усмехнулось его величество. — Твое имя переводится, как

Та, которой я мечтаю обладать вечно. Это устоявшееся выражение. Его невозможно перевести дословно...

— погоди! Так у вас есть еще устоявшиеся выражения? — ужаснулась я, ловя грамматический инсульт и лексический инфаркт.

— У нас в языке много чего есть, — слышался смех. — Он очень древний...

— Ага... древний... — выдыхала я, глядя на свою тетрабочку.

— Та, которой я мечтаю обладать вечно, — слышался голос, когда по спине пробежали его когти, а потом меня развернули к себе лицом. — Мне кажется, это самое красивое имя, которое только можно придумать для женщины... Я не нашел ничего красивей... Ты согласна?

— Да, это очень красивое имя, — прошептала я, гладя руками его грудь.

— Скажи это на моем языке, — потребовали у меня.

Я вздохнула, задумалась и зарычала.

— Почти, — расцвел улыбкой муж.

— Ваши величества! — постучались к нам в двери, когда я уже расстегнула первую пуговку.

— Что-то случилось? — встревожилась я, видя бородатого на пороге.

— Идите за мной, но только тихо! Очень тихо! Словно на охоте! — слышался его голос.

Мы направились в башню. Конечно же я топала громче всех, поэтому меня пришлось взять на руки.

— Тихо! — прижал палец к губам безбородый. Его глаза светились от счастья.

Дверь осторожно приоткрылась. И тут я увидела, как возле моего столика на цыпочках стоит маленький светловолосый мальчик и тянется к моей шкатулке с украшениями маленькими пальчиками. На вид ему было года три. На полу сидит темноволосая девочка помладше и требует двумя ручками дать ей шкатулку. Она тянет ручки изо всех сил. А маленькие пальчики тянутся за шкатулкой, подталкивая ее к краю стола.

— Вы это видели? — спросил бородатый, пока мы все столпились у дверной щели.

Шкатулка упала, рассыпаясь дорогими украшениями, которые сгребали детские ручки. Внезапно Титикака повернулся к нам, глядя на нас голубыми глазами.

— Ма... Па! — икнул он детским голосом, округлив голубые глаза. Точно такие же, как у папы.

Конец.

Nota bene

Опубликовано Telegram-каналом «Цокольный этаж», на котором есть книги. Ищущий да обрящет!

Понравилась книга?

Не забудьте наградить автора донатом. Копейка рубль бережет:
<https://litnet.com/book/kusuchii-sluchai-ili-nyanya-dlya-obrechnogo-b372551>